

МАГИ 12 СФЕР

РЫЦАРЬ ЗОЛОТОЙ РОЗЫ

ПРОЕКТ: Маги 12 Сфер. Реальная фантастика

АВТОР: Тимур Туров

ЖАНР: Городское фэнтези

ПРИСУТСТВУЮТ: Маги, необычные приключения, охотники на вампиров, другие Миры Скучные диалоги, многостраничные описания природы и погоды, предсказуемые сюжетные ходы

Сюжет - 100% | Мир -100% | Персонажи - 100% | Стиль - 100% |

Качество издания - 100%

Уже в апреле следующая книга проекта: Тимур Туров «КАМЕНЬ СУДЬБЫ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

КОРРЕКТУРА:

Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:

Тамара ШЕЛАМОВА.

ВЕДУЩИЙ САЙТА:

Павел ГУБАРЕВ.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,

Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЪЯНЕНКО,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша прессам «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография» 143400, Московская
область, г.Красногорск, Коммунальный кв., д.2
Зак.543

Тираж 13 500 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.
Редакция не несет ответственности за содержание рекламных
объявлений.

© «ЕСЛИ», 2010

ФАНТАСТИКА
ЕСЛИ
№4(206)
ISSN 1680-645X

131 Николай ГОРНОВ

ЗАРОДЫШ

Действительно: одни вкалывают всю жизнь, но едва сводят концы с концами, а у других деньги так и липнут к рукам. Ох, неспроста все это...

3 Фёдор БЕРЕЗИН

ЧАСОВЫЕ ПЕРИМЕТРА

...встали на пути доблестного космического разведчика «Ивана Ефремова». Намерения их непредсказуемы.

21 Дэйв КРИК

ПОХИТИТЕЛЬ АДРИАНЫ

...лишил девушку самого дорогого. Правда, не того, о чем вы подумали. А вот чего именно - пытается понять ее сестра.

49 Владимир ИЛЬИН

ПРОГРАММИСТ

Кому могла помешать милая робкая героиня, причем помешать настолько, что ее отслеживают киллеры?

79 Евгений ГАРКУШЕВ

ВЫГОДНАЯ РАБОТА

Ее поиск - не такое уж сложное дело. Главное - определить уровень притязаний.

111 Вячеслав БАСКОВ

ПАДУАНСКИЙ ПОРТНОЙ

Систему Станиславского, наверное, не стоит принимать слишком близко к сердцу.

183 Том ЛИГОН

ВСТРЕЧА В НЕБЕСАХ

Оказывается, виртуальность способна поработать и «машиной времени». Но может ли она изменять действительность?

211 Адам-Трой КАСТРО

ЧИКЕЦ

Писатель-землянин, приглашенный на творческий семинар инопланетными коллегами, чрезвычайно горд своей миссией и не догадывается, зачем на самом деле его позвали.

99 Елена НАВРОЦКАЯ

ЦИРК УЕХАЛ, КЛОУНЫ ОСТАЛИСЬ

Об этом фильме Терри Гиллиама у поклонников творчества знаменитого режиссера полярные мнения - от восхваления до уничтожения. Наш критик принадлежит, скорее, ко второй группе.

105 Аркадий ШУШПАНОВ

САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ

...воистину - самый маленький. В буквальном смысле.

101 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Если в Голливуде фантастика становится все пафоснее, то в родных пенатах сваливается в омут специфического юмора.

239 Сергей МАКСИМОВ

О ДИВНЫЙ СТАРЫЙ МИР...

Автор культового романа «Старикам тут не место» обратился к теме гибели земной цивилизации. Разумеется, и эта книга стала

бестселлером.

241 РЕЦЕНЗИИ

Книги пишут для того, чтобы их читали не только рецензенты.

264 КУРСОР

О чем могут беседовать при встрече Гоголь, Кафка и Гофман?

247 Николай КАЛИНИЧЕНКО

ЧТЕНИЕ - НЕ ИГРА!

По мнению эксперта, популярность новеллизаций компьютерных игр - явление закономерное, но не трагичное. Итоги интернет-голосования в целом подтверждают эту мысль.

250 НАНОФАНТАСТИКА

Любопытное задание предложил именитым фантастам журнал «Wired».

254 Ярослав ВЕРОВ, Игорь МИНАКОВ

УТОЛЕНИЕ ЖАЖДЫ

На этот раз московский и донецкий писатели замахнулись основательно: фантастика как новая конфессия!

267 ПЕРСОНАЛИИ

И постоянные авторы, и «новобранцы», и «возвращенцы».

ФЕДОР БЕРЕЗИН
ЧАСОВЫЕ ПЕРИМЕТРА

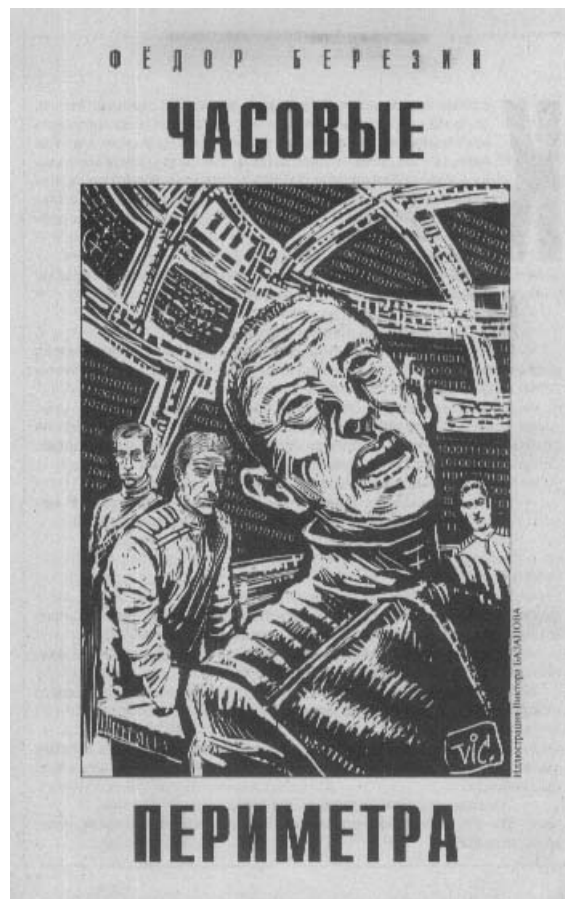

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Корабль завершил торможение и завис. Он тормозил долго, тормозил экстренно, перегрузка зашкаливала за пятьдесят «g». Экипаж спал, точнее, не просыпался. Да и сном это тоже назвать было нельзя: практически это была полная остановка жизненных функций, пусть и временная. А вот теперь, после маневра, их требовалось разбудить. Первым в списке значился капитан. Он вышел из комы и задышал за час до пробуждения основного звена.

- Где мы? - спросил Гровер. - Это не система Кадуцея.

- Мы не добрались, - доложил Ртутник, электронный страж корабля. - На пути возникло препятствие, пришлось тормозить.

- Возникло? - переспросил капитан.

- Выявилось, - сделал поправку Ртутник.

- Почему ты принял решение самостоятельно? - Гровер говорил сдержанно, но кровь прилила к лицу, а кулаки сжались: срыв полета дальностью в световые столетия - это не шутка.

- Даже ускоренная, с риском, реанимация занимает шесть-семь часов. Плюс - после принятия решения - почти столько же уходит на погружение в анабиоз. «Ефремов» не успел бы затормозить и погиб. Предположительно погиб, - снова поправился Ртутник.

- Что за препятствие? - спросил Гровер, он все еще кипел.

- Точно не выяснено. Вернее, чем ближе, тем запутаннее. В момент принятия решения объект представлялся погибшей звездой.

- Сверхновая?
- Нет, последствия.
- «Черная дыра»?
- Да.
- Господи, - выдохнул Гровер. - А как же ее оболочка? Мы прошли на бешеной скорости... Мы все должны были... Или...
- Радиационного потока не было, командир. И сброшенной звездной оболочки не было тоже. Посмотрите данные.
- Разве коллапс такого типа существует? - бессмысленно, скорее не у робота, а у себя, спросил капитан.
- Пока неизвестен.
- Ладно, - прервал диспут с машиной человек. - Пусть «черная дыра». Почему, Ртутник, ты принял решение тормозить? Разве нельзя было обойти?
- Существовал риск не обойти, капитан.
- Что ты мелешь? «Черная дыра» - объект компактный, даже меньше пульсара.
- Эта не такая, Гровер. Есть рассогласование данных, однако по самым худшим... Диаметр где-то в световой год.
- Черт, - высказался капитан. Он уже с бешеной скоростью просматривал на виртуальном экране файлы и записи. - Но ведь даже при таком диаметре имелся шанс обойти. Разве нет?
- Только шанс, командир, - скорбно отметил Ртутник. - Во-первых, мы бы все равно отклонились от цели. Это даже во-вторых. А во-первых, приливные силы могли разорвать «Ивана Ефремова».
- Решение с натяжкой, Ртутник, - констатировал капитан голосом более металлизированным, чем у машины. - К тому же, по первичным данным, техника оценивала объект как в десять раз более компактный. Так?
- Так, капитан, - согласился электронный мозг. - Однако моя осторожность оказалась к месту, разве нет?
- Будьте весь экипаж, Ртутник! - распорядился командир, прерывая дискуссию.

* * *

- Ясно, что он принял решение, исходя не только из безопасности, - сказал физик. - Огибание препятствия даже по большой, с огромным запасом безопасности, дуге все равно не привело бы к такой потере топлива, как сейчас.
- Мозг руководствовался другим? - уточнил капитан.
- Кстати, наша комната отсечена от него...
- Ты о прослушивании? - усмехнулся кибернетик. - Выкинь из головы.

Мы не можем убрать доступ Ртутника окончательно. Но твой страх, Ремо, исходит из извечной боязни машинного бунта. Уймись.

- Уймись, - скривился физик. - Он уже принял не самое рациональное решение, хотя по своей машинной природе, как я понимаю, должен был как раз принять наирациональнейшее. Черт знает, что от него еще ожидать.

- Наш электронный мозг временно отсечен от кают-компании, - сообщил капитан. - Но кто еще хочет что-нибудь добавить?

- Если он принял не самое рациональное решение, - раздражающе вяло высказался кибернетик, - то, следовательно, он руководствовался какими-то другими критериями, не только безопасностью корабля. Правильно я понимаю, капитан?

- Я тоже так подумал, Содан, - кивнул Гровер.

- Какие решения, кроме безопасности, могут стать приоритетными? - спросил биолог.

- Ясно какие, - пожал плечами капитан. - Те же, что погнали нас, точнее человечество, к звездам.

- Дальние задачи иногда более важны, чем текущие, да? - переспросил биолог.

- Естественно, Олдрин. Какая задача может стать более актуальной, чем исследование системы Кадуцея?

- Разум? - догадался биолог.

- Значит, надо допустить, что я ни черта не знаю о своей работе, - констатировал кибернетик. - Моя машина, оказывается, - машина, попросту ведущая звездолет из пункта А в пункт Б, - может принимать решения, исходя из неких философских доктрин.

- Ртутник, реанимация ноль! - громко скомандовал капитан.

- Слушаю, командир, - отозвалась машина.

- Ты знаешь, о чем мы сейчас говорили?

- По вашему распоряжению я не подслушивал, но запись ведется непрерывно, так что я могу...

- Не надо, Ртутник. Скажи, только ли соображениями безопасности ты руководствовался для принятия решения на срочную остановку?

- Только ими, командир. Хотя...

- Что, Ртутник?

- Я... я не знаю, Гровер.

- Понятно. Блокируйся покуда. Ртутник, реанимация единица! - распорядился капитан. - Всем все понятно?

- Он имеет подпрограмму приоритета, не доступную на уровне его логического блока и блока общения с командой, - пояснил кибернетик.

- Я не об этом, Содан, - отмахнулся Гровер. - Ремо, скажи как физик, какова вероятность существования такого объекта. Ты ведь ознакомился с данными, насколько я понимаю.

- Вы насчет того, искусственный ли он? То есть может ли

существовать «черная дыра» с такими характеристиками? Откуда мне знать, капитан Гровер? Мы слишком мало знаем о «дырах». Слишком мало. В сущности - ничего. Когда-то и первые «пульсары» приняли за чужие передатчики. Думаю, торможение даже для изучения такого уникала стоило потери системы Кадуцея.

- Понятно. Он на стороне машины, учти, Содан, - усмехнулся капитан.

- Короче, все при деле, - вздохнул Олдрин. - Кибернетик прокололся и теперь занят по уши, физик угодил в рай, химик, наверное, тоже пристроится. Один я тут буду не при делах. Зачем я летел, командир?

- Я думаю, до самоубийств на базе потери целеполагания у нас не дойдет? - капитан развеселился не на шутку. - Итак, решение понятно. Будем изучать аномалию. Кстати, господин физик, вы обратили внимание на скорость «дыры»?

- Еще бы! Она аномальна. Идет поперек Галактики.

- Капитан Гровер! - внезапно самореанимировалась машина. - Тревога!

- Что там, Ртутник? - тут же спросил капитан.

- Обнаружены быстро движущиеся объекты. Траектория меняется. Вероятность их движения именно к нам более девяноста процентов.

* * *

- Вам не кажется, что это слишком быстро? - спросил командир.

- Скорость движения приблизительно одна двадцатая световой, - тут же подсказала машина.

- Я не тебя спрашиваю, Ртутник, - оборвал командир.

- Я понял, Гровер, - кивнул физик. - Вы по поводу их появления?

- Вот именно, Ремо. Учитывая объем пространства, окружающего этот объект (солнечные системы тонут тут тысячами), они слишком быстро нашли нас. Не находите это подозрительным? Представьте, сколько постов наблюдения потребуется, чтобы встречать гостей со всех возможных направлений.

- Объяснение проще, и оно само напрашивается, командир.

- Они следили за нами, да?

- Верно, - кивнул физик.

- Как давно?

- Всполох наших «тормозных» виден на десятки парсеков. С учетом предела распространения информации, разумеется.

- Понятно. Странно, что они еще на подходе, а не возле нас.

- Мы не знаем их цели, командир.

- Вот именно, - задумчиво ретранслировал Гровер. - Ртутник! - вызвал он. - Как там Паронаут?

- Все еще не выведен из комы, Гровер. Машины делают все

возможное.

- Понятно, - все так же задумчиво проговорил командир. - Мы лишились химика еще до главных событий. Ртутник!

- Да, командир.

- Реанимация единица!

- Кибернетик, слышите меня? - обратился Гровер в пространство, ибо специалист находился в другой части корабля.

- Так точно, командир!

- Не паясничайте, Содан. Сделайте, пожалуйста, вот что. Уничтожьте все данные о координатах Земли.

- Вообще все, Гровер? Включая те, что в поле Ртутника?

- Да, все, Содан. И действуйте побыстрее. Причем...

- Стереть информацию?

- Нет, этого недостаточно. Уничтожьте физически. Возьмите рабочий лазер. Испепелите блоки. Только не увлекайтесь слишком. Не прожгите корпус.

- Понял, командир. Сейчас приступаю.

- Думаете, они не узнают, если следили за нами давно? - пожал плечами физик.

- Откуда мне знать? - холодно глянул на него капитан. - Из пепла блоков уж точно ничего не раскопают. Конечно...

- Есть другие источники информации, - договорил за него физик.

- Есть, Ремо. К сожалению.

- Интересно, Гровер, в перечне ваших обязанностей имеется секретный пункт? То есть можете ли вы приказать нам всем покончить жизнь самоубийством?

- Не вашего ума дело, господин физик.

- Успокоили, командир, - физик улыбнулся.

- Что тут смешного, Ремо? - нахмурился капитан.

- Просто представил. На борт шагают представители иного разума, тянут руку для пожатия, а тут полный суицид. Во комедия будет!

- Много болтаем, Ремо.

- Есть время, командир. Не думаю я, что они так, на предельной скорости, и подойдут. Должны начать тормозить. Кстати, тут и пригодится наш безработный.

- Олдрин?

- Именно. Рассчитав тормозное ускорение, можно будет понять, что за существа находятся внутри. То есть из чего они. Хотя бы приблизительно, так ведь?

- Не так, к сожалению, - покачал головой капитан. - Судя по нашему собственному тормозному вектору, нас с тобой тут не должно быть.

- В смысле, у них тоже реанимация, только ускоренная?

- Вот именно. Если они, конечно, вообще там присутствуют. Там могут оказаться далекие аналоги нашего Ртутника, и не более.

- Допустимо, - кивнул физик.

Оба замолчали. Им было что наблюдать, точнее, чем любоваться.

Перед ними на большом виртуальном экране расстилалось неизвестное. В общем-то, визуальная пустота. Масштабы ее были непредставимы для человеческого разума. Если бы обзор был круговой, то все, чем она могла себя выдавать, - это отсутствие звезд. Там, за этой «сверхдырой», не было ничего. Хотя по краю - они уже зафиксировали это - присутствовала едва уловимая аномалия. Но для них, астронавтов, конечно же, наблюдаемая. Плотность звезд превосходила среднюю, и к тому же их цвет тоже отличался. Был сдвинут. Причем по-разному: у одних - в красную, у других - в голубую область. Все в зависимости от расположения относительно чудовищной массы. Плотность далеких светил изменилась потому, что таинственный объект работал как гравитационная линза.

- Значит, по-вашему, такая штука существовать не может? - подвел итог любованию пустотой командир.

- Конечно, не может, - почему-то поежился, хотя вокруг был идеальный микроклимат, физик. - По крайней мере, хоть сколько-то длительное время. Эта сверхмасса обязана тут же схлопнуться, провалиться в тартарары.

- Но в центре Галактики вроде бы что-то такое существует.

- Может быть, даже побольше, - согласился физик. - Но ведь там она и впала в сингулярность. Она непрерывно схлопывается. Просто мы видим ее, вернее видели бы, не мешай нам галактический рукав... из-за постоянно падающих на нее звезд. Похоже, они туда сыпаются, будто песок. Во жуть-то! Как хорошо, что мы живем далеко.

- По нашим представлениям, жить возле центра никто и не может. Нам повезло, мы в коротационной окружности, - поучаствовал в просветительной беседе капитан.

- По нашим представлениям, и этой не должно быть, - взмахнул рукой физик. - Я вам докладывал о кольцах, Гровер?

- Я просматривал ваши заметки, уж не обессудьте, - выдавил улыбку капитан.

- Я назвал это «кольцами», - все же пояснил физик. - А как еще это назвать? Кольца тоже, как и объект внутри, не наблюдаемы. Отсюда я не могу оценить, видимо, нужна более удаленная точка... Хотя не уверен, что откуда-то со светового года удастся вообще что-то рассмотреть. Может, пропадет и сама «сверхдыра». Ведь она необычная... Да, о кольцах. Их целая система. Честно говоря, я запутался, сколько их, слишком малое время идут наблюдения. Но, похоже, тысячи. Не знаю, скорее всего, они не пересекаются друг с другом, хотя тут и черт ногу сломит. Так вот, капитан Гровер, вы поняли, из чего эти кольца?

- Там что-то двигается внутри, да? И как показывает аппаратура,

точнее как трактуете вы, Ремо, с субсветовой скоростью, так?

- Да, капитан. И знаете, что там движется?

- Планеты? - прикинул вслух капитан и тут же сгладил проявившееся мальчишество: - Это я так, навскидку, поэкспериментировал.

- Нет, командир, планеты бы мы спокойно пронаблюдали. Хотя простым телескопом проблематично.

- Из-за скорости?

- Да нет, против фазовой даже скорость света бессильна. Обзорную плоскость всегда можно повернуть быстрее любого материального тела. Просто обычным телескопом нечего ловить. Ведь планеты светят отраженным светом, а здесь нет близкой звездной подсветки. Но есть и другие методы. Однако что это я о планетах? Там вовсе не планеты - еще хуже.

- Не томите уже, Ремо, - бросил капитан.

- Эти кольца сами состоят из «черных дыр», Гровер.

- Вы это точно установили? - внимательно глянул на физика капитан.

- Нет, не точно, командир Гровер, - отмахнулся физик. - Но к нам приближаются гости. Я не знаю, удастся ли нам нормально поговорить. Так что довожу вам свои мысли. В обычной обстановке я бы еще проверял и перепроверял.

- Понятно. Точнее, совсем непонятно, Ремо. Это что, какие-нибудь «микродыры»?

- Не знаю куда. Может, смесь из «дыр» разной массы. Наверняка некоторые в массе похлестче нейтронных звезд, но в диаметре - поменьше.

- А почему они взаимно не сталкиваются? Не коллапсируют?

- Да откуда мне знать, Гровер? Они идут там потоком. Понимаете, они движутся потоком вокруг центрального сверхобъекта. Не одна за другой, а смешаны, как толпа. Идут с почти световой скоростью. Причем они не уходят из потока, не улетают в открытое пространство... Хотя вследствие такой скорости некоторые из колец должны вылететь в пространство. Попросту выстрелиться в космос. Но они идут по орбите. Правда, и не орбиты это вовсе.

- А что же? - с напряжением спросил капитан.

- Они явно не эллиптической формы. Допустимо, что все эти кольца переплетены. Причем, вы же поняли, они обволакивают ту, первоначальную «сверхдыру» со всех сторон. Не как у Сатурна.

- Вроде того, как в древности представляли атом, да?

- Что-то похожее. Только колец тысячи, я уже говорил.

- И что дальше? В смысле, для чего это?

- Удивительно правильный вопрос, капитан Гровер, - глянул прямо в глаза капитану физик. Такой вопрос имеет значение только в отношении искусственного объекта, никак не естественного. Ведь не спросишь же: «Для чего Гималаи?». Конечно же, они порождают

всяческие явления на Азиатском материке - геофизические, там, политические, но глупо думать, что Гималаи именно для этого. Они просто данность.

- То, что объект искусственный, доказывают звездолеты, движущиеся к нам, разве не так, Ремо?

- Только косвенным образом, командир. Только косвенным. Они ведь могут быть такими же, как и мы.

- Ладно, давай далее о кольцах. Заинтриговал!

- Короче, колец тысячи. Идут перпендикулярно и как угодно. Понятно, ниже, выше и в переплет. «Черных дыр» в них... ну, миллионы, наверное. Может, миллиарды, если там есть сверхмалые.

- Целая галактика?

- Если каждую уподобить звезде, то да, целая галактика Млечный Путь. Но вы правильно спросили: «Для чего это все?».

- Ну и для чего, господин физик?

- У меня есть одна догадка, капитан Гровер.

- Только одна?

- Было несколько, но эта самая лучшая.

- Говори уж.

- Вся данная система создана (а как еще изволите высказаться?) для уравнивания центральной «сверхдыры». Все эти волшебные кольца - всего лишь противовесы. Они не дают ей спокойно провалиться в сингулярность, за «горизонт событий».

- Ловко! А для чего?

- Это уже другой уровень, - пожал плечами физик. - Я еще с первым не разобрался.

- Ну, разбирайся, Ремо.

- Боюсь, не успею, Гровер.

- Делай, что успеешь. Ты ведь ученый!

Гровер хлопнул физика по плечу и покинул помещение.

* * *

- Командир Гровер!

- Слушаю, Ртутник.

- Химик Паронаут не вышел из комы.

- Я знаю, Ртутник. Я вроде велел сообщать об изменениях, а не о статике. Что-то еще?

- Повторяю, командир, Паронаут не вышел из комы.

- С тобой что-то не так, Ртутник?

- Провести контроль систем?

- Нет, не сейчас, Ртутник. Ты мне можешь понадобиться. Гости рядом. «Гости» были действительно рядом. Две странные конструкции

зависли в половине световой секунды от «Ивана Ефремова». И так и висели, синхронизировав орбиты и отстранившись друг от дружки на девяносто градусов относительно землян. Больше за половину суток ничего не произошло. За это время с «Ефремова» в сторону «гостей» ушли все предусмотренные инструкцией сигналы. Задействовались десятки диапазонов - от видимого света до длинноволновых радиосообщений. Ответа не поступало.

Экипаж вдоволь налюбовался «гостями». Точнее, проимитировал это действие. Сквозь телескопы, усилители света и инфракрасные приемники прищельцев удалось заметить, но не рассмотреть. Со всей осторожностью задействовали активную локацию. В некоторых диапазонах сигналы возвратились на радары. Тем не менее по радиолокационным отражениям остались сомнения и насчет формы, и даже насчет примерных размеров объектов. Физик сделал смелое (уже какое по счету) предположение, будто чужие звездолеты не статичны, а постоянно меняют форму. Это было непонятно, но за эти дни непонятности полностью вошли в обыденность. Он привел аналогию с вертолетом, винт которого крутится и дает размазку радиоотражению из-за эффекта Доплера. Это ничего не объяснило - винты в космосе не используются, - но для мозгового штурма годились любые гипотезы.

Очень внимательно велись наблюдения за облучениями «Ефремова» со стороны чужих. Однако в условиях нахождения рядом со сверхсистемой из миллионов малых и одной «супердыры» излучений всякого свойства хватало. Опять же физик предположил, что чужие вполне могут обходиться пассивными методами анализа, если умеют обрабатывать весь спектр гравитационных воздействий. Поскольку гравитация проникает сквозь любые препятствия, то при наличии соответствующей аппаратуры вполне реально без проблем заглянуть даже внутрь «Ивана Ефремова». «Успокоили, Ремо», - сказал на это капитан корабля.

- Командир Гровер! - снова вызвал электронный мозг. - Сообщаю еще раз: человек Паронаут из комы не вышел.

- Ты что, с ума сошел, Ртутник?! - раздраженно отозвался капитан. - Эй, кибернетик, где вы есть? - сказал он по общей связи через секунду.

- Разберитесь, что за мания у Ртутника.

- Что у него, командир? - отозвался откуда-то Содан.

- Откуда мне знать, это ваша прерогатива, - с досадой пояснил капитан.

Их зарождающаяся перепалка была внезапно прервана.

- Командир Гровер! Это Олдрин, биолог! Я в кают-компании.

- Что еще? - переключился капитан.

- Тут... тут Паронаут пришел.

- Что?!

- Сюда пришел Паронаут. Прямо из реанимационной. С ним что-то не

так. Надо бы отправить его обратно, а я один не смогу... кажется.

- Сейчас буду, - сосредоточенно произнес Гровер, вскакивая. - Ртутник, доложите, что случилось.

- Повторяю, командир. Человек Паронаут не вышел из комы.

- Но он же в кают-компании?

- Да, он в кают-компании. Он покинул «реанимацию» и отправился туда.

- Но ведь...

- Он по-прежнему в коме, Гровер.

- Как это может быть, Ртутник?

- Я докладываю вам факты, командир. Интерпретации не мое дело.

- Хорошо, Ртутник. Приношу извинения за свои предположения о вашей поломке.

- Принято, капитан Гровер.

* * *

Паронаут сидел в кают-компании, занимая командирское кресло. Он был совершенно гол, тело - в каких-то голубоватых струпьях, следах анабиотической процедуры; кое-где остались неубранные датчики. Над ним суетился биолог. Олдрин был странно бледен, но на фоне химика лицо его все же розовело.

- Что с ним? - спросил появившийся капитан.

- Я никак не могу его... - запнулся биолог. - Знаете, командир, у него нет пульса.

- Что вы мелете, Олд...

- Пульс я мерить умею, Гровер! Уж поверьте.

- Ртутник!

- Да, капитан.

- На химике датчики, вы можете дистанционно...

- Биолог Олдрин прав, командир Гровер. У человека Паронаута нет пульса, и кроме того, он не дышит.

- Его надо в реани...

- Не беспокойтесь, капитан Гровер, - внезапно каким-то странным, очень тихим голосом произнес Паронаут. - Сейчас, - сказал он, меняя позу, - надо все же вдохнуть, иначе не получится разговаривать. Удивительная артикуляционная система. Очень рациональная, все слитно.

- Паронаут, ты...

- Да сядьте вы, Гровер. Соберите весь экипаж.

- Кто вы та...

- Вы уже знаете, капитан Гровер, - Паронаут внезапно ужаснейшим образом ослабился. Может быть, он попытался улыбнуться, но

выглядело это чудовищно.

- Содан, - сказал в пространство едва слышно Гровер, - вы еще с лазером? Тащите его сюда.

- Понял, - почти неслышно отозвался кибернетик из какого-то дальнего отсека.

- Лазеры, - произнес со странным акцентом и с придыханием Паронаут. - Ну, насмешили. Будете убивать своих, Гровер?

- Кто вы?

- Вы прекрасно знаете, Гровер, - чуть более по-человечески сказал Паронаут. - Я представитель тех, что висят на расстоянии световой полусекунды. Нет, уже...

- Командир! - донесся по громкой связи голос физика. - Один корабль чужих пошел на сближение!

- Не берите в голову, капитан Гровер. Мы не будем вести абордажных боев. Просто требуется уменьшить запаздывание сигнала, - выдал комментарий Паронаут, точнее его ротовое отверстие.

- Всему экипажу! Прибыть в кают-компанию! - распорядился Гровер стальным тоном. Он уже взял себя в руки. - Вы бы хоть оделись, - посоветовал он Паронауту.

- Не смогу, наверное, - вибрирующим, но без интонации голосом ответил химик. - Сложное дело. Да и запаздывание.

- Вы управляетесь по радио? В смысле - на расстоянии? - спросил командир. Он уже интересовался подробностями.

- Ага, - химик вдруг совершенно не к месту зевнул. Какими-то рывками повернулся в кресле в сторону капитана. Глаза его непрерывно моргали с невероятной скоростью, с такой, что веки казались полупрозрачными: сквозь них виднелись ужасно расширенные, во всю радужку, зрачки.

- Послушайте, - сказал Гровер. - Вы расшатаете, разбалансируете организм нашего товарища, и мы не сможем его ожи... привести в чувство.

- Человек Паронаут однозначно мертв, командир, - выдал заключение как бы на ушко капитану Ртутник: это был особый режим передачи голоса сфокусированным звуколучом.

- И мы не сможем...

- Похоже, не сможем.

- Послушайте, - обратился к Паронауту и к тем, кто за ним стоит, капитан. - Вы начинаете контакт с убийства нашего товарища. Это, мягко выражаясь, нехорошо.

- Он не вышел из анабиозной комы, вы же знаете, - отмахнулся Паронаут, при этом и правда махнув рукой. - Вы же в курсе, командир Гровер, что анабиоз не дает стопроцентной гарантии пробуждения, тем более в условиях сложности космического полета.

- Я в курсе, но...

- Хватит о мелочах. Когда наконец соберется экипаж, капитан Гровер?
- Что вы себе позволяете, Паро...
- Не знаете, как меня назвать? - спросил живой мертвец. - Зовите, как хотите, мы не обидчивы.

В этот момент в кают-компании появились физик и кибернетик, причем последний прятал за спиной массивный когерентный излучатель. В других обстоятельствах такое выглядело бы нелепо, но сейчас смеяться не хотелось.

- У меня к вам всем один вопрос, - сказала что-то там, в Паронауте. - Как ваша цивилизация нашла нас? Я в курсе, что вы не знаете прямого ответа, но подумайте. Вдруг мы что-то упустили в плане маскировки.

- Может, начнем с чего-нибудь друго... - вмешался капитан.

- Не будем уводить диспут в сторону, Гровер, - снова чудовищно, но все же чуть мягче улыбнулся Паронаут. - Всяческие обмены верительными грамотами оставим на потом. И пусть ваш кибернетик поставит рабочий лазер на предохранитель. Еще подожжете кресло или палец на ноге отпилите. Потом опять нас будете обвинять.

- Здесь бессмысленно что-то скрывать, командир, - пробормотал физик. - Можно я?

- Валяйте, Ремо! - подбодрил его Гровер.

- Мы наткнулись на вашу «машину» случайно, просто летели мимо и чуть не воткнулись, - растолковал физик.

- Послушайте, физик Ремо, - скривился Паронаут. - Это тело, через которое мы общаемся, охлаждается, по-вашему костенеет. Нам что же, еще теплоподачу сюда вести? Не тяните резину. Прикиньте, какова вероятность наткнуться случайным образом на такой объект. Вы что же, считаете, будто такие штуковины разбросаны по космосу ворохом? Думайте, как ваша цивилизация нас вычислила? Электронный мозг! Вас вопрос тоже касается, вы ведь член экипажа или не так?

- Да, но номинально... - проямлил (у Гровера отвисла челюсть) Ртутник.

- Не знаем, как у вас... Вернее, знаем. Но по-нашему, да и фактически, вы член экипажа. Так что докладывайте.

- Физик Ремо прав, - произнес Ртутник. - Мы наткнулись случайно. Вернее, я наткнулся. Экипаж находился в анабиозе, так что решение принял я. Но и я не знал, что здесь такое.

- Робот Ртутник, вы просчитали вероятность. Так что объясните.

- Но ведь она не равна нулю, понимаете? Вы же существуете, а потому, по идее...

- Вы двигались от Солнца, - (не только Гровер, но и остальные замерли), - к системе Кадуцея, с огибанием большого пылевого облака. Существовало множество способов его обойти и пройти от нас на порядочной дистанции, где чувствительность имеющейся аппаратуры не позволила бы обнаружить объект, но вы двинулись по траектории,

которая с неизбежностью...

- Вы гребете под свою гипотезу все подряд, - отрезал биолог. - У вас паранойя, что ли?

- Послушайте, господа люди. Наша работа - беречь объект от внешних вторжений. Мы хотим узнать, как ваша цивилизация нас обнаружила, дабы обезопаситься впредь. Понимаете, если бы мы хотели вас прикончить или уничтожить ваш корабль, неужели вы сомневаетесь, что у нас не хватило бы силенок раскатать ваш «Иван Ефремов» в пыль? Достаточно лишь какой-то из наших красоток, коих в каждом кольце, как вы уже догадались, миллионы, чуть отклониться от курса и пройти вблизи вашего корабля - и все! «Ефремов» в течение тысячной доли секунды размажется в блин, который окутает «дыру», а потом тут же втянется за линию сингулярности. Я правильно поясню, физик Ремо?

- Правильно, - кивнул физик. - Только, наверное, вы преувеличиваете. Вы не способны управлять этими «черными дырами». Мне почему-то кажется - они не в вашей компетенции.

- Как вы смогли построить такую штуку? - спросил Гровер. Они с лже-Паронаутом были уже на короткой ноге.

- Мы ее не строили, капитан Гровер, - ответил становящийся все более и более механическим Паронаут. Теперь он говорил новым способом: не используя легкие. Воздух попадал на голосовые связки как-то по-другому, может, через иные отверстия тела. Гровер старался об этом не думать. Но речь лже-Паронаута он теперь воспринимал нормально, усваивал смысл.

- А кто же ее строил?

- Мы не знаем. Предположительно это произошло достаточно давно.

- Но как такое можно построить?

- Веками присмотра за Машиной мы используем метод вашего фантазера физика. Берется, к примеру, ядро небольшой галактики, аккуратненько выводится из системы в автономное путешествие. Или, может, выгоднее хапнуть какое-нибудь шаровое скопление. В общем, это предыстория, еще не инженерия. А вот теперь их слово, Космических Инженеров. Вся Машина должна построиться, точнее возникнуть, практически мгновенно. Ведь в нормальных условиях предмет такого масштаба (как минимум одна-две десятых светового года, а у нас почти год) начнет тут же схлопываться - падать внутрь себя со скоростью света. Не успеете глазом моргнуть, а основная его масса уже за горизонтом событий. Примерно такая же ситуация с каждым из элементов колец. Не забудем, «дыр» в кольцах десятки миллионов. Надо действовать быстро и успеть уравновесить их друг другом. Как можно такое сделать? Этот вопрос к Строителям, но мы с ними не знакомы.

- Что это такое вообще? - возопил Гровер. - Мы ведь уже добрались

сюда, так почему бы не объяснить? Потом раскатаете нас в блин, если уж так хочется. Но сейчас-то потешьте напоследок.

- Думаю, вы с экипажем уже и сами близки к разгадке. Что скажете, биолог?

- Это нечто живое? Модуляция жизни на некоей смеси микро- и мегауровней?

- Нет, Олдрин.

- Вы, физик?

- Наверное, сверхускоритель. Наимощнейшее из всего, что можно создать. Допустим, если столкнуть пару-тройку «черных дыр» да на субсветовой, то, по-видимому, удастся расколоть последние бастионы материи. Нет?

- Не угадали, Ремо.

- Ваше слово, кибернетик.

- Счетная машина. Чем меньше счетный механизм - допустим, транзистор, - тем больше их получится напихать в заданный объем. Тут, видимо, напихали порядком. Что-то считают. Только не представляю что.

- В десятку, Содан. Весьма верно. Это счетная машина. В нашей интерпретации да переводя на ваш язык - Черный Счетчик. А вот допуск о «впихивании в заданный объем» несколько неправомерен. Оказывается, отношение возможностей счета к объему действует только до некоторого предела: на одном из этапов система становится чрезмерно большой и массивной и тогда неизбежно схлопывается в ту самую «черную дыру».

- Но ведь вы же ее уравнивали кольцами!

- Верно, мы - вернее, Строители - ее уравнивали. Но только дело не в объеме. Довершу мысль: после определенного предела, считать можно лишь относительно площади поверхности. В нашем случае Строители используют наименьшее из возможного в этой Вселенной - они задействуют как транзистор квадратик поверхности Планковской (по-вашему) длины.

- Понятно! Как же я сразу не... - произнесли одновременно физик с компьютерщиком и посмотрели друг на друга.

- Десять в минус тридцать третьей - дециллионная доля сантиметра, правильно? Теперь вопрос о том, что можно считать. Считаем мы на поверхности «предчерной дыры», то есть той, которая вот-вот должна провалиться в тартарары. По сути, считая на ее поверхности, мы считаем на ее энтропии, так как оные равны. Энтропия «микрочерной дыры» диаметром в сантиметр составляет десять в шестьдесят шестой степени бит, что соответствует термодинамической энтропии водяного куба ребром в десять миллиардов километров - в полтора раза дальше орбиты вашего Плутона, между прочим. Ну, а посчитать мы хотим не больше не меньше все возможно-вероятные состояния

Вселенной. То есть вывести из песчинки (ибо даже наша суперсчетная Машина сравнительно со Вселенной менее пылинки) мир.

- А чего вы опасаетесь? Имеется в виду, как ее охранники? - спросил капитан Гровер.

- Мы бережем Черный Счетчик от внешних вмешательств.

- А разве возможно сломать такую машину?

- Гровер, ваша цивилизация в начале пути, вы еще не понимаете, что такое настоящая мощь. В этой Вселенной можно, оказывается, сломать все.

- Но не злонамеренно, наверное? Кому придет в голову сокрушать такое произведение технологии?

- Некоторым приходит. Имелись прецеденты. Не все хотят, чтобы в мире существовала штука, способная знать - просчитать - про них самих все и на все времена.

- Понятно. Вы постоянно просматриваете космос на предмет приближающейся угрозы? Вы и нас так засекали, как я понимаю?

- Вообще-то мы - часовые периметра и, конечно, следим за пространством. Но у нас есть кое-что, превосходящее любые способы наблюдения.

- Это что же? - поинтересовался физик.

- Если опасность слишком велика, тогда до общения с нами снисходит сам Счетчик. И, значит, мы знаем заранее обо всех предпосылках, можем даже предпринимать превентивные меры.

- Интересно какие?

- Это секретная для вас информация, господа люди. Вы сами под подозрением.

- Капитан Гровер, - сказал Паронаут внезапно и в несколько иной интонации. - Мы вынуждены прервать свою «викторину». Случилось настоящее чудо. На связь с нами вышел сам Черный Счетчик. Не припомним, как давно такое случалось в последний раз. Информация такая: Счетчик проанализировал все данные, коими вы, включая Ртутника, располагаете. Оказывается, вы действительно не знаете, каким образом отыскали Счетчик. И по сути, никто в вашей цивилизации не имел понятия о Счетчике. Тем не менее вы его обнаружили. Из чего следует...

- Та самая штука, от которой не избавиться, случайность? - предположил Гровер.

- Подобную гипотезу мы уже обсуждали, капитан корабля. Вы не правы. Все несколько по-другому. Оказывается, у земной цивилизации, как у системы в целом, наличествует интуиция. И именно эта интуиция подсказала, как найти Черный Счетчик, не зная о нем. Ведь почему-то именно к системе Кадуцея отправили ваш корабль. С таким феноменом ни мы, ни даже Черный Счетчик еще не сталкивались. Это в корне меняет представления и расчетные данные. Открою вам тайну,

господа люди. До сих пор все вариации развития Вселенной как цельной системы вели к ее гибели. Ни какие-то природные феномены, ни бесчисленность обнаруженных, предсказанных и просто рассчитанных цивилизаций не приводили к изменению общего вывода. Однако наличие во Вселенной цивилизации, обладающей столь удивительной интуицией, в корне меняет исходные данные. Может быть, теперь допустима такая вероятность, что Вселенная все же не погибнет, а минует коллапс, растекание в пространстве, тепловую смерть и прочие возможные беды. Допустимо: она будет существовать вечно. И это благодаря наличию в ней уникала.

- Удивительно, - сказал физик.

- Хорошо, - сказал капитан Гровер. - Но все же как командир корабля я намерен спросить, что будет с «Ефремовым» и экипажем?

- Вам нужна точная раскладка, Гровер? Мы попробуем переслать Черному Счетчику вашу просьбу о точном расчете судьбы каждого, а также длительности жизни корабля и электронного мозга.

- Ну нет, зачем нам такие подробности. Я вообще спросил.

- В связи со случившимся ваша цивилизация и вы, как ее полномочные представители, имеете наивысший приоритет. Делайте, что хотите. Оставайтесь, улетайте. Допустимы любые исследования. За исключением опасных для стабильности Счетчика, разумеется. Уж за этим мы - часовые периметра - проследим, будьте уверены!

- Мы свободны? - воскликнули все присутствующие разом.

- Ну да. И вот еще что. В связи с тем, что добраться в систему Кадуцея у вас теперь не получится, Черный Счетчик в качестве любезности предоставляет вам наиболее вероятные расчеты по поводу этой системы, то есть все вероятности происходящих там событий. Данные уже перегружаются в ваши электронные блоки памяти. И еще, - Паронаут совершил что-то наподобие выдоха. - Совет. Это уже от нас лично, не от Счетчика. Вы уж берегите свою цивилизацию, относитесь к ней нежно. Теперь на вас вся надежда, больше не на кого.

Тут химик Паронаут замолк навсегда.

- Капитан Гровер, - доложила машина. - Корабли чужих удаляются.

- Понятно, Ртутник. Спасибо за службу, друг!

ДЭЙВ КРИК
ПОХИТИТЕЛЬ АДРИАНЫ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Новые возможности неизбежно ведут к новым преступлениям... Керри Молина уже намеревалась ступить в воды реки Гумбольдта, но заметила тревожное выражение лица Джейкоба Тройера. Обеспокоенно глядя на девушку, он предостерег:

- Не надевайте глупостей.

- Не буду. Пока не придется, - ответила Керри. Не обращая внимания на пристальный взгляд Джейкоба, она несколько раз глубоко вдохнула, чтобы подготовиться, и шагнула в реку, прихотливыми извивами прорезающую всю территорию поселения Новый Ланкастер.

Керри опустила голову под воду и замерла так на некоторое время, чтобы позволить биотехнологиям своего тела адаптироваться к подводной жизни. Термин «рыба», принятый как рабочее название ее встроенной системы, был явным искажением действительности: на самом деле у нее не было жабр и она не дышала водой. Для дыхания приходилось всплывать, как дельфинам или китам. Потому что растворенного в воде кислорода совершенно недостаточно для такой физической нагрузки, которую она испытывала, к тому же вода не переносит его в кровь. Таковы причины того, что многие крупнейшие морские существа являются млекопитающими. Сердцебиение Керри участилось, чтобы бешено качать кровь через ее тело, сохраняя тепло, а легкие развернулись, увеличившись в полтора раза.

Керри легко поплыла вниз по течению к огороженному имению

Малкольма Викари. Она чуть вздрогнула, когда раскрылись кожные микроскладки - характерная особенность, которой она обладала наравне с дельфинами, по ощущению, словно тело покрылось мурашками. Хотя бороздки были едва заметны, они удерживали на коже тонкий слой молекул воды. Это позволяло скользить в воде с меньшим сопротивлением, поскольку жидкость течет по другой жидкости более гладко, чем по коже.

Девушка лишь едва заметно вздрогнула, но ее тело в этот момент претерпело серьезные метаморфозы. Кровь побежала по венам гораздо быстрее, а кожа стала чуть более толстой. Ноги недолго, но противно ныли, готовясь забирать из тела много больше энергии, на случай если Керри внезапно понадобится скоростной рывок.

Конечно, наличие подкожного жира, как у тех же китов и дельфинов, оказалось бы более рациональным, но Керри считала, что дома, в Мадриде, это сильно снизит ее привлекательность.

«Здесь бы я об этом совершенно не беспокоилась. Наверняка ночная жизнь в поселении меннонитов совсем не такая, к какой я привыкла».

* * *

В тот же день, но чуть раньше, Керри прошла краткий ритуал, каковому был обязан подвергнуться любой входящий в поселение Новый Ланкастер.

- Ой-ой! Это чертовски больно! - Керри потерла шею чуть ниже левого уха.

- Прошу вас, офицер Молина, - сказал детектив Джейкоб Тройер, опуская цилиндрический инструмент, которым только что извлек имплант-коммуникатор Керри, - следите за языком.

Он положил инструмент и коммуникатор на деревянный письменный стол, где теснились кипы бумаг, глиняный стаканчик для ручек и карандашей и несколько стоящих рядом резиновых печатей. Не видно ни единого компьютера, ни единой простейшей видеосистемы или дисплея для просмотра информации.

Без имплант-коммуникатора Керри почувствовала себя брошенной на произвол судьбы, одинокой и отделенной от остального человечества. Не то чтобы кто-то обязательно должен был связаться с ней в Новом Ланкастере, но всегда оставалась вероятность запроса с Земли, или из другого поселения, или с орбитальной станции. Теперь эта возможность исключалась, по крайней мере на то время, пока она здесь.

- Я не офицер, - ответила она. - А что, мои слова действительно оскорбили вас?

Джейкоб снисходительно взглянул на Керри. Он был высоким

мужчиной за тридцать, на висках уже пробивалась седина. Одет в черный жилет поверх белой рубашки и серые брюки, лицо чисто выбрито.

- Думаете, если я меннонит...

- Я не имела в виду... - вспыхнула Керри.

- ...и если я живу в орбитальном поселении с определенной культурой, то я наивный и неискушенный простак. - Его глаза сузились. - Вы меня не шокировали. Но мне бы не хотелось, чтобы у вас вошло в привычку так разговаривать.

Керри провела рукой по голове, пропустив короткие черные волосы сквозь пальцы. Они находились в офисе Тройера - маленьком полицейском штабном домике на краю растянувшейся на километр деревни. Здесь, в «Поселении благородных жителей», обитали пятнадцать тысяч меннонитов нового ордена.

Семейные фермы стояли рядами аккуратных прямоугольников, которые стелились вверх по горе и занимали две десятых километра площади каждый. Среди них пробегали ленточки мощеных дорожек, связывая крошечные подворья, состоящие из деревянно-каменных домиков на одну семью, каждая из которых вела свой маленький бизнес: дубила кожи, штопала носки, чинила электрокары или телефоны.

- Возможно, нам лучше начать сначала, - вздохнула Керри.

- Итак, вы не офицер Консолидации. Кто же вы? - спросил Джейкоб.

- Фрилансер. Свободный ремонтник. Нанимаюсь на разную работу. Одну неделю могу разыскивать артефакты на каком-нибудь мире, еще не исследованном людьми. Другую - помогать переселенцам найти подходящий астероид для создания колонии.

- И это делает вас персоной, способной вступить в схватку и победить Малкольма Викари.

- Детектив, я могу развернуться и отправиться вниз, на Землю. И тогда сюда поднимутся офицеры Консолидации. Они притащат с собой судебные повестки, выпуски пресс-релизов, и вся затея обернется для поселения пиаровским бедствием... - Керри умолкла, когда заметила на лице Джейкоба Тройера признаки нарастающего гнева.

- Только попробуйте! - проговорил он. - Это будет представлено как конфронтация с нашей культурой. Тогда Консолидация займет свое собственное пиаровское бедствие.

Керри заставила себя улыбнуться:

- Значит, мы друг друга поняли.

- Мы знаем Викари как человека набожного. Однако вы верите донесениям о том, что он надругался над несколькими женщинами?

- На Земле и в нескольких орбитальных поселениях.

- Как я понимаю, в прошлом году в Шоше? И на Ньютоне?

- Да, - кивнула Керри. - А также в Нью-Йорке и Лондоне.

- А в этом году в поселении Минервы и прямо здесь, в Новом Ланкастере?

Керри постаралась ничем не выдать волнения при мысли об Адриане и добавила:

- И еще один случай. На Луне.

- Большинство мест преступления полностью оснащено прогрессивными технологиями. Однако он творит свои злодеяния над людьми совершенно безнаказанно.

- На всякое техническое воздействие найдется свое противодействие. Он инженер-нанотехнолог, несомненный гений в этой области. Та же технология, что позволила ему совершить преступление, одновременно позволила ему не оставить образцов ДНК, следов запаха, отпечатков пальцев, вообще ничего. Он всегда находил места, где был минимум наблюдательно-записывающей аппаратуры. В этом деле нейронных атак все улики косвенные.

- Извините, в каком?

- Тело Викари напичкано нанотехнологиями, оно больше похоже на скафандр с системой жизнеобеспечения для выхода в открытый космос. Прикасаясь к вам, он может послать электрические импульсы через лимбическую систему. Это такая...

- Я знаю, что представляет собой лимбическая система и ее функции: формирование эмоций, поведения, памяти, сексуальное влечение... - сказал Джейкоб. - Слово «меннонит» не синоним «неуча».

- Простите.

- Вы определенно лучше многих визитеров. Итак, нейронная атака?..

- Электрический разряд в лимбической системе способен вызвать симптомы, похожие на душевное расстройство или воздействие психотропных средств. Особенно импульс влияет на миндалины, которые играют ключевую роль в формировании эмоций. Он может вызвать одно определенное чувство в своей жертве и... ну, если выражаться ненаучно, может поглотить, впитать его.

- Как это происходит?

- Эффект обратного импульса от электрического разряда. Он словно выжигает чувство, которое забирает у других, и закачивает в свой мозг. И он способен эмоционально переживать его в любое время, когда захочет.

- Но... Малкольм *Викари*. Я сидел рядом с ним на воскресной службе. Он внес изрядное пожертвование на содержание школы. Каждый, кто с ним знаком, знает его как набожного человека.

- Не каждый, - сказала Керри. - Например, Хелена Пеннер.

- Кажется, - Джейкоб потер подбородок, - я с ней знаком.

- Уверена, ведь поселение такое маленькое, - пробормотала Керри.

- Коллективные «постройки амбаров» и другие совместные мероприятия, вы это имеете в виду? Их ферма через пару подворий от

моей. Ей около двадцати, живет с родителями, Абрамом и Марией. Как она с этим связана?

- Она единственная сумела уцелеть. Работала у него по найму, предположительно помогала с бухгалтерией. Он напал на нее прямо в кабинете. Это оказалось его первой ошибкой. Лично я считаю иронией судьбы и страшной нелепостью, что он был обнаружен в обществе, не признающем высоких технологий.

- Как же об этом узнали в Консолидации?

Керри покачала головой.

- В этом деле много неизвестного. Она как-то спаслась и послала сообщение вниз, на Землю. У нее дома имеется какое-то средство связи.

- Запрещенные технологии? В семейном доме? Я удивлен.

- К тому времени, когда ведомство на Земле начало рассматривать это дело, Хелена снова вышла на связь и умоляла ничего не предпринимать, так как всё оказалось простым недоразумением.

- К сожалению, - сказал Джейкоб, - такое поведение обычно для многих жертв.

- И поэтому первым делом я хотела бы встретиться с ней.

- Согласен. - Джейкоб порылся в одной из бумажных стопок на столе. - А, вот оно. - Он вручил ей лист бумаги и ручку. - Не подпишете ли вот здесь?

Керри посмотрела на документ:

- Что за че... Я имею в виду, что я подписываю?

- Все просто и честно. Подтверждение, что я благополучно извлек ваше средство связи.

Керри снова потерла шею:

- Да уж, «благополучно» - подходящее словечко.

Несмотря на ворчание Керри, Джейкоб продолжал:

- Оно также подтверждает ваше согласие, что, пока вы находитесь в поселении Новый Ланкастер, вы не имеете при себе никаких других высокотехнологичных приборов.

Керри нагнулась над письменным столом подписать бумагу:

- Гораздо проще было бы пользоваться какими-нибудь приборами обнаружения, или нанозондами, или даже этим вот коммуникатором. А с личным парализатором я наверняка чувствовала бы себя в гораздо большей безопасности.

- Жаль, - коротко кивнул Джейкоб, забирая бумагу у Керри и возвращая в стопку. Он открыл ящик стола и вытащил пистолет, не похожий ни на что из виденного Керри ранее: под странным бочонком располагался толстый цилиндр, а солидная рукоятка сделана из дерева.

- Это единственное оружие, которое вам здесь будет позволено иметь.

- Что за че... чепуховина?

- Пневматический пистолет. Резервуар под бочонком содержит

сжатый воздух. Он способен обеспечить более ста выстрелов, но зажим удерживает только двенадцать, потому их именно столько.

Он вручил ей пистолет.

Керри повертела оружие так и эдак:

- Чем он стреляет?

- Резиновыми пулями. Они предназначены для выведения из строя, не так, как парализаторы, имейте в виду, но простым, быстрым и сильным ударом. Вообще-то они могут пробить кость или даже убить.

- И вы думаете, его ударной мощи будет достаточно для сражения с Викари?

- Могу вас заверить, у него нет никакого продвинутого оружия. Кроме того, я отличный стрелок.

Джейкоб передал ей кожаный пояс с кобурой. Керри неловко повертела в руках пряжки, потом сообразила, как надежно приладить кобуру прямо на бедрах, и хорошенько пристегнула ремешки.

- Вроде как я восторженно визжу, получив такое вооружение.

- Эта кобура не просто так называется служебной. Одно из требований для находящихся здесь офицеров правоохранительных органов - дать понять, что ты вооружен.

- Отлично, - сказала Керри. - Ой, есть одна высокотехнологичная штучка; которую я не смогу ни на что променять.

Джейкоб с подозрением поглядел на девушку.

- Что же это может быть?

- Я «рыба».

- Простите, кто?

- При помощи биоинженерии модифицирована для длительного пребывания под водой без дыхательного оборудования. Владения Викари находятся на реке Гумбольдта. Возможно, мне придется пробраться туда так, чтобы он об этом не догадался. - Она придала своему лицу самое кроткое выражение, какое только могла. - Надеюсь, это не вызовет никаких осложнений.

В соревнованиях по изображению кротости на лице Керри пришлось признать собственное поражение, Джейкоб выиграл.

- По уставу нашего поселения, не допускается дискриминация по физическим характеристикам, являются они естественными или приобретенными, - сказал он.

Керри подумала, что это выражение несколько не проясняет вопрос: вызовет ее модификация осложнения или нет.

- Кстати говоря, - продолжал Джейкоб, - вас не будет беспокоить мое личное знакомство с Викари? Вы можете заподозрить меня в необъективности.

Керри подумала о разбитых в прах мечтах, о сияющем лице любимой сестры, оставшемся в прошлом.

- Это ничего, - сказала она. - Вы вполне уравниваете мое к нему

отношение. Последней жертвой Викари была моя старшая сестра Адриана.

* * *

Керри следовала за Джейкобом из штаба полиции к электрокару, чтобы отправиться на ферму Пеннеров. Детектив молчал, его лицо казалось бесстрастным, даже когда он сорвался с места и покатил вниз по широкой мощеной дороге через крошечную деревушку к полям.

Керри все еще ждала, что Джейкоб потребует от нее объяснений: как он может доверять ей профессиональное задержание Малкольма Викари, если в ней столь сильно влияние эмоций? Откуда он знает, что она внезапно не взбрыкнет? Возможно, она вдруг набросится и убьет их обоих...

Но он никаких объяснений не требовал и вопросов не задавал. Вообще не сказал ни слова, пока они ехали от южной окраины поселения до реки Гумбольдта, которая яркой синей лентой прорезала местность. Керри окинула взглядом прогулочные лодки, чуть более объемистые грузовые суда, рассекающие воды: некоторые шли строго с берега на берег, иные совершали вояжи чуть подольше - проходили немного вверх по течению и возвращались. Небольшой ручеек, берущий начало в горах и змеящийся по всему поселению, кончался водопадом, низвергающимся с высоты около тридцати метров. Но не прямо.

- Понимаю, - кивнула Керри, указывая на изогнутые струи воды, повернутые к западу. - Поселение отворачивается от падающей воды.

- Вода обычно льется по прямой, - произнес Джейкоб. - Просто это так выглядит. - И через мгновение он снова стал серьезным: - Как Викари удавалось так долго скрываться после всех своих преступлений?

- В основном расследование представляло собой тупую обработку данных; искали тех, кто посещал каждый из этих населенных пунктов в определенных временных рамках, то есть когда было совершено нападение на женщин. На самом деле пострадавших больше, чем вы, возможно, полагаете. А в Шоше его вообще почти схватили.

- Что же помешало?

- Видимо, откупился.

Джейкоб скривился:

- Неужели кто-нибудь может из корысти позволить такому человеку выйти на свободу?

- В Шоше сотрудникам безопасности не слишком хорошо платят. Если бедняга обеспокоен оплатой аренды за следующий месяц или откладывает деньги на образование ребенка, то достаточно крупная взятка вполне может стать искушением.

- Значит, мы с легкостью арестуем его.
- Это план «А».
- А если это будет не так уж просто?
- Тогда вам лучше надеяться, что у меня есть план «Б».

Теперь перед ними расстилались фермерские угодья, словно взмывая вверх по склону и встречаясь в вышине. Электрокар скользил мимо полей, по которым неумолимо ползали большие электрические комбайны и молотилки и где трудились мужчины и женщины с граблями и мотыгами.

Керри было нелегко избавиться от ощущения, что аккуратная машинка неподвижно стоит на месте, а поселок вертится вокруг нее, словно колесо вокруг белки. Не подумав, девушка выпалила:

- Что бы вы обо мне ни думали, скажите мне это вслух и честно.

На мгновение показалось, что Джейкоб полностью сосредоточен на дороге, мягко выводя машину из крутого поворота. Но Керри заметила, как он стиснул челюсти,, как чуть побелели кончики пальцев, сжимающих руль.

- Я уверен, что история с вашей сестрой не затмит здравого смысла. Это означает, что я принимаю на себя ответственность за вас. Вы это понимаете?

Керри выпрямилась на сиденье:

- Это также означает, что я принимаю на себя ответственность за вас.

Джейкоб едва заметно кивнул:

- Верно.

- Можете верить в меня.

- Я верю только в Господа. Вы можете рассчитывать лишь на доверие, к тому же зависящее от обстоятельств.

Джейкоб вновь уперся взглядом в дорогу, а Керри снова потонула в ощущении образа цилиндрического мира, вращающегося вокруг нее.

* * *

Керри плыла к владениям Викари. Раз поднявшись на поверхность, чтобы сделать быстрый вдох, она прокатилась на волновом следе проходящей мимо баржи, затем стала снова грести, резко взмахивая руками и сильно отталкиваясь ногами, и двигалась в воде быстрее, чем самый способный и натренированный, но не модифицированный пловец. «А в этом поселении, - подумала она, - я могу не беспокоиться ни о тепловых датчиках, ни о сонарах, ни о камерах обнаружения, ни об электронных замках или даже о выцеливающем меня огнестрельном оружии. Возможно, в конце концов я смогу научиться получать удовольствие от своего пребывания здесь».

Она снова приостановила стремительное движение, высунула голову

на поверхность и осмотрелась. Тьма вокруг оказалась более глубокой, чем привычное ночное время в других поселениях. Никаких залитых светом городских кварталов; скудное освещение давали окошки фермерского домика, случайный огонек на крыльце или одинокий уличный фонарь.

«Мир без луны, - подумала Керри. - И даже без звезд».

Далеко позади имения Викари от чьей-то усадьбы донесся собачий лай, затем ей показалось, что по глади реки проскользила прогулочная лодочка. На нескольких финальных метрах Керри отдалась течению, чтобы вторгнуться в частные владения Викари без малейшего всплеска, который кто-нибудь мог бы услышать сверху.

Она тихонько покачивалась под самой поверхностью воды, пока не оказалась на территории Викари, потом чуть подняла голову над водой и осмотрелась. На пристани - две чудесные лодочки, обе подходящего размера, без вычурности. Деревянная лестница зигзагами поднималась на двадцатиметровую высоту к дому.

Она взглянула вверх, но широкий выступ скалы скрывал от нее вид дома, и она позволила себе приблизиться к берегу. В широком окне, выходящем на реку, горел свет.

«Наверняка там, наверху, много чего творится, - подумала Керри. - Толпы людей бродят туда-сюда, что за черт!»

Девушка поняла: Викари собирается бежать. «Я недооценила его. Думала, он попытается обмануть нас или оказать физическое сопротивление... И у меня нет времени вернуться к Джейкобу».

* * *

Чуть раньше, на ферме Пеннеров, Керри ощущала, будто попала на двести лет назад, в прошлое. Небольшой, скромный, но прочный деревянный дом выкрашен белой краской, глаз радуют красная крыша и красные же окна и двери. Позади дома - амбар, который подновляли довольно давно, краска уже слегка облупилась; его широкие деревянные двери открыты. За амбаром она увидела в поле нескольких коров: буренки щипали траву или просто лежали на земле. Ветерок приносил богатый, насыщенный букет запахов: животных, сена, навоза и каких-то еще, которых Керри не смогла распознать.

Подходя к дому Пеннеров, она услышала странный, незнакомый звук и остановилась.

- Что это? - спросила она.

Джейкоб тоже остановился и прислушался.

- Что именно?

Керри повнимательнее присмотрелась к коровам и воскликнула:

- Ой, они мукают! Никогда раньше не слышала...

Джейкоб одарил ее снисходительной ухмылкой:

- Это называется «мычат».

- Откуда вы знаете?

- Я здесь живу, - бросил он и снова зашагал к дому.

Они взошли на простое крыльцо без навеса, и Керри отметила любопытный факт: ни один человек их не заметил. Джейкоб постучал в дверь и, когда не получил ответа, подошел к окну, наклонился и заглянул внутрь.

- Разве это вежливо? - спросила Керри.

Он поднял на нее глаза:

- Это вполне по-соседски.

Позади раздался сердитый мужской голос:

- Чем могу помочь?

Керри вздрогнула и повернулась. На нее смотрел угрюмый мужик с густой бородой. Его поношенный комбинезон был перепачкан землей - одежда трудяги, а не демонстрация моды в стиле ретро. Вилы, на которые он опирался, довершали образ. «Вот это - настоящий человек и его реальная жизнь», - подумала Керри.

По первому впечатлению она дала бы этому человеку лет сто: волосы обильно забелила седина, а лицо испещрили глубокие морщины. Но она тут же одернула себя, осознав, что мужчине, выбравшему этот путь и живущему естественной и многотрудной жизнью, далекой от медицинских или косметических биотехнологий, должно быть, не больше сорока пяти.

Джейкоб прыгнул с крыльца и протянул руку:

- Мистер Пеннер, думаю, мы с вами встречались на нескольких общественных стройках.

Пеннер пожал руку Джейкобу:

- Ты Тройер, точно?

- Да, сэр, офицер Джейкоб Тройер. - Он указал на Керри. - А это Керри Молина, она...

- С Земли, как я понимаю, - покивал Пеннер, пожимая руку и девушке.

- Да, сэр, - ответила Керри.

«Когда это на мне появился значок с надписью «землянка»? - удивилась она про себя. - Никогда не думала, что это настолько очевидно сквозит в каждом моем слове, в каждом шаге, а возможно, и в рукопожатии».

На лице Пеннера отразилось глубокое подозрение:

- Вы здесь по поводу Хелены, точно?

Керри собралась было ответить, но Джейкоб ее опередил:

- Совершенно верно, сэр.

- Она работает в поле. Как и положено.

- Вы же знаете, как это важно, - проговорила Керри.

Лицо мистера Пеннера выражало абсолютную непреклонность:

- Я знаю, как важна для меня моя дочь. Я не позволю, чтобы ее снова... беспокоили.

- Сэр, ваше отношение к дочери достойно восхищения. Но есть другие отцы, которые будут точно так же беспокоиться о своих дочерях.

- Это их забота. А Хелена - забота моя.

Керри почувствовала ужасную тяжесть во всем теле, ее плечи ссутулились, а руки безвольно повисли. Она даже опустила голову, но потом с усилием посмотрела в глаза Пеннеру:

- Я бы хотела уважать ваши желания, сэр. Но меня сюда привел долг, такой же, какой есть у вас перед вашей семьей.

Пеннер обратился к Джейкобу:

- А у тебя, офицер, тут какая забота? Очевидно, позволять посторонним без необходимости совать нос в дела моей семьи.

- Мистер Пеннер, - сказал Джейкоб. - Что бы вы подумали об отце другой девушки, который мог бы дать ей рассказать всё, но не позволил? Вы сумели бы не обвинять его, если бы что-то случилось с другой девушкой?

Пеннер ухватил вилы за рукоятку обеими руками и воткнул зубцами в грязь прямо перед собой:

- Время упреков прошло, давным-давно прошло. Моя вина в том, что я вообще позволил Хелене работать на этого человека.

- Мистер Пеннер, - сказала Керри, - ей двадцать лет, она вольна делать всё, что захочет.

- Тогда я себе так и сказал. И не в силах ничего изменить. Но не позволю этому снова случиться.

- Но, сэр...

Джейкоб шагнул вперед, оказавшись между Пеннером и Керри. Ее лицо вспыхнуло от гнева, и она чуть не оттолкнула офицера в сторону, но в последний момент одумалась. Джейкоб пожал руку мистери Пеннеру и сказал:

- Благодарю вас за то, что уделили нам время, сэр. Мы вас больше не побеспокоим.

Развернулся и широко зашагал к машине.

«Он считает, что я должна послушно следовать за ним, - подумала Керри, - как милая маленькая девочка... Ладно, последую, - решила она, бегом догоняя Джейкоба. - Но мне это явно не мило».

* * *

Керри все еще была рассержена, поторапливаясь за Джейкобом назад к машине.

- Что за чертовщина здесь происходит?

Джейкоб погрозил Керри пальцем, словно она была ребенком,

которому он собирался вымыть рот с мылом.

- Ну-ну! Следите за языком!

- Ладно, тогда «что за дела, ёксель-моксель, да провалиться всему... куда-нибудь»! У вас должна быть адски уважительная причина для этого.

Джейкоб открыл дверцу со стороны водителя и уже ступил в машину одной ногой.

- Как я понимаю, под «этим» вы подразумеваете прекращение переговоров, которые не дадут нам ровным счетом ничего.

- Ну... да. Думаю, да.

- Отлично. До тех пор пока вы знаете, чем возмущаетесь.

Он сел в машину. Керри глубоко вздохнула, потом тоже забралась внутрь. Джейкоб погнал машину прочь от фермы Пеннера. Он сказал:

- Я сделал для мистера Пеннера столько, сколько мог. Дал ему понять, что уважаю его самого и его взгляды. Во всяком случае теперь мы поговорим с Хеленой.

Керри ухмыльнулась:

- Значит, ваш план «Б» был такой же, как и у меня.

- Меня больше волнует случившееся с Хеленой, чем чувства мистера Пеннера.

Ухмылка Керри померкла:

- Должна признать, вы меня удивляете.

- Тем, что не одобряю преступлений мужчины в отношении женщин? Или намерением попать волю отца и выяснить, что в действительности произошло?

- Ну, нет...

- Чем же тогда? Тем, что у меня нет бороды? Что я не говорю «шо» и «ага»? Я нормальный человек, как любой другой. В вере меннонитов столько же разнообразных оттенков, сколько индивидуальностей в поселении.

- Вы становитесь несправедливым.

- Возможно, вы так думаете просто потому, что атеистка.

- Вообще-то говоря, я верующая. Но ваша вера кажется мне чем-то... очень-очень личным.

Джейкоб улыбнулся... «Улыбка блаженства», - пришло на ум Керри определение. Она никогда не видела такого умиротворения на лице мужчины.

- Мои отношения с Господом действительно очень личные, - сказал он. - Интеллектуальные и эмоциональные. Хотя я и живу среди всего, созданного людьми, но в каждом деле человеческом обнаруживается Его промысел.

- Возможно, - сказала Керри, - вы заставите меня вам завидовать.

Джейкоб сбавил скорость у соседнего поля, где усердно трудились несколько мужчин и женщин. Он приткнул электромобиль на краю

дороги и вытащил из кармана какое-то небольшое приспособление. Поворот кисти - и верхняя часть откинулась вверх, превращая прибор в Г-образное устройство.

- Средство связи? Я удивлена.

- Просто сотовый телефон.

- Что?

- Мобильник. Он... а, забудьте. - Джейкоб нажал несколько кнопок на маленькой панельке с цифрами, потом приложил прибор к уху и стал слушать. - Похоже, ее звонки заблокированы.

- У вас все это время был ее контактный номер? Почему вы просто не связались с ней, прежде чем мы потащились сюда?

- Я на самом деле хотел сначала поговорить с ее отцом. - Он набрал новую череду значков. - Интересно, эсэмэски тоже заблокированы? - Увидев озадаченное выражение лица Керри, он объяснил: - Вызовы заблокированы, но молодежь обожает перекидываться текстовыми сообщениями, это менее навязчиво, чем разговор. - Он еще некоторое время нажимал на кнопки и наконец произнес: - Ну вот, похоже сообщение прошло. Я написал ей, кто мы и где находимся.

Керри снова посмотрела в сторону поля.

- А вообще, урожай чего они здесь добывают?

- Тимофеевки и клевера, в основном, - ответил Джейкоб, не сводя глаз с телефона.

- Значит, они это собирают и выстраивают вон те кучи сена?

Джейкоб снова ухмыльнулся:

- Когда-нибудь нам с вами придется встретиться на Земле, и мы пойдем осматривать окрестности. Я так и слышу свои слова: «Значит, я нажму кнопку на репликаторе, и еда просто *появится?*».

- Видимо, вы знаете о привычном мне обществе гораздо больше, чем я о вашем. Но...

- Погодите, пришло сообщение. Мы должны встретиться с Хеленой на северной окраине имения Пеннеров.

- Тогда поехали, - ответила Керри.

Джейкоб тут же направил машину вниз по дороге и на первом же перекрестке повернул к северу.

* * *

У дороги, рядом с низкой каменной стеной, стояла Хелена, опершись на вилы: точно в такой же позе, как и ее отец. Ее рабочая одежда была поновее, менее поношенной, чем комбинезон родителя, но сама Хелена в свои двадцать казалась почти его ровесницей. На запыленном лице виднелись уже появляющиеся морщинки в уголках рта и глаз, а сами глаза словно ввалились. «Проклятье, - подумала

Керри, - жизнь в полях ужасно старит».

Когда Керри и Джейкоб вышли из машины, и без того устойчивая поза Хелены словно еще больше затвердела.

- Глазам своим не верю! - фыркнула она. - Первый раз в жизни вижу землянку!

- Простите? - сказала Керри, крайне обескураженная поведением женщины, с которой даже не успела познакомиться: та изо всех сил старалась оскорбить ее. - Послушайте, юная леди, я здесь, чтобы помочь вам.

Плевков Хелены упал на землю всего в нескольких сантиметрах от ног Керри:

- Вот что я думаю о вашей помощи!

- Понимаю, мисс Пеннер, - произнес Джейкоб, - что вы все еще расстроены. Но вы сами просили о помощи.

Хелена положила подбородок на рукоятку вил:

- О, это было ошибкой.

- Возможно, ошибкой было использование запрещенной техники.

- Я... не подумала. Пожалуйста, позвольте нам оставить этот коммуникатор. Мой отец... он пользуется им для разговоров с братом в Айове, на Земле, только и всего.

- Теперь мы все говорим правду, - констатировал Джейкоб.

Хелена сняла подбородок с рукоятки вил и опустила голову на грудь:

- Да, сэр.

- И было бы неплохо также проявить толику уважения к нашей гостье с Земли. Уверен, отец воспитал вас гораздо лучше, чем может показаться на первый взгляд.

Хелена взглянула на Керри и снова опустила глаза:

- Простите, мадам.

- Хелена, - сказала Керри, - нас не интересует техника. Мы просто хотим узнать, что случилось между тобой и Малкольмом Викари.

Хелена обратилась к Джейкобу:

- Вы не могли бы немного отойти и оставить нас на некоторое время?

- Конечно.

Хелена молчала, пока Джейкоб не оказался вне пределов слышимости.

- Есть некоторые вещи, которых не должен слышать мужчина.

- Понимаю, - кивнула Керри.

Хелена приподняла вилы и воткнула их в грунт. Она села на низкую каменную стену - спина прямая, руки на коленках, пальцы переплетены. «Словно школьница, собравшаяся отвечать урок», - подумала Керри.

- Что вы хотите от меня услышать? - спросила Хелена, не поднимая глаз.

- Истину.

Хелена всхлипнула и вытерла нос рукой:

- И познаете истину, и истина сделает вас свободными. Евангелие от Иоанна, 8:32.

«Я не стану отвечать», - подумала Керри. Иногда молчание - лучший метод заставить человека разговориться. Позвольте собеседнику возжелать заполнить тишину.

И Хелена возжелала:

- Мне просто нужна была работа. Любая, которая дала бы мне самостоятельность. Как вы знаете, мой отец считает меня старой девой. Но он сам почти не разрешает мне уходить с поля или из дому, так где и как я смогу встретить своего будущего мужа?

- Как вы начали работать с Малкольмом Викари?

- Как-то во время службы он услышал чьи-то слова, что я сильна в математике. Я действительно изучала бухгалтерский учет в колледже нашего поселения. Он решил дать мне шанс, хотя платить много не мог.

- Как же...

- Всё произошло?

- Да.

- Однажды вечером, - продолжила Хелена, - я оставалась допоздна. Уже смеркалось, но мистер Викари сказал, что подвезет меня. Я позвонила отцу, и он был против, что в такое позднее время меня не будет дома, но мистер Викари поговорил с ним и... сказал, что позаботится о моей безопасности.

- Как далеко находится его дом?

Хелена указала вверх и вправо, на противоположную сторону своего изученного вдоль и поперек мирка.

- Сразу на другой стороне реки Гумбольдта. Видите красный сарай с белой крышей?

- Не так уж и далеко. А я-то считала эту деревеньку гораздо более безопасным местом, чем многие другие поселения.

- Мне не с чем сравнивать. Я никогда не бывала в других местах. - Хелена снова опустила глаза.

Чтобы девушка не успела захлопнуться в своей раковине, Керри быстро спросила:

- Что же случилось потом?

- Он вошел в свой кабинет, где я работала днем. На улице тем временем уже совсем стемнело, и горел лишь один огонек. Когда я подняла на него глаза, то чуть не подскочила от ужаса, потому что по его лицу словно ползали страшные тени.

«Что почувствовала Адриана, когда взглянула на него в первый раз?»

- подумала Керри. Она подавила эту мысль и спросила:

- И что ты сделала?

- Просто... сидела. Он извинился, что напугал меня. Потом он... вы

уверены, что хотите это услышать?

«Чего я только в этой жизни не слышала...» - подумала Керри и ответила:

- Мне необходимо это узнать. Это моя работа.

Сплетенные пальцы Хелены сжались до дрожи в руках. Слеза упала на запястье, и, посмотрев на лицо Хелены, Керри поняла значительно больше, чем из рассказа.

- Простите, что я вас обозвала, - прошептала Хелена. - Ну, когда я назвала вас...

- Ты можешь не повторять этого.

- Ага. Думаю, не стоит. Значит, мистер Викари подошел ко мне. Он больше ничего не сказал. Он... дотронулся до моего лица. И сквозь меня как будто пробежал электрический импульс.

- И что ты сделала?

- Я очень удивилась. Я быстро встала, и у меня закружилась голова. Он велел мне быть осторожной и схватил за плечи. До этого он никогда не прикасался ко мне. Его руки оказались такими сильными, как, помнится, были у моего отца, когда он поднимал меня-малышку и подбрасывал к небу. И я слышала его запах, я имею в виду мистера Викари. Не дурной запах, просто... я не знаю.

- Ты просто не привыкла находиться так близко к нему.

- Он держал мою руку в своей, а другой рукой снова прикоснулся к лицу. Я была словно парализована, только... я не была.

- Ты имеешь в виду - не физически.

Хелена повернулась к Керри - слезы обильными ручьями лились из ее глаз, образуя светлые полосы на запыленном лице.

- Это было... словно я не могу заставить себя двигаться. Словно он... получил какую-то власть надо мной, безбожную и злую.

- Технологии, - вздохнула Керри. - Ничего сверхъестественного.

Хелена сверкнула на Керри гневным взглядом:

- Я не считаю, что пришедшая мне в тот момент мысль о зле, да и вообще само зло является чем-то «сверхъестественным». Будто в реальности его нет.

- Я лишь хочу сказать, что он человек, как любой другой. Он нанес тебе удар при помощи какой-то технологии. Это не делает его менее... приверженным злу.

Хелена посмотрела на дорогу, и Керри поняла: девушка убедилась в том, что Джейкоб по-прежнему достаточно далеко.

- Я даже матери не рассказывала всего.

- Мы не хотим, чтобы Викари продолжал творить свои дела. Он нападал на других женщин, оставлял их пустыми, бездушными оболочками. Он мог тебя погубить.

Хелена потеряла глаза, словно пытаюсь стереть слишком ужасающий образ.

- Как я уже говорила, меня словно парализовало. Что-то же он сделал. Я так и не смогла этого понять, старалась, но было очень тяжело и... неприятно.

Керри ждала. Хелена смотрела по сторонам, будто кто-то мог незаметно подкрасться и подслушать их разговор.

- Он украл у меня чувства. Я христианка, и мне положено думать хорошо о каждом, даже о тех, кто согрешил. Но я так больше не могу. Особенно о таких, как Малкольм Викари.

- Из-за способа, каким он воздействовал на тебя.

- Нет, он это сделал этой... как ее... мало-технологией?

- Нанотехнологией.

- Да, точно. Он украл у меня именно это чувство, забрал его себе. Но ему было нужно другое. Что-то для удовольствия... ну, вы знаете... сексуального. Или просто чего-то доброго и радостного, имеющегося в мозгу, которое заставляет вас чувствовать себя хорошо.

- Как тебе удалось выбраться?

- Он просто прекратил это делать. Извинился, сказал, что никогда бы не поступил так со мной. Потом ушел - и я убежала.

Керри коснулась руки Хелены:

- Ты храбрая девушка. Ты все сделала правильно.

Хелена встала.

- Спасибо, - сказала она. Потом наклонилась ближе и добавила очень тихо: - Если вам придется убить ублюдка или оторвать ему яйца, пусть в этот момент он думает обо мне.

Девушка схватила вилы и быстро зашагала обратно через поле, оставив Керри с широко раскрытыми от изумления глазами. «Проклятье, - подумала она. - Вот тебе и следи за языком».

Но при мысли об Адриане не смогла сдержать слез, которые тут же сами собой полились из глаз.

* * *

Подобравшись к высокому берегу владения Малкольма Викари, Керри бесшумно проплыла к пристани, стараясь грести как можно тише и контролируя каждый всплеск, каждый свой вздох. Тогда она еще не могла знать, насколько Викари близок к побегу.

Когда она поднялась на доски пристани, ее сердечный ритм замедлился, легкие сократились, и она снова почувствовала мурашки по всему телу: это разгладились ее кожные микроскладки. Как бы сейчас пригодился хоть какой-нибудь коммуникатор, даже чертов сотовый, хоть что-то для связи с Джейкобом!

«Держу пари, это та самая глупость, о которой он меня предупреждал, - подумала она. - Викари откупился на Шоше. Среди всех набожных

жителей Нового Ланкастера нужно найти всего-то одного таможенного инспектора с жадно бегающими глазками, который поможет ему снова сбежать. Если он умен - а он умен, - то наверняка уже «прикормил» такого...»

Керри сочла, что подниматься по лестнице слишком рискованно - если Викари или кто-то из его слуг начнет спускаться, то ей будет негде спрятаться. Вместо этого она решила залезть наверх по каменистому склону, стеной от боли всякий раз, как наступала на острое. «Проклятье! - мысленно ворчала она. - Я водяное существо, а не наземное! Мои ступни слишком нежны для этой горы. Двадцать метров! Вроде бы даже и не преграда... пока не начинаешь взбираться... вертикально вверх».

На полпути к вершине она почувствовала движение над собой и подняла голову. Там стояли Малкольм Викари и еще двое, по-видимому, его батраки. Все они держали в руках направленные на нее пневматические пистолеты. Керри замерла.

- Можете продолжать восхождение, - предложил Викари. - Эта игрушка не обязательно смертельна, но один выстрел вполне способен сбить вас с этого обрывчика. Есть риск упасть и сломать шею.

* * *

Днем, сразу после разговора с Хеленой, Керри услышала за спиной шаги Джейкоба. Она вытерла мокрое от слез лицо не перестававшими дрожать руками.

- Я предполагал, насколько тяжело девушке рассказывать все, - покачал головой Джейкоб. - Но вижу, что и для вас беседа оказалась нелегкой.

- Простите, - ответила она.

На лице Джейкоба появилась целая гамма противоречивых чувств.

- Вам не за что извиняться, - сказал он. - Мне было не разобрать слов Хелены, но тон ее голоса слышался. И я видел ее лицо.

Еще одна пара слез пробежала по лицу Керри, но она не вытерла их.

- Теперь я готова.

Джейкоб пошел к машине и извлек из бардачка бинокль. Он отдал его Керри.

- Что мне следует высмотреть?

- Все, что сможете увидеть отсюда.

Керри поднесла окуляры к глазам.

- Ну, я могу хорошо разглядеть отсюда его дом - очень неплохой домишко, между прочим. Внизу пристань. Вижу пару лодок под большой выступающей скалой. Держу пари, он просто обожает сидеть на этом камешке, смотреть на речку и думать философские думы. Вот

и сарай. Поля, на них работают люди. Много людей. Коровы. Лошади.

- И всё такое привычное для вас, не так ли? - мягко пошутил Джейкоб.
- К сожалению, нет. Совсем другая жизнь. Города. Нанотехнологии. Кстати, когда запланирован следующий облачный день?
- Не запланирован. Здешние жители поняли, что должны принять технологии контроля за погодой, но настоятельно потребовали, чтобы она оставалась для них неопределенной, некоей случайностью.
- Тогда мы не можем рассчитывать на то, чтобы подкрасться к нему незаметно.
- Не можем, - подтвердил Джейкоб. - Мы будем стараться действовать своими методами.

Он направился к машине, Керри - за ним.

* * *

В течение нескольких минут Джейкоб въезжал на парковочный пятачок маленькой лодочной станции местного речного порта. Около десятка различных небольших плавучих средств мягко качались в водах реки Гумбольдта. Джейкоб уверенно шел впереди, и вскоре Керри очень осторожно ступила с пристани в полицейский катерок. Он чем-то напоминал водные такси, которые она часто видела в Венеции, когда навещала тетю.

Широкая кабина катера позволяла сидеть бок о бок. Джейкоб занял командирское место и запустил мотор.

- Очень мило, - сказала Керри. - Полагаю, вашему департаменту приходится и реку патрулировать.

- Эта река помогает очертить границы поселения. По ней проходит множество коммерческих грузов. Жители считают себя южанами и северянами. - Джейкоб начал выводить катер от пристани, уверенно управляя судном среди других плавучих транспортных средств. Он замедлил ход, когда рядом проходил буксир, толкающий баржу. Судно тоже сбросило обороты, но маленькая полицейская лодочка все равно заплясала в волнах его кильватерной струи. Когда качка прошла, Джейкоб повел лодку дальше, в основное русло реки.

По берегам открывался широкий вид на поселение изнутри; обе части его поднимались вверх и словно уходили в небо. Ровно постукивал мотор, ритмично плескали в борт волны. Керри ощутила умиротворение и на время погрузилась в свои мысли и чувства.

Она вспомнила, как наблюдала за причаливанием огромных, километровой длины круизных лайнеров в Барселоне. Несмотря на постоянное использование на кораблях нанотехнологии очистки, смрад нефти и нечистот перебивал соленый запах океана и медовый аромат испанского дрома, модифицированного для выращивания в насквозь

мокрому грунту просоленного приморского климата.

Голос Джейкоба ворвался в ее размышления:

- Расскажите мне о своей сестре.

При мысли об Адриане Керри еще больше расслабилась, и ей почти удалось выдавить тусклую улыбку.

- Она на два года старше меня, и, пока мы росли, я всегда называла ее своей путеводной звездой. Она единственный человек, кроме родителей, кого я всегда просто обожала.

Керри снова невольно попала под нехитрые чары ритмичного попыхивания лодочного мотора и ощутила на руке брызги прохладных капель воды, которая больше пахла хлором, чем морем.

Джейкоб тихо спросил:

- Как вы обнаружили, что произошло?

- Я ничего и не знала до недавнего времени, пока Консолидация не обратилась ко мне. Раньше я была уверена, что сестра стала жертвой нейронной атаки.

- Как и Хелена.

- Похищение эмоций - это только начало. В конце - разрушение личности.

- Ради всего святого, как он вызывает эмоциональный отклик, который хочет получить?

- Из сказанного Хеленой следует, что этого он не умеет. Похоже, он как бы запрашивает доступ к группе компьютерных файлов. На оперативном инструктаже в Консолидации мне сказали, что процесс может занимать от нескольких секунд до получаса.

- Ровно столько, сколько мне требуется, чтобы пролистать «Ролодекс»^{*1}.

«Интересно, что такое «Ролодекс», - подумала Керри.

- Это случилось в Аристархе^{**2}, - сказала она. - Адриана в компании друзей ела пиццу в «Лунной пыли».

- Я там был, - припомнил Джейкоб. - Брал их фирменное блюдо - вы знаете, на одну шестую больше, чем обычная порция.

Керри не хотела улыбаться, но удержаться не смогла.

- Да. Они тоже всегда заказывали фирменное. Было поздно, и Адриана пошла домой одна. Никто ничего дурного не подумал. Она сто

¹ * *Открытая вращающаяся механическая картотека барабанного типа с пошаговым механизмом для поиска и фиксации карточек. (Здесь и далее прим. перев.)*

² ** *Город Аристарх основан на Луне в 2054 году международным консорциумом частных предпринимателей. К 2060 году его население возросло до пяти тысяч человек за счет иммигрантов со всей Земли. В 2065 году Аристарх провозгласил себя независимым от Земли и принял первую на Луне конституцию. (По данным US National Space Society.)*

раз ходила одна... Когда ее нашли, она была... пуста.

- Пуста?

- Физически совершенно здорова. Она по-прежнему любит есть мороженое, ей так же нравится, когда я расчесываю ей волосы... Но она утратила личность. Ее тело здесь, но то, что делало ее Адрианой, ушло. Он похитил ее.

Керри не могла найти других слов. Она собрала в кулак все свое существо, укрепила сердце, чтобы не допустить проявления чувств и сопливой сырости. Она могла позволить себе слабость бессонной ночью в Аристархе, или в Мадриде, или у себя в запертой каюте на каком-нибудь звездолете: сжимая подушку, она тряслась от бесшумных рыданий, ощущала соленый вкус промочивших подушку слез, когда перед мысленным взором сознание упорно рисовало лишь безжизненные глаза живой Адрианы.

Керри молчала, только плеск волн о борт катера нарушал тишину.

- Вы должны простить меня, - наконец сказала она Джейкобу.

На его лице отразились доброта и понимание.

- Это не мое дело.

Он направил лодку к очередному маленькому причалу на другой стороне реки.

* * *

Керри помогла Джейкобу привязать полицейский катер к пристани. Ее поразило, что на берегу их уже ожидала другая машина.

- Как вы это сделали? - спросила она.

- Попросил управление выделить нам транспорт и сказал, что помощники мне не нужны. Они мне доверяют.

Но как только Джейкоб направился к машине, девушка схватила его за руку:

- Мне бы хотелось получить представление о его владениях, перед тем как мы станем предпринимать какие-либо действия.

- Как вы собираетесь это сделать?

- Давайте зайдем за дом.

Офицер откровенно недоумевал, но все равно последовал за ней. Они завернули за угол маленькой портовой конторы. Одноэтажное строение по каким-то причинам было выстроено настолько надежно, что выдержало бы и ураган.

- Отлично, - сказала она. - Вы заметили, что нам отсюда не видны владения Викари? Это значит, он тоже не может видеть нас, особенно когда становится все темнее и темнее.

Джейкоб стоял, уперев руки в бока, и Керри показалось, что с каждой минутой он становился все более нетерпеливым.

- Так что вы собираетесь делать?
- Иногда у меня бывает план «В». Подержите мою одежду, пока я сплаваю посмотреть поближе на то, что имеется там, наверху. О, ради бога, вам не обязательно отворачиваться: на мне купальник, и он закрывает гораздо больше, чем моя обычная городская одежда.
«Ради бога? - спохватилась Керри. - Откуда это взялось?..»
Джейкоб вытянул руку, чтобы принять одежду девушки.
- Керри, ты думаешь, это хорошая идея?
- Я собираюсь поближе рассмотреть его владения с той стороны, с какой он и не ожидает.
- Это все, что ты сделаешь? Сразу вернешься?
- «Нет, Керри, не надо говорить *«клянусь богом!»*»
- Обещаю.
- У меня только один сотовый, - сказал Джейкоб, - и он все равно не будет работать под водой. Мы остаемся без связи.
- Имение Викари не больше чем в полукилометре отсюда. Я вернусь в течение часа, - сказала Керри. - Если не появлюсь, стало быть, изначальный план провалился, беги за подмогой.

* * *

После того как Викари заставил Керри подняться на скалу, он велел слугам остаться около дома, снаружи. «Даже вблизи, во всех мелочах такой же чудесный домик, каким виделся на расстоянии», - подумала она. Викари провел ее по открытой террасе сбоку от дома, через продуманно меблированную гостиную в тот самый кабинет, где он надругался над Хеленой. «Добротный деревянный письменный стол, - подумала она, - точно как у Джейкоба». Компьютера нет. Зато есть нечто, похожее на клавиатуру на каком-то металлическом устройстве. Видимо, по кнопкам надо стучать изо всех сил. Вокруг множество изысканных деревянных книжных полок, заставленных многочисленными томами.

«Признаюсь, я в ужасе».

Выйдя на середину комнаты, Керри обернулась к Викари. Он все еще держал ее на прицеле. К ее собственному удивлению, страх испарился, она ощущала только гнев - частично из-за того, что выглядел преступник совершенно обыкновенно: темные волосы ниспадают на плечи, чисто выбрит, глаза светятся умом. «Человек, который каждый день работает в кабинете, - подумала Керри, - и возможно, все вечера проводит за чтением книг... Как он смеет не выглядеть монстром?! Как он смеет быть таким... обычным?!»

- Нечего сказать в свое оправдание? - спросил Викари.

К сожалению, Керри могла думать единственно об Адриане. Но она

знала, что, упомяни она имя сестры, он тут же убьет ее.

- Мы могли бы доиграть до конца, как в одной из старомодных драм. Я могла бы сказать, что у тебя нет ни единого шанса остаться в этом поселении...

Викари шагнул вперед и приставил дуло пистолета ко лбу Керри, между глаз.

- Реальность чуть более неприятна и непредсказуема. Понимаешь, я попытался завязать. И мне почти удалось. Но ты вмешалась и очень сильно осложнила ситуацию.

И в этот момент Керри услышала негромкое фью-уть, потом еще одно, за которым последовали два глухих удара. «Не может быть, - подумала Керри. - Надеюсь, он не наделает глупостей, как я».

Викари резко развернулся лицом ко входной двери, и Керри увидела свой шанс - она метнулась и схватила Викари сзади за руки. Он наклонился вперед, чтобы перебросить Керри через плечо, но ей удалось ударить его по ногам, и он упал на колени.

Керри уже почти дотянулась до пистолета Викари, когда в дверях появился Джейкоб. Викари сумел вырваться и выстрелил в детектива.

Керри увидела, что пуля ударила Джейкоба в голову, но в этот момент Викари оттолкнул ее другой рукой и сильно ударил по лицу. Оглушенная, она упала на спину, успела почувствовать руку, прикоснувшуюся к ее лицу, потом ничего...

* * *

...пока она не очнулась на полу в кабинете Викари. Она села, потеряла нос, обрадовалась, что он не разбит, и тут заметила лежащего около входной двери Джейкоба.

«Только бы не мертвый», - подумала Керри. Она пошла к нему, пощупала шею. Пульс нормальный. «Слава твоему гипотетическому богу, - пробормотала она. - А куда делся Викари?»

Она бросилась обратно через гостиную и террасу, мимо расprostертых тел двух наемников Викари, и услышал, как за домом заводится мотор. Керри поняла, что это одна из лодок. Несколько шагов - и вот она уже смотрит сверху, уверенная, что Викари собирается бежать, готовая сорваться с места в любую секунду.

«Я вполне переживу прыжок в воду с двадцатиметровой высоты, - прикидывала Керри. - Вода заходит в бухту, а не на берег, так что там должно быть достаточно глубоко».

Но на пути стояла проклятая скала. «Я же разобьюсь о нее, как спелая дыня».

Лодка Викари отчалила и направилась к западу. У Керри имелась лишь пара секунд, чтобы отреагировать - и совсем не было времени

обегать торчащий кусок скалы.

Затем она логически связала все события: он направляется на запад. Струи водопада тоже изгибаются к западу - необычный образ вспыхнул в мозгу Керри...

...и она прыгнула.

Первый момент оказался невероятно ужасающим: выступающий камень словно заполнил весь мир, и Керри твердо знала, что падает вертикально вниз; потом некая невидимая сила мягко оттолкнула ее в сторону, и девушка, легко миновав скалу, в фонтане брызг нырнула в реку около лодки Викари.

Едва войдя в воду, Керри тут же сделала кувырок, постаравшись погасить скорость погружения, и рванулась к поверхности. На воздухе она пробыла недолго, поэтому ее тело легко и быстро адаптировалось к водной среде.

Керри собрала все силы и сделала финальный рывок, чтобы выплыть и вцепиться в борт лодки. Стоявший у руля Викари успел лишь повернуться в ее сторону и удивленно поднять брови, а она уже подтянулась на руках, вытолкнула себя из воды, перелезла через борт и бросилась на него. Всей массой своего тела Керри обрушилась на обидчика, повалив его на рычаги управления.

Керри чуть не вышибла из Викари дух, но он не сдавался - потянулся к ее лицу, ей снова удалось отбить его руки; она схватила его за плечи, развернула и сильно оттолкнула, злорадно наслаждаясь обескураженным видом упавшего в воду человека. И нырнула следом.

Викари старался держаться на плаву, когда Керри упала прямо на него. Она схватила его обеими руками за шею и потянула на дно.

Викари отбивался, и Керри пару раз хорошенько получила по голове. «Ничего, - подумала она. - Я могу оставаться под водой гораздо дольше, чем он. Пусть только у него в крови кончится кислород и накопится углекислота. Он тут же запаникует, и всё будет, как надо».

Когда Викари действительно начал беспорядочно молотить руками, Керри оттолкнула его и внимательно вгляделась в перекошенное от ужаса лицо - глаза широко раскрыты, губы сильно сжаты, так как он старался не дышать.

«Может быть, теперь ты испытываешь хотя бы каплю того, что ощущала Адриана в последние мгновения, когда еще вообще могла чувствовать». Хоть чуть-чуть.

Керри снова перекувырнулась, схватила Викари за шиворот и, сделав сильное движение ногами, направилась обратно к поверхности.

* * *

Когда Керри вытаскивала Викари на дощатую пристань, Джейкоб

спускался по деревянной лестнице.

- Жив? - спросил он и встал на колени, чтобы помочь ей.

- Да, - ответила Керри.

Викари закашлял водой. Она повернула его на бок.

- Мистер Викари, - спросил Джейкоб, - с вами все в порядке?

Викари выплюнул воду и указал на Керри:

- Не в порядке благодаря ей. Она пыталась утопить меня. Я хочу...

- Я просто спросил, чтобы знать, можно ли уже надевать наручники.

Что он и сделал. Потом помог Викари подняться на ноги, взял пленника за руку и повел вверх по лестнице. Керри последовала за ними со словами:

- Джейкоб, я не могу выразить тебе всей своей благодарности за...

- Я же говорил, что я отличный стрелок. Между прочим, я раскусил тебя с самого начала. Понял, что твой план «Г» подразумевает улизнуть от меня и захватить Викари самостоятельно.

- План «Г»? У меня никогда не было плана «Г».

Они подошли к фасаду дома Викари, где ожидала машина Джейкоба. Наемные работники в наручниках уже сидели на заднем сиденье. Джейкоб усадил Викари внутрь и захлопнул дверцу.

В этот момент Керри увидела обеспокоенное, даже испуганное лицо Джейкоба.

- Что случилось? - заволновалась она.

Джейкоб прикрыл глаза ладонью, и Керри заметила, что он борется со слезами. Вдруг она поняла:

- Когда я стала терять сознание, Викари прикоснулся ко мне. Исключительно назло, я думаю. Не могу сказать, что он причинил мне какой-то ущерб, но если он тебя тоже...

Джейкоб опустил руку. Слезы струились по его лицу.

- Я... говорил тебе, что мои отношения с Господом очень личные: интеллектуальные и эмоциональные.

- Говорил, но...

- Он украд эту эмоциональную связь. - Джейкоб сжал кулак и уставился на него. - Это так же реально, как вот это. Но любой, кому ты это расскажешь, должен будет поверить тебе на слово... ты не сможешь ничего доказать.

- Что ты собираешься делать?

Джейкоб пристально глядел в сторону реки.

- Продолжать жить своей обычной жизнью. - Он посмотрел на Керри. - Ты удивлена?

- Ты сказал, что у тебя есть вера лишь в Господа. Это больше, чем какие-то другие твои чувства, верно? Для тебя это - знание.

- Возможно, наконец ты по-настоящему поняла меня. Пойдем, твои вещи в машине. Давай-ка одевайся, и отправим этих ребят ко мне в контору. Ты уверена, что Викари не причинил тебе вреда, когда

прикоснулся?

- Непохоже, - ответила Керри. - Помнишь: время, которое занимает получение доступа, может очень сильно различаться.

- Значит, мне просто не повезло.

- Сочувствую.

- Тебе остается только надеяться, что потеря не проявится позже, - вздохнул Джейкоб.

- Как только мы упечем Викари в тюрьму Консолидации, я буду чувствовать себя просто прекрасно.

* * *

Спустя неделю Керри вошла в комнату Адрианы. Ее сестра не повернулась, она продолжала смотреть в окно. Поскольку «окно» располагалось на сотню метров ниже лунной поверхности, в нем демонстрировалась голограмма деревни в области Альпухарра на юге Испании. Белостенные домики сбегают по крутым склонам, над ними возвышается церковная колокольня. Вереница разновысоких гор простирается к горизонту, словно защищая деревню и ее обитателей.

Керри присела на широкую кровать Адрианы. «Все еще такая красивая», - подумала она, проводя рукой по иссиня-черным волосам сестры, таким же, как и ее собственные, и по гладкой коже лица Адрианы, потом взяла ее за подбородок.

Адриана взглянула на Керри, не узнавая. На лице застыла улыбка, которая ни разу не дрогнула с момента нападения Викари. «Понять бы, не отражает ли эта улыбка настоящее счастье, которое сестра испытывает в глубине сознания», - подумала Керри. Она взяла Адриану за руку и нежно сжала ее, но ответного пожатия не получила.

Как всегда во время посещений сестры, у Керри на глаза навернулись слезы.

«Я могу только надеяться, что даю ей хоть какое-то утешение, - размышляла она. - Наверное, в этом плане я похожа на Джейкоба. Он не способен чувствовать присутствия своего Господа, и я не могу ощущать, действительно Адриана со мной или я совершенно одинока.

Полагаю, это...

Разве здесь нет иронии? Что-то не чувствуется... Пойдите-ка! Неужели единственное, что Викари удалось украсть в момент прикосновения, это... мое чувство иронии?

И это тоже... но я и здесь ее не ощущаю...»

- Ах ты, сукин сын! - сказала она вслух и захохотала в полный голос, одновременно проливая слезы по своей улыбающейся сестре.

Перевела с английского

Татьяна МУРИНА

© Dave Creek. Stealing Adriana. 2008. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2008 году.

ВЛАДИМИР ИЛЬИН
ПРОГРАММИСТ

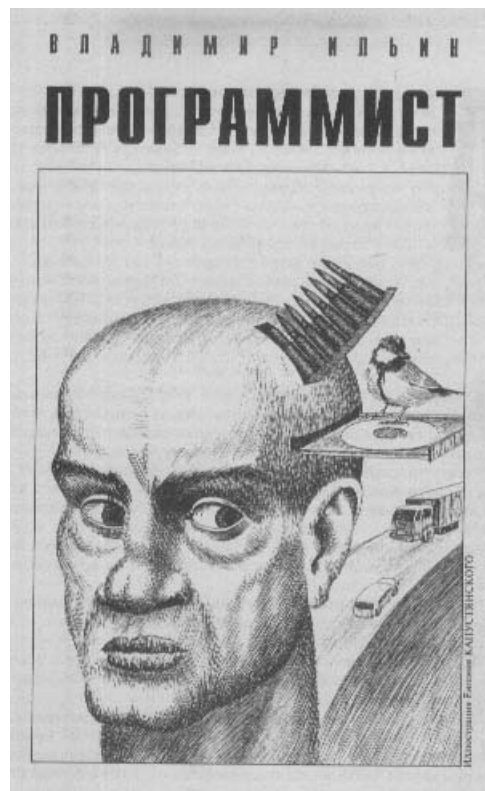

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

А кто вы по профессии, если не секрет?

Вообще-то я привык отвечать на такие вопросы автоматически. Что-нибудь вроде: «Слесарь-сантехник большого адронного коллайдера». Или: «Сбиватель летающих тарелок». А еще: «Миллиардер в отставке»...

Но теперь, сам не зная почему, я мешкаю. Примерно две миллисекунды, не больше - но для меня и это странно.

Что со мной, черт возьми? Почему язык мой словно присох к нёбу и не желает нести пошлятину?

Наверное, дело в том, что девушка оказалась совсем не такой, как на фото, посредством которого я заочно познакомился с ней. Там было только ее лицо - довольно симпатичное, хотя и испорченное неумелым

макияжем. Его вполне можно принять за маску, одну из тех миллионов, что существуют вокруг нас. Все равно что безликость манекенов или рекламных красоток: глянешь - и тут же забудешь.

А в реальности она маленького роста. И вся какая-то сжавшаяся. Словно ежесекундно опасается чего-то. Этакая синичка, для которой мир полон смертельных опасностей в виде мальчишек с рогатками, хищных котов и кружащих высоко в небе коршунов...

В следующий раз надо требовать не просто портрет, а фото во весь рост. Причем с разных ракурсов. А еще лучше - видеозапись. Естественно, со скрытой камеры... Зефир, конечно, будет возмущаться. Подумает, что я капризничаю. Сколько лет работаю с ним, а до его заплывших жиром мозгов все никак не дойдет, что у меня свои методы. Ничего. Перебьется. Может, и пожалеет, что связался со мной, но интересы дела превыше всего...

Но все это - фон длиной в две миллисекунды, по окончании которого я, неожиданно для себя самого, изрекаю:

- Не секрет. Я Программист.

Она окидывает меня быстрым («птичьим») взглядом, в котором сквозит легкое удивление. Наверное, потому что при мне нет ни ноутбука, ни прочих «дивайсов».

А если серьезно, я ведь в самом деле должен был представиться ей иначе. Кинорежиссером, например. Или актером - из еще не знаменитых, но подающих большие надежды. Для формирования у собеседницы хотя бы мимолетного интереса к своей особе с первых минут спонтанного знакомства.

Черт знает, что на меня вдруг нашло!..

- И что же вы программируете? - вежливо уточняет она, и голос ее уже балансирует на грани равнодушия, предвещающего быстрое расставание.

Еще пара стандартных реплик - и я ее потеряю.

А может, рискнуть и сыграть в открытую? Неужели тебе не надоело притворяться? Попробуй хоть разок нанести удар не в спину, а в лицо! Прямо вот в эти доверчиво распахнутые серые глаза. Или ты боишься, что в решающий момент у тебя дрогнет сердце?

Стоп! Сердце... Неужели у такого монстра, как я, может быть сердце, способное ощущать слабые уколы совести?

- Не что, а кого... Так будет точнее, - вслух говорю я.

- Как это? - простодушно удивляется она, и ресницы взлетают к бровям. Теперь Синичка явно забыла о подстерегающих ее опасностях. - Я не поняла...

- Дело в том, что я программирую людей.

* * *

Первая книжка по НЛП попала мне в руки, когда я еще учился в школе. На обложке значился псевдоним какого-то шарлатана, выдававшего свой опус за гениальное открытие. Брошюрка была изготовлена самиздатским способом. Некоторые слова были смазаны, и тогда текст приходилось додумывать. Трудно представить, сколько времени я затратил на эту дрянную книжонку! Почти как те ученые, которые когда-то пытались расшифровать древнеегипетские иероглифы.

Зато в итоге я запомнил сей ненаучный труд почти дословно. Любой текст можно вызубрить, как «Отче наш», если прочесть его сотню раз.

Главное, что я почерпнул из откровений Спиридона Унгуса, доктора неведомых мне тогда парапсихологических наук: любого человека можно запрограммировать, как робота, на совершение определенного поступка. Или ввести его в то или иное ИСС - измененное состояние сознания. Причем без помощи наркотиков, химических препаратов, гипноза и прочей дребедени. И не за длительный срок, как это практикуется, например, при педагогическо-воспитательных потугах, а быстро и эффективно.

А средство, которое предлагал автор книги, было настолько невероятным и простым, что оставалось лишь удивляться, почему это никому не приходило в голову на протяжении многих тысячелетий.

Слово - вот что было инструментом программирования людей. И не какое-нибудь суперзаклинание вроде сказочного «эники-беники». Оно могло быть самым обычным - из тех слов, что люди слышат и произносят ежедневно, не придавая им особого значения.

Довод, который приводил доктор Унгус в подтверждение своей правоты, убивал наповал простотой и неотразимостью. Ну да, а как же иначе? Ведь сам Господь активно пользовался вербальным программированием при сотворении мира! Помните? «В начале было Слово...»

Нужно ли говорить, как подействовали подобные бредни на мальчишку, который еще не был испорчен школьным образованием настолько, чтобы перестать верить в чудеса?

И я заразился этой глупой, безнадёжной, но такой притягательной верой в возможность подчинить любого человека своей воле. Я с упоением предавался несбыточным мечтам о том, как буду мгновенно усмирять любых негодяев, влюблять в себя самых неприступных красавиц (типа Зинки Григорьевой из восьмого «Б») и управлять огромными массами людей.

Я воображал: наступит время, и для меня не будет ни преград, ни законов, ни проблем - ведь я стану поистине всемогущим. Как Бог. Заветное Слово сделает меня знаменитым, богатым и счастливым.

Нет-нет, я никогда не причиню людям зла, наивно думал я бессонными ночами. Свою способность я буду применять во благо не

только себе (о себе я все-таки не забывал), но и другим людям. Всему человечеству - как Бэтмен и прочие киношные супермены!.. Я сделаю так, что на свете не будет несчастных и бедных, больных и обиженных! Я отниму у зажавшихся толстосумов богатства и раздам их нищим и голодным! Я заставлю сильных не обижать слабых! Я не допущу войн и покончу с преступностью!..

Однако вскоре возникла одна небольшая проблема.

На уровне целеполагания все было прекрасно и замечательно. Но стоило Унгусу (и всем прочим теоретикам нейролингвипрограммирования, книги которых я проглатывал в последующие годы) перейти к методике подчинения окружающих, как текст становился туманным и невнятным, словно бормотание дебила. Вместо четких, конкретных рекомендаций целыми километрами излагалась примитивная белиберда. Что-то вроде советов психотерапевтов, как бросить курить.

Наконец я с горечью понял: все отцы-основатели НЛП несут околесицу. Разница между ними заключалась лишь в степени наукообразия и в умении пудрить мозги читателю.

НЛП стала превращаться в моих глазах в пустышку. В лженауку, подобную астрологии, гаданию на картах и черно-белой магии.

Я разочаровался в Унгусе и его последователях.

Тем не менее детские мечты продолжали морочить мою упрямую башку вплоть до окончания школы. Иначе как объяснить тот факт, что я поступил на психологический факультет? Кроме того, стало ясно: если словесное программирование возможно, то, чтобы овладеть им, чтения сомнительных книжонок недостаточно.

Для начала следовало изучить все, что было открыто в этой области человечеством до меня.

И я с головой окунулся в штудирование великих и гениальных. Фрейд, Павлов, Выготский и прочие классики психологии делились со мной своими теориями и гипотезами относительно устройства психики человека.

Не пренебрегал я и «практическими занятиями». Регулярно посещал шоу различных «публичных психотерапевтов». Прикидывался смертельно больным, чтобы получить консультацию «магов» и «целителей».

Но секрет Слова по-прежнему был скрыт от меня за семью замками.

Самое удивительное - за все это время я никому не проговорился о своих тайных изысканиях. Во-первых, я с детства был замкнутым и мне удалось не завести друзей, которым следует доверять все свои тайны.

А во-вторых, я боялся, что любой, кому я расскажу о «программировании людей», просто-напросто высмеет меня или примет за ненормального.

Тем более что для этого были все основания.

Я перепробовал на своих знакомых кучу формул и заклинаний - отчасти позаимствованных у других, отчасти придуманных мной самим. Они были разной направленности, эти неуклюжие попытки управления чужим поведением. Никаких сногшибательных результатов я, собственно, и не добивался, полагая, что в этом деле, как и в любом другом, начинать надо с мелочей и постепенно развивать успех.

Мой метод основывался на простом допущении. Чтобы управлять людьми, необходимо ввести их в определенное психологическое состояние. Рассмешить или заставить плакать. Вызвать легкую грусть или радость. Породить в их душе неприязнь к кому-нибудь - в том числе и к самому себе.

На следующем этапе надо научиться усиливать эти состояния, доведя их до максимума. Улыбка должна перейти в гомерический хохот, грусть следует превратить в истерический плач, а неприязнь надо развить до исступленной ненависти. Когда «объект» достигнет апогея психосостояния, задача «программиста» будет сводиться лишь к тому, чтобы подтолкнуть его в нужном направлении - и тогда он будет твоей игрушкой, марионеткой, рабом...

Поначалу было легко. Вызвать даже у незнакомого человека на лице улыбку не так уж сложно. Для этого порой и никаких слов не надо. Достаточно скорчить смешную гримасу или поведать незамысловатый анекдот.

Немного труднее обстояло дело со слезами. Особенно если объект эксперимента был мужского пола. И не родившийся под знаком Рыбы интеллигент, над которым издеваются все кому не лень, а грубый мужик с мозолистыми от лома и лопаты ручищами, плакавший последний раз в момент своего появления на свет. Расскажи такому какую-нибудь душераздирающую историю - а он лишь недоверчиво усмехнется и, максимум, ругнется трехэтажно.

А попробуйте внушить соседке по коммуналке Екатерине Ивановне, до самой пенсии проработавшей уборщицей в райкоме партии и посему ставшей убежденной коммунисткой, что на ближайших выборах она должна проголосовать за кандидата от своих идейных врагов!..

Между тем, увлекшись практической отработкой своей идеи, я безнадежно запустил учебу (впрочем, к тому времени психологическая наука перестала меня интересовать, поскольку я видел в ней лишь стремление маскировать умными словесами полное отсутствие практической пользы) и на очередной экзаменационной сессии был с позором изгнан из альма-матер.

За последующие три года я поменял множество мест работы. Кем я только ни побывал!.. Иногда меня спасала справка о неполном высшем образовании, великодушно выданная на прощание деканатом, и тогда я устраивался в очередную «фирму» - чаще всего рекламную или промоутерскую, - откуда либо уходил сам, либо меня вышибали с

треском. «За полную профнепригодность»...

Это была какая-то даже не черная, а мутно-грязная полоса в моей жизни. Я научился пить, не закусывая и не пьянея, с кем попало и где попало, я познал все так называемые прелести современной жизни, я опустился на самое дно общества и привык к мысли о том, что у меня никогда ничего не будет - ни денег, ни счастья, ни власти над людьми.

Наверное, так бы я и сгинул окончательно, раздавленный тяжким крестом искателя чуда, если бы однажды не случилось нечто такое, что заставило меня забыть о всех неудачах и вновь вернуться к своей давней затее.

* * *

Мне казалось, что Синичка мне не поверит, приняв мои слова за тупую шутку или попытку ее заинтересовать (собственно говоря, так оно и было), но вместо того чтобы сказать что-нибудь вроде: «Это не смешно» или «Вы сами-то себе верите?», она вдруг взмахивает своими пушистыми ресницами и на полном серьезе осведомляется:

- Для чего?

- В смысле? - не понимаю я.

- Вы только что заявили, что программируете людей, - поясняет она. - Вот мне и интересно знать, для чего вы их программируете. Ведь, согласитесь, у каждой компьютерной программы есть какое-то предназначение. Это может быть игра, выполнение каких-то операций, которые не под силу человеку, средство для создания книг, фильмов, наконец... А люди-программы - ради чего?

А она не так проста, как мне казалось. Хотя вовсе не похожа на интеллектуалку. Можно подумать, она меня старше лет на десять, а не наоборот.

Ну и что теперь? Выложить ей всю правду о себе? Или начать отшучиваться, притворяться дураком и врать, врать, врать?.. Боже, какой я идиот: сам себя загнал в тупик!

- Послушайте! - фальшиво-бодрым тоном восклицаю я. - А не пойти ли нам искупаться? А то ведь поджаримся на этом солнце, как два бифштекса!.. В конце концов, на пляже люди обычно купаются и отдыхают, а не ведут умные беседы!..

Она на секунду задерживает на мне свой странный взгляд, а потом отворачивается. Словно ее внезапно заинтересовало, как неподалеку компания мускулистых парней играет в волейбол.

- Извините, но я не могу, - роняет она, не поворачивая головы. - Конечно, вы-то идите, купайтесь, а я... Я лучше посижу здесь.

- Но почему? Обещаю: исключительно для вас вода будет великолепная!

- Я знаю, - доверчиво улыбаясь, сообщает она. - Только я... Мне нельзя...

- Что, не взяли с собой купальник? - все тем же дурацки-развязным тоном спрашиваю я.

- Нет-нет, - качает она головой. - Дело не в купальнике...

- А что же тогда? Не умеете плавать?

- Да нет, умею. Точнее - умела. Раньше... давным-давно... А теперь мне остается только сидеть на берегу и смотреть, как купаются другие.

- Но почему?

Она не удивляется моей настырности. И не возмущается той беспардонностью, с которой я влезаю в ее жизнь, как клещ в тело жертвы, чтобы сосать кровь.

Она просто быстро поднимает широкую штанину своих кремовых брюк почти до бедра и тут же опускает ее.

Десять миллисекунд, не больше.

Но мне их хватает, чтобы испытать глубокий эстетический шок. Ее нога почти по всей длине изъедена жуткими шрамами - по-моему, еще не до конца зажившими. Это не та женская ножка, которую следовало бы демонстрировать на подиуме. Скорее, это конечность скелета, слегка прикрытая плотью и желто-багровой кожей. Палка, источенная древесными червями. Ходуля. Инструмент для ходьбы.

Странно. Зефир мне про это ничего не говорил. Хотя о специфике клиентов меня следует информировать.

- Простите, - искренне говорю я, - но я не знал...

- О, ничего-ничего, - откликается Синичка, изо всех сил стараясь улыбнуться. - Только не жалейте меня, ладно?

- И в мыслях не было, - подхватываю я. - И вообще, я не понял, с чего это вдруг вы решили доказать мне, что у вас на ногах не растет шерсть...

Она наконец опять улыбается.

- А вы ничего, - констатирует она. - Хотя извините, конечно, но я поначалу приняла вас за очередного киллера...

* * *

Однажды вечером я возвращался домой в состоянии полного оупения. В то время я подрабатывал в качестве так называемой «ходячей рекламы». Наверное, многие видели возле различных торговых или увеселительных заведений человека, представляющего собой подобие сэндвича, в котором роль ломтей хлеба выполняют фанерные плакаты с хвалебными лозунгами в адрес заказчика.

Работа эта мне была по душе тем, что давала возможность днями напролет практиковаться в умении влиять на совершенно незнакомых

людей - без особых успехов, впрочем.

В то же время это был изматывающий, тяжелый труд. Восемь часов на ногах при любой погоде. К концу дня ноги превращаются в чугунные тумбы, все тело разламывается на куски, во рту стоит полынная горечь от множества выкуренных сигарет, и вообще чувствуешь себя полным дерьмом, поскольку, по большому счету, ты занимаешься делом, которое никому на свете не нужно.

На скудные гроши, которые я получал от этих упражнений в неспортивной ходьбе, мне удалось снять комнату в старом районе, где здания напоминали безнадежно больных, на которых махнули рукой врачи.

Однако в том измочаленном состоянии, в котором я находился в тот вечер, мне хотелось лишь одного - быстрее добраться до дома, наскоро перекусить и рухнуть в постель.

Естественно, любое препятствие я рассматривал как угрозу моему законному праву на отдых. И когда в полутемном подъезде меня остановил тип неопределенного возраста с саκραментальной просьбой ссудить энную сумму, которая ему позарез необходима именно сейчас, поскольку у него сегодня день рождения и вот-вот придут гости, а на адекватное угощение не хватает финансов, то я мысленно возвел очи горе и пробормотал: «О Господи, ну почему именно я попался этому алкашу?!».

Денег у меня и вправду в тот момент не было, и, сообщив это своему собеседнику, я собирался двинуться дальше по лестнице, но не тут-то было. Мужик оказался на редкость настойчивым и велеречивым. Вцепившись в мой рукав и щедро обдавая меня застарелым перегаром, он принялся мне втолковывать, что хотя насчет дня рождения он соврал, но без бутылки он сегодня никак не сможет выжить и, таким образом, я - его единственная надежда и спасение.

Между нами завязался странный диалог, напоминавший отрывок из пьес гения театра абсурда Эжена Ионеско, когда каждый из собеседников изъясняется вполне нормальными фразами, но в целом создается впечатление, что разговор происходит между пациентами психлечебницы.

Когда свет от чудом уцелевшей лампочки упал на лицо моего партнера по общению, я узнал его. Он жил в соседнем подъезде и относился к категории людей, безнадежно потерянных для человечества. Обычная житейская история: медленное спивание в компании таких же горемык, постепенная утрата родных и близких, друзей и человеческого облика. Кажется, этого типа звали Эдик. И, кажется, пить он начал из-за какой-то семейной драмы. Обо всем остальном, связанном с Эдиком, память моя умалчивала.

Наконец мне надоело отбиваться от алкаша, и я повернулся, чтобы уйти.

Тут-то это и произошло.

Нет-нет, он не ударил меня и не плюнул вслед.

Он только сказал мне в спину с такой искренней горечью и такой внезапной ненавистью, что меня проняло до глубины души:

- Эх ты! Я-то думал, что ты человек! А ты, оказывается, жаба болотная!

В голове моей мгновенно сделалось пусто, а тело, наоборот, налилось странной тяжестью, будто превратившись в чугунную болванку, и я повернулся к своему обидчику и окинул его взглядом с головы до ног, и вдруг, неизвестно откуда, во мне взялось ощущение, что я знаю его давным-давно, как самого себя, и я видел его как на ладони, с его алкогольными проблемами и болячками, которых успело немало накопиться в его тщедушном, но все еще крепком теле, и я знал, что он любит больше всего на свете и чего боится пуще всего, и где в его душе скрывается тщательно запрятанная от всех тонкая, трепещущая жилка, на которой держится вся его жизнь, и что следует сделать, чтобы одним-единственным словом, как бритвой, полоснуть по ней...

Видимо, в сознании моем на какие-то миллисекунды образовался провал, потому что я не осознал и не запомнил, что именно сказал Эдику.

Помню лишь, что он охнул, как от боли, весь как-то съежился, почернел лицом, резко повернулся и стремглав бросился вниз по лестнице.

Я же, окончательно опомнившись и отдышавшись, доплелся кое-как до своей «норы», обессиленно рухнул на тахту и провалился в беспамятство.

А утром хозяйка квартиры известила меня о странной смерти Эдика.

- И ведь мужик-то был вполне здоровый, - разводила руками она, - и тверезый как стеклышко, а вот поди ж ты... Упал замертво прямо возле ихнего подъезда и окочурился, сердешный. Дворничиха наша утром вышла подметать - смотрит, а он лежит на ступеньках. Она-то думала, что он просто спит, ведь не первый раз его находили во дворе... А он уже посинел и окоченел, бедняжка!..

- И от чего же он умер? - внутренне похолодев, перебил я старушку.

- Врачи... ну те, что на «скорой»-то приехали по вызову... сказали, мол, кровоизлияние в мозг у него было, - понизила почему-то голос до шепота моя собеседница. - Сосудик какой-то вроде бы лопнул...

Я поспешно отвернулся, чтобы она не видела моего лица.

Я знал, что это я убил горемыку Эдика.

И хотя одна половина моего эго терзалась угрызениями совести, вторая вопила торжествующе во весь свой внутренний голос: «ПОЛУЧИЛОСЬ! У МЕНЯ ПОЛУЧИЛОСЬ ЭТО!»...

* * *

- А почему - очередного? - тупо спрашиваю я Синичку.

- Потому что в последнее время киллеры вокруг меня так и вьются!.. Как мухи на мед слетаются, честное слово!..

Наверное, на моем лице отражается тень недоверчивой усмешки, потому что она поспешно добавляет:

- Кстати, и нога моя безобразная - это тоже они... Попытались подстроить так, чтобы я на машине свалилась в пропасть. Хорошо, что мне в последний момент удалось открыть дверцу и вывалиться... Но по скалам меня тогда протащило - ой-ей-ей! Думала, вообще без ноги останусь...

- Кто же это вас так не любит? Вы вроде бы такая...

- Какая?

- Ну, в общем, если бы, например, я был киллером, то у меня просто рука бы на вас не поднялась!

Что ж ты так нагло врешь, сволочь? Не боишься, что у тебя язык отсохнет? А вдруг она почует хотя бы легкую фальшь в твоём голосе?

С другой стороны, что я должен ей сказать? «Извините, девушка, но я действительно собираюсь отправить вас на тот свет»?

- А вы шутник, - кокетливо сообщает Синичка.

Интересно, как такому наивному, незащитному существу удалось остаться в живых после пяти... нет, кажется, шести покушений? И действительно, за что ее так хотят прикончить? Э-э-э, господин Программист, а ведь с вами творится что-то неладное. С чего это у вас возник такой интерес к «объекту»? Раньше-то вы никогда не задавались вопросом, за что приходится убирать того или иного человека. Главное - сколько за это вам обещали заплатить, а остальное, как говорится, дело техники.

Может, пора прекратить это светское сюсюканье и приступить к непосредственному исполнению своего профессионального долга?

Ты ведь уже успел изучить эту девчонку и подсознательно наверняка знаешь, какое Слово для нее подойдет.

Так что ж ты медлишь, Программист?

Давай, уподобься герою одной песенки твоего любимого барда: «Чинарик выплюнул и выстрелил в упор».

Тем более что стрелять тебе следует не пулей, а словом. Максимум - фразой. После этого ты встанешь и уйдешь, а эта наивная синичка загнется прямо здесь, среди купающихся и наслаждающихся щедрым южным солнцем людей. От сердечного приступа или от закупорки сосудов. Или от солнечного удара, несмотря на то, что она сидит в тени пляжного зонтика. Или еще от чего-нибудь, вполне естественного для окружающих и судмедэкспертов.

Но может, Слово сработает не сразу, с отсрочкой, и тогда это случится не здесь, а через несколько минут или часов. Если вызвать у девчонки приступ непреодолимой ненависти и отвращения к самой себе, то она повесится или проглотит пригоршню сильнодействующего снотворного...

А ты вернешься домой, доложишь Зефиру о выполнении заказа, получишь причитающийся тебе «гонорар» и пойдешь в церковь, где поставишь свечку за упокой невинной души, а потом, как всегда, - в какой-нибудь кабаке, где зальешь воспоминания потоком спиртного, и, проспавшись, на следующий день будешь опять готов к работе.

И ты все еще считаешь, что ты - бог?

Брось, старина, ты же прекрасно знаешь, что ты всего-навсего убийца. Боги не опускаются до убийств по заказу. И какая разница, что ты убиваешь людей не так, как другие?

Если разобраться, твоя методика намного гнуснее и отвратительнее, чем удар ножом или выстрел в упор...

- Эй, что с вами? Вы слышите меня?

- Простите, замечтался немного... Так о чем мы говорили?

- Ну, вообще-то говорила одна я, а вы смотрели куда-то сквозь меня...

А говорила я о том, что... Ладно, это неважно...

- А все-таки?

- Да хотела рассказать вам, из-за чего на меня стали охотиться разные головорезы...

- Ну, и из-за чего?

- Похоже, я кому-то очень сильно мешаю.

- Бог с вами! Кому вы можете мешать?

- Не говорите так, - качает девушка белокурой головкой. - Все мы кому-то мешаем - самим фактом своего существования. Просто до поры до времени мы не подозреваем об этом. У меня, кстати, подружку убили - и знаете из-за чего? Ее дом стоял как раз в том месте, где отцы города запланировали проложить новую скоростную трассу. Ну, ее уговаривали по-всякому, деньги предлагали - большие деньги!.. Но подружка моя не хотела расставаться с домом, в котором родилась и выросла, где жили и умерли ее родители... Вот ее и заказали киллерам... Три года уже, как ее нет на белом свете...

- Ну, а вы-то чем могли помешать кому-то?! Или ваш дом тоже пускают под снос?

Она пожимает плечами.

- Скорее всего, дело в чем-то другом. Например, я могла стать случайной свидетельницей какого-то преступления, и теперь меня хотят убрать ради того, чтобы я не могла опознать преступников. Причем преступление могло быть таким, что я и не подозреваю о нем. Шла, скажем, по улице, увидела, как из дома выходит некто, а этот некто только что ограбил квартиру или, предположим, убил кого-то в

подъезде... Ой, заговорила я тут с вами! Совсем забыла, что мне давно уже нужно быть в одном месте!..

- Вы не будете возражать, если я вас немного провожу?

Она смотрит на меня долгим (целых пять сотых секунды) взглядом, а потом хмурится:

- Только при одном условии, хорошо?

- Слушаю и повинуюсь, Ваше Величество. И в чем же состоит условие?

- Вы не должны меня жалеть.

* * *

Машина у нее оказалась марки «пежо», из категории «консервная банка на колесах». Правда, симпатичная такая баночка - с радужными разводами на дверцах и капоте, с причудливыми передними и задними фарами. Не машина - игрушка. Очень милая, а потому для меня особенно страшная.

При ходьбе Синичка заметно прихрамывала и, когда мы подошли поближе к машине, с явным облегчением вздохнула.

- Устали? - поинтересовался я, стараясь не глядеть на машину.

- Немножко. Поэтому, если хотите, можете сесть за руль.

- Спасибо, но я... я не хочу!

Отрицательно качая головой - резче, чем следовало бы, и она удивленно смотрит на меня.

- И потом, вы же сами сказали, что вас не надо жалеть, - поспешно добавляю я.

Она пожимает плечами:

- Ну хорошо, я сама поведу.

Мотор приглушенно взрывает, как обожравшийся рыбой кот, и железная коробочка на колесах насмешливо Косится на меня лупоглазыми фарами.

Господи, как тебя скрутило-то! Неужели ради этой пигалицы-инвалидки ты вот так просто возьмешь и сядешь в кабину? После стольких лет избегания всего, что связано с двигателями внутреннего сгорания?..

А вот возьму и сяду! В конце концов, ко всему может привыкнуть человек. Даже к тому, что стоит на самом краю пропасти, когда мир перед глазами качается туда-сюда, а к горлу подкатывает тошнота от близости бездны.

- Кстати, а ведь мы с вами еще не познакомились, - сквозь гул в ушах слышу кокетливый голосок рядом с собой.

Ну, это как сказать... Твое-то имя я знаю, Синичка. Другое дело, что сам я тебе не представился. Хм, интересно, а приходит ли в голову

кому-нибудь из приговоренных к смертной казни, как зовут его палача?

- А вы не боитесь? - тупо спрашиваю я.

- Чего?

- В одном фантастическом романе описывался мир, где знание имени человека позволяло получить над ним беспредельную власть. Поэтому там люди скрывали свое настоящее имя, придумывая себе разные псевдонимы и клички...

Она мило улыбается.

- Чудной вы какой-то!.. Неужели вы и вправду верите в сказки? И потом, согласитесь, как-то неудобно называть вас кличкой, а не по имени. Или вас действительно зовут Программист и вы на самом деле киборг, сбежавший из секретной лаборатории?

Меня мутит уже по-настоящему. Чтобы не видеть, как за окном мелькают деревья, дома, прохожие, я прикрываю глаза и кладу затылок на высокое изголовье сиденья.

- Тимофей, - сквозь зубы выдавливаю я. - Меня зовут Тимофей.

- Очень приятно, а меня - Мира.

Мира Сокур, двадцать четыре года, не замужем, без определенных занятий, мысленно добавляю я. Но почему-то очень мешающая анонимным заказчикам Зефира.

- Послушайте, вы так сильно побледнели! - доносится до меня словно издали тревожный голос моей спутницы. - Вам плохо?

- Нет-нет, - сквозь зубы говорю я. - Разве мужчине может быть плохо в компании такой прелестной женщины, как вы?

- Ой, вы мне льстите, - опять пытается кокетничать она, но не слишком умело - видимо, ей не часто приходилось быть объектом ухаживаний. - И все-таки как вы себя чувствуете?

- Все в порядке, не беспокойтесь.

На самом деле даже медленная езда - мука для меня. А ведь еще десять лет назад я без всяких отрицательных эмоций носился, подобно автогонщику, на своей «ауди», купленной на один из первых гонораров от Зефира. Но однажды, в жестокий зимний гололед, меня угораздило попасть в крупную аварию, и я лишь чудом вернулся с того света, провалявшись две недели в реанимации. На память об этом остались несколько шрамов на теле и автомобильная фобия. Но моей новой знакомой знать об этом не обязательно...

- Лучше просветите своего преданного пажа, Ваше Величество, куда мы едем, - пыжусь я показать, что все действительно нормально.

- А зачем? - лукаво откликается она. - Мы уже приехали. Поэтому давайте прощаться.

Чудится мне или в глазах ее действительно возникает облачко грусти?

Интересно, а что ей понадобилось в этом районе, где нет ничего примечательного? Если, конечно, не считать достопримечательностью грязно-серую бетонную стену с ржавой решеткой ворот и

нецензурными граффити.

А ведь я уже действительно знаю, каким Словом мог бы оборвать ее никчемную, жалкую, инвалидную жизнь. Мой дар в том, что я за считанные секунды общения с любым человеком умею определять, чего он боится больше всего на свете. И с помощью Слова я заставляю свою жертву испытать скрывающийся на дне ее подсознания первобытный ужас. Я бы сказал - ужас бытия, если бы мне не претили пафосные словосочетания.

Вот, например, Мира Сокур боится, что когда-нибудь перестанет быть нужной людям. Странная фобия вообще-то. Неужели на белом свете есть кто-то, кому она может быть нужна? Насколько я знаю, у нее нет ни родителей, ни родственников. Даже друг - и тех нет...

В принципе, как и у меня.

Но я - это другое дело. Мне уже давно никто не нужен. А ей, видимо, кажется потенциальным другом любой, кто уделил ей хоть несколько минут внимания. Даже если этот субъект - наемный убийца.

Черт, черт, черт!..

Нельзя мне так думать, нельзя! Все, что от меня сейчас требуется, это сказать: «Ну что ж, было приятно с вами познакомиться». И добавить абсолютно ничего не значащую ни для нее, ни для случайных свидетелей в лице толстой тетки, одышливо ползущей вдоль стены и внимательно изучающей набор выписанных там разноцветными красками ругательств, фразу. Формулу, способную убить. Мое волшебное Слово.

Но вместо этого мои губы почему-то произносят совсем другое:

- Знаете, а я хотел бы побыть с вами еще немного. Можно?

Вот дурак!.. Правы были древние греки: когда боги хотят погубить человека, они лишают его разума.

* * *

Оказывается, здание за «ругательной» стеной - больница. Обычная городская больница - такая, какая и должна быть в этом приморском захолустье. Серые лица больных, запах лекарств и подгоревшего молока в вестибюле и дежурная за стойкой, сочетающая приятное (расправу над большим красным яблоком) с полезным (заполнением каких-то бланков).

- Слушаю вас, граждане. Вы к кому?

- К Новицкой Вере Александровне, - уверенно говорит Мира. - Шестнадцатая палата.

Дежурная оглядывает нас так, словно только что видела наши фото на стенде «Их разыскивает милиция».

- Простите, а вы кто ей будете? - интересуется она.

- Родственники мы, - кротко отвечает Мира.

Дежурная пожимает плечами.

- Вообще-то, - неуверенно говорит она, - сейчас не приемные часы. Но ваша Вера Александровна в таком состоянии, что... - она вдруг осекается и машет рукой: - Ладно, проходите. Только ненадолго.

- Мы не задержимся, - уверенно говорит Мира.

Новицкая лежит в палате одна. Это высохшая до состояния щепки старушка. Неестественно белое лицо с закрытыми глазами на серой подушке с неразборчивым синим штампом. На вид ей лет восемьдесят. Кем, интересно, она приходится моей спутнице? Бабушкой? Или даже прабабушкой? И опять же лихорадочно листаю мысленно досье на Миру, но не нахожу и намека на то, что у нее имеются какие-либо родственники. Тем более в этом городе. Тем более в столь преклонном возрасте. Нет, когда вернусь, все-таки устрою взбучку своему работодателю! Совсем уже обленились, козлы, скоро заставят работать по одной только фотографии клиента!..

- Здравствуйте, Вера Александровна, - говорит Мира, присаживаясь на край постели, пропахшей мочой и лекарствами. Я же торчу, как дурак, посреди палаты, не зная, куда себя деть и как себя вести. - Вот, пришла вас проведать...

Хм, первый раз слышу, чтобы родную бабушку называли по имени-отчеству. Может, речь идет о знакомой? Например, о соседке. Или о матери подруги... Бред. У Миры нет никаких подружек, и я прекрасно это знаю.

Глаза под морщинистыми веками приоткрываются. Мутно-серые, как стекла городских троллейбусов. Не разглядеть, что за ними, внутри этого тщедушного тельца, смахивающего на полуживую мумию.

- Зачем? - еле слышно произносит бабулька.

- Так надо! - с веселой уверенностью заявляет Синичка.

- Не надо, - возражает равнодушно больная. - Ничего уже... не надо.

Голос ее настолько слаб, что кажется, будто он затухает, как огонек свечи на ветру.

- Нет, нет и еще раз нет! - ласково, но непреклонно говорит Мира, беря в свои руки кулачок старушки. - Вы должны жить, и вы будете жить!

- Для кого? - спрашивает старушка, и в голосе ее звучит такая безмерная усталость, что мне невольно становится жутко. - У меня... нет никого... и я не хочу больше...

И тут на меня накатывает, совершенно некстати.

Всего пара слов - и я помогу этой несчастной переселиться в мир иной. В самом деле, зачем ей мучиться самой и мучить других? Это будет быстро и безболезненно. И впервые - не по заказу, не за замусоленные бумажки с круглыми цифрами, а чтобы помочь...

Нужные слова ядовитыми пилюлями вертятся у меня на языке,

стремясь вырваться наружу. Я делаю шаг вперед, и меня останавливает только взгляд Миры.

- Неправда, - говорит тем временем она старушке. - Вы ошибаетесь, Вера Александровна! Есть еще на свете люди, которые вас помнят и любят. Это ваши бывшие ученики. Те, для которых вы были первой учительницей. Их очень много. И они попросили меня вылечить вас.

Щеки Новицкой слегка розовеют, и она шире открывает глаза. Теперь в них маячит какое-то чувство. Похоже, недоверчивость.

- Мои ученики? - переспрашивает она. - После стольких-то лет? Вы... а кто вы? Вы тоже учились у меня? Хотя... нет, я вас не помню...

- Нет, я училась в другом городе, - медленно говорит Мира. - Но сейчас это не имеет никакого значения. Я избавлю вас от недуга, Вера Александровна. И вас завтра же выпишут домой. А послезавтра они приедут к вам. Все те, кто еще жив и помнит о вас...

Старушка вдруг глубоко вздыхает и принимается надсадно кашлять. В промежутках между приступами хриплого кашля она выдавливает из себя слова, словно комки слизи.

- Не... получится... Врач сказал... недолго осталось... От этого... не лечат... тем более... в моем возрасте...

Так я и знал. Смертельные слова уже всюду распирают мое нутро.

- Мира, - говорю я, но девушка не обращает на меня внимания. - Мира, может быть, я?..

- Помолчите, Тимофей! - с внезапной строгостью обрывает меня она.

Гладит зачем-то пергаментную руку больной, глядя в пол. Потом вскидывает голову и произносит странный набор слов. Что-то вроде «синего бархата и запаха апельсинов». Прямо как пароль из шпионского фильма.

Только слова эти почему-то производят эффект заклинания для старушки. Она мгновенно перестает кашлять, и лицо ее словно оживает.

Потом принимается недоверчиво ощупывать себя. Вдруг резко откидывает одеяло (Мира едва успевает подняться) и с невесть откуда взявшейся резвостью соскакивает на пол. На ней лишь жалкая, вся в прорехах, ночная рубашка, но, похоже, для Новицкой это не имеет сейчас значения.

- Господи! - наконец вскрикивает она. - Да я же словно родилась заново!.. Что вы со мной сделали, девушка?!..

Мира молча улыбается.

- До свидания, Вера Александровна, - говорит она. - Живите еще долго-долго... Идемте, Тимофей.

* * *

Дежурная по больнице, увидев нас, сочувственно кривится:

- Ну как, попрощались с бабушкой?

- Да-да, спасибо, - рассеянно отвечает Мира.

Только теперь я прихожу в себя.

И совершенно по-новому смотрю на неуклюже ковыляющую фигурку девушки.

Значит, она тоже Программист. Только с другим знаком - положительным, в отличие от меня. Если все, на что я способен, - это убивать других с помощью слов, то она может возвращать к жизни безнадежных больных. Тех, кто отчаялся и потерял надежду. Вот почему ее мне заказали. Кому-то очень не понравилось, что она спасает обреченных на смерть. Это действительно опасный дар. Особенно в наше время, когда убийства по заказу стали почти легальным ремеслом, как когда-то частный сыск. Поэтому-то подонкам всех мастей и рангов выгодно, чтобы люди были слабыми и смертными. Только при этом условии ими можно управлять.

Значит, мы с Мирой - антагонисты. Как черт и ангел, как черное и белое. Две извечных противоположности.

Но ведь и я, помнится, когда-то хотел овладеть техникой «программирования» лишь для того, чтобы приносить добро и пользу людям. И я сам виноват в том, что в итоге стал лишь безупречным, идеальным убийцей.

Зефир и его заказчики, пославшие меня убить Миру, наверное, думали, что даже если я узнаю о ее феноменальной способности, то все равно убью ее - хотя бы из зависти. И я действительно завидую девчонке. Но совсем не так, как рассчитывали мои хозяева.

Получается, из нас двоих лишь она достойна звания настоящего Программиста. И поэтому должна жить во что бы то ни стало...

- Что же вы задумались, Тимофей? - слышу я голосок своей спутницы.

- Вы ведь наверняка хотите меня о чем-то спросить, не так ли?

Мы идем по парку, окружающему зданию больницы, и ветерок с моря играет прядкой ее волос.

- Да, - хрипло выдавливаю я. - У меня к вам много вопросов. Но, прежде чем их задать, я хочу вам кое-что рассказать. Вы должны знать это...

Больше я ничего не успеваю сказать.

Навстречу нам идет типичный персонаж фильма «Люди в черном». Мужчина средних лет в стандартном черном костюме. Ничего не выражающее лицо, безжизненно застывший взгляд. Он слишком старательно избегает глядеть на нас, и внутри меня рождается тревожное предчувствие.

Быстрый взгляд вокруг. За оградой, неподалеку от автомобильчика Миры, к тротуару приткнулся суперфутуристического вида «шевроле» последней модели - не очень подходящая «тачка» для посещения

обычной больницы.

Когда между нами остается шагов пять, мужчина быстрым, натренированным движением сует руку под мышку, и мое предчувствие превращается в уверенность.

Двумя прыжками оказываюсь на дистанции удара. Как раз вовремя, чтобы ударом ноги по руке этого типа выбить пистолет. Как и предполагалось, он с набалдашником глушителя. Второй удар - уже в область солнечного сплетения - заставляет моего противника скрючиться от боли. Теперь оглушить его ударом сверху по затылку.

Сложившись пополам, «мэн-ин-блэк» падает, причем все так же молча. Профессионал...

Хватаю Миру за руку и, преодолевая ее инстинктивное сопротивление, тяну за собой к воротам парка.

И тут же краем глаза вижу, как дверца «шевроле» открывается и оттуда выскакивает еще один киллер - видимо, запасной...

- Быстро в машину! - ору ничего не понимающей Мире. - Заводи мотор!..

Прикрываю ее своим телом, стараясь держаться на линии возможного выстрела.

Второй киллер, однако, не стреляет. Он, видимо, из тех, кто действует наверняка.

Лицо у него, в отличие от напарника, вовсе не безразличное. Наверное, новичок. Дурацкие усики, перекошенное от страха и ненависти лицо. И где только выкопали такого неумеху?

И пистолет у него застрял в недрах одежды, не желая извлекаться.

- Послушай, приятель, - весьма миролюбиво говорю я, останавливаясь в нескольких метрах от своего противника. - Зефир зря поручил вам это дело. Я Программист - может, ты слышал?.. И этой девкой занимаюсь я.

- Зефир? - ошалело переспрашивает он. - Какой еще Зефир?

- Ну, не в шоколаде же, - усмехаюсь я.

В этот момент парню удается наконец справиться с оружием своего грязного труда, и в его наверняка липком от пота кулаке возникает потерянная «беретта». Без всякого глушителя. Судя по тому, что он направляет ствол на меня, дальнейшие переговоры явно не имеют смысла.

За спиной наконец-то раздается тарыхтение слабенького движка «консервной банки».

Во внезапном озарении перед моим мысленным взором всплывает убийственная формула для того, кто готов нажать спусковой крючок, чтобы убить меня.

Всего два слова, едва ли имеющих какой-то смысл для миллионов людей.

- *Красный бантик*, - говорю я, и лицо киллера искажается мгновенной

судорогой, словно я ударил гирей по его бритоголовой башке.

Пистолет с лязгом валится на асфальт из ослабевшей руки.

- *Красный бантик, белое пальто!* - по мгновенному наитию усиливаю я магическую формулу - и парень, судорожно хватая ртом воздух, падает как подкошенный.

Судя по симптомам - банальный инфаркт. Или инсульт. Впрочем, сейчас не время проводить судебно-медицинское освидетельствование.

Когда я плюхаюсь на сиденье рядом с Мирой, из больничного парка доносятся чьи-то вопли. Что-то вроде «Милиция!» и «Помогите, человеку плохо!».

- Гони, - говорю я своей спутнице.

- Куда? - непонимающе взирает она на меня.

- Куда хочешь, только быстрее! - кричу я.

* * *

В голливудских фильмах, когда наемный убийца спасает свою жертву, обязательно начинаются сумасшедшие погони, драки, стрельба и выходит так, что беглецам негде укрыться от преследующих их головорезов.

В нашем случае, однако, все получилось гораздо проще и без киношных эксцессов.

Мы благополучно добрались до соседнего городка и без особых проблем взяли в аренду загородный домик у черта на куличках. То есть высоко в горах, недалеко от перевала. Одному богу известно, какому чудаку взбрело в голову построить эту хибару там, где нет ни души. Наверное, бедолага тоже от кого-нибудь спасался бегством...

В домике было все необходимое для жизни, а если чего-то не хватало, то мы с Мирой время от времени спускались по извилистому серпантину в город. К езде в тесном «пежо» я постепенно стал привыкать, но еще не настолько, чтобы самому сесть за руль.

Естественно, мы не просто жили под одной крышей. Мы вели нормальную псевдосупружескую жизнь и были очень счастливы. По странному совпадению ни она, ни я раньше не любили по-настоящему.

Прошрое наше теперь казалось полузабытым сном, и мы почти не разговаривали о том, что осталось у нас за спиной, словно повинувшись негласному уговору. Не знаю, как Мира, но я был твердо намерен никогда больше не возвращаться к Зефиру.

Там, у больницы, Мира так и не поняла до конца, что я убил человека. Ей показалось, что я его просто ударил - как и его напарника - и что он не умер, а на время отключился.

Я не стал открывать ей правду.

Иначе пришлось бы рассказать ей все. В том числе и то, что меня наняли убрать ее.

В то же время меня интересовало, каким образом Мира сумела поставить свой дар на службу людям, в отличие от меня, научившегося использовать его лишь как смертельное оружие.

Однажды вечером, когда мы наслаждались уютом перед жарко пылающим камином, я как бы невзначай поинтересовался:

- Мира, скажи: как ты научилась так здорово лечить людей?

Она посмотрела мне в глаза своими огромными глазищами, от которых у меня замирала душа.

- А я вовсе не училась, - призналась она. - Я... я просто поняла однажды, что могу это делать, вот и все...

- Вот как? - хмыкнул я. - Может, ты и меня научишь?..

Она опустила взгляд.

- Нет, Тим, - тихо сказала она. - Этому нельзя научиться, поверь мне...

Что ж, в этом она была права. Я ведь тоже никому не смог бы передать свою проклятую способность, даже если бы захотел. Слово, произнесенное кем-то другим, теряет волшебную силу. Да, скорее всего, дело вовсе не в Словах. Дело в том, кто их произносит...

- И давно это случилось с тобой? - продолжал расспрашивать я.

- Десять лет назад... я тогда еще училась в школе...

- И ты, значит, решила стать таким доктором айболитом, который лечит всех подряд?

Мира вздохнула:

- А что мне еще оставалось делать? Этот дар, который мне достался, особенный. Не я владею им, а он мной. И когда я не хочу или не могу исцелить кого-то, мне становится очень плохо. - Она вдруг через силу хохотнула: - Знаешь, однажды я чуть не померла - больной был таким... ну, в общем, подонком и негодяем, и я не хотела возвращать ему здоровье... А потом поняла: ЭТО сильнее меня... И знаешь, когда я это уяснила, мне сразу стало легче. Значит, такова моя функция - возвращать людей к жизни.

- «Функция», - с горечью пробормотал я. - Функция бывает у программ. А ты вовсе не программа, Мируля...

Она вдруг порывисто обняла меня, прикинув всем телом. Так, что у меня запершило в горле.

- Родненький мой! - Обожгло мое ухо ее жаркое дыхание. - Ты же сам признался, что ты программист. Значит, я теперь программа. Твоя, на веки вечные...

В тот момент я окончательно понял: ни черта даже самые магические слова не значат в этой проклятой, но такой чудесной жизни...

Незаметно пролетело бабье лето, и осень решила не продлевать агонию, а сразу ударила ливневыми дождями днем и минусовыми заморозками по ночам. Видимо, сказывалось высокогорье.

В планах моих было отсидеться в этом домике, не рассчитанном на зимовку, хотя бы до первого снега. Я слишком хорошо знал Зефира, чтобы питать иллюзии: пройдет пара месяцев - и он забудет о нас с Мирой. Система тайных осведомителей имеется не только у полиции, и где гарантия, что они отсутствуют в этом провинциальном городке?

Тем временем с Мирой все чаще стало происходить что-то неладное. Бывало, она подолгу сидела перед камином, пристально глядя на пляшущие языки пламени и не отвечая на мои расспросы. В другой раз металась, хромая, по комнатам, до крови закусив губу. И при этом упорно молчала. Словно утратила дар речи.

Идиот, мне и самому следовало догадаться, в чем была причина этих внезапных приступов. Она же мне сама об этом говорила...

Но я догадался слишком поздно - когда ее прихватило серьезно.

Это случилось среди ночи - за окном всю трещали на ветру обледеневшие деревья. Я проснулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как моя Мирулька в полумраке лихорадочно натягивает одежду.

Я включил настольную лампу.

Лицо у Миры было безжизненно бледным, и струйка крови, стекавшая по подбородку из прокушенной нижней губы, лишь подчеркивала эту бледность живого мертвеца.

- Мира, ты что? - спросил я, вскочив с кровати. - Куда ты собралась?

- В город, - с трудом разжала она стиснутые, словно от нестерпимой боли, челюсти.

- Зачем? - тупо спросил я. - Тебе туда нельзя, девочка моя! Ночь на дворе, да и холодно...

- Не останавливай меня, - отвернулась она. - Я... я должна туда ехать... понимаешь, Тим?..

И тут меня наконец прошибла догадка.

- Что, там кто-то умирает? - почему-то шепотом спросил я.

Она лишь кивнула.

А потом рухнула на пол, словно внутри нее сломался некий стержень. К счастью, на полу был ковер с длинным ворсом, и Мира не расшиблась при падении. Только вот в себя она уже не пришла. Ей явно становилось хуже и хуже.

Я в отчаянии кричал и пытался привести ее в чувство.

Я перенес ее на кровать и делал искусственное дыхание.

Я проклял свою дурацкую осторожность, заставившую меня выбросить свой и ее сотовые телефоны в глубокую пропасть в самом начале нашей подпольной жизни в горах, иначе сейчас я наплевал бы на все меры предосторожности и вызвал бы «скорую помощь»...

Наконец Мира пришла в себя. Правда, ненадолго. Однако я успел добиться ответа на свой единственный вопрос: что я должен сделать, чтобы спасти ее?

Есть только одно средство, позволяющее выжить в подобной

ситуации, сказала она. Оно продается в любой аптеке (и я намертво вбил в свой мозг мудреное латинское название). Это лекарство всегда было у Миры в запасе, но вчера она выпила последнюю таблетку. И если сейчас не принять очередную дозу, она просто-напросто не доживет до утра...

Она меня ни о чем не просила, но разве в таких случаях нужны просьбы?

Никогда в жизни я не одевался так быстро.

Ключи от пежика, как Мира называла свою машинку, искать не пришлось: они до сих пор торчали в замке зажигания.

Мотор промерз, и мне с большим трудом удалось запустить его.

Получасовой аутотренинг, чтобы справиться с тем ужасом, который охватил меня от одного прикосновения к ледяному рулю, мне сейчас бы не помешал, но надо было спешить.

Я только глубоко вздохнул и нажал на педаль газа...

Шоссе было погружено во тьму. В такую погоду спускаться с перевала по крутому серпантину стал бы только безнадежный псих. Именно такой, как я...

Я почти не помнил, как мне удалось добраться до города. В память врезались лишь отрывочные ощущения: белесая от корочки льда лента дороги в желтоватом свете слабых фар, жалобный вой надрывающегося от перегрузки моторчика и скрежет коробки скоростей. Тормозить по гололеду было бесполезно - пару раз я попытался это сделать, и оба раза меня едва не унесло в пропасть, чисто формально отгороженную от дороги редкими стальными столбиками...

Когда спуск наконец стал достаточно пологим и впереди замаячили огни первой пригородной забегаловки, я остановил машину, чудом не опрокинув ее в глубокий кювет, отодрал от руля сведенные судорогой, ничего не чувствующие пальцы, вылез и основательно проблевался. Прямо посреди обледенелого шоссе...

В городке была всего одна дежурная аптека, и мне пришлось долго колесить по безлюдным улицам, прежде чем я отыскал ее.

Полусонная тетка за стойкой долго не могла уразуметь, с какой стати она должна среди ночи выдавать сильнодействующие лекарства без рецепта врача. Сперва я чуть не убил ее (от этой идеи меня заставила отказаться лишь мысль о том, что я потрачу уйму времени, роясь в бесчисленных ящичках высоченных шкафов). В итоге, я выгреб из кошелька и карманов все имевшиеся платежные средства и стоял перед аптекаршей на коленях до тех пор, пока она не снизошла удовлетворить мою сопливаю мольбу...

Путь обратно мне показался уже не таким страшным. И пусть колеса то и дело пробуксовывали на ледяном подъеме в гору, пусть машину кидало из стороны в сторону и я ежесекундно рисковал потерять

управление, главное - я победил свою фобию и теперь меня пугало лишь одно: мысль о том, что я опоздаю и моя любимая женщина скончается, не дождавшись меня...

Когда, по моим расчетам, до нашего домика оставалось совсем немного, из-за крутого поворота мне прямо в лицо выстрелил яркий свет мощных фар и навстречу юзом, почти сложившись пополам, вылетела длинная фура с прицепом. Черт знает, зачем этому дальнобойщику вздумалось проходить серпантин в такую гиблую ночь, но сейчас он несся прямо на меня, визжа бесполезными тормозами и даже не пытаясь избежать столкновения, а я ничего не мог поделать. Кроме того, чтобы в последний момент бросить «пежо» на край пропасти, пропуская взбесившийся грузовик. А когда я уже было поверил, что опасность миновала и на этот раз, машина моя вдруг закрутилась волчком, а затем устремилась вниз, в бездонную тьму...

Невероятно, но мне каким-то образом удалось распахнуть дверцу и вывалиться наружу. Когда я очухался, то обнаружил себя распростертым на самом краю обрыва. Где-то внизу ревел, удаляясь, дизель фуры, а тьму на дне пропасти разрывали огненные всполохи от пылавшего ярким пламенем автомобильчика.

Кое-как поднявшись, я заковылял по обочине, нащупывая во тьме столбики, чтобы не сбиться с дороги. По лицу текло что-то теплое и липкое, и до меня не сразу дошло, что это кровь из моей разбитой головы.

Утешало одно: лекарство лежало в кармане, а не сгорело на дне ущелья вместе с машиной...

Вот и дом.

Я остановился, чтобы перевести дыхание. И остолбенел.

Все окна в домике были ярко освещены.

Неужели за время моего отсутствия сюда нагрянули посланцы Зефира?!

Мне представилось страшное зрелище: Мира, привязанная к стулу, с залепленным скотчем ртом, и бритоголовый детина с пистолетом, хлещущий мою девочку по щекам и приговаривающий: «Где он?.. Куда он делся?.. Говори, сучка, а то вышибу мозги!»...

Я подкрался к окну гостиной и осторожно заглянул в него.

Не было ни вооруженных головорезов, ни истязаемой Меры.

Нет, Мира все-таки была там. Но одна. Целая и невредимая. И даже живая и здоровая.

И вообще, это была уже не та слабая и беззащитная девушка, которую я знал и любил. Теперь я видел перед собой этакую суперменшу, героиню голливудских боевиков. Мила Йовович из «Ультрафиолета» или «Пятого элемента» просто в подметки не годилась этой женщине-вамп во всем черном (черный свитер «под горло», черная кожаная куртка, черные плотные штаны «в обтяжку») и

с сотовым телефоном в руке, поднесенной к уху.

С кем она могла разговаривать сейчас? И где это, интересно, она раздобыла весь этот траурно-боевой гардероб?

Хотя это было не так уж важно. Важнее было другое.

Подстава. Меня провели, как кролика, потерявшего голову от одного вида самки.

Кровь бросилась мне в голову, наполняя ее гулками, почти болезненными ударами.

Наверное, разумнее всего было бы тихо и незаметно исчезнуть во тьме, спастись бегством куда глаза глядят.

Но вместо этого я, стараясь не производить шума, вошел в дом.

До моего слуха донесся сухой, деловитый женский голос. Вовсе не тот, которым вечность назад моя Мируля, Мируся, Синичка говорила: «Родненький мой»...

Голос докладывал кому-то:

- ...стопроцентно, шеф... Да, все вполне естественно... Сорвался в пропасть в гололед - что может быть естественнее?.. Правда, пришлось ему в этом немного помочь... встречный грузовик и все такое... Но парни из группы поддержки сработали четко...

Сжав кулаки, я шагнул в комнату, и Мира умолкла, не сводя с меня глаз.

Однако, кем бы ни была эта сучка, надо отдать должное ее профессионализму. Растерянность ее длилась не более семи сотых секунды. Потом она сделала две вещи одновременно. Одной рукой отключила телефон, а другой достала, как фокусник, прямо из воздуха компактный браунинг и приказала:

- Ни с места, Тим. Дернешься - застрелю!

Я криво усмехнулся.

- Стереотипно мыслишь, Мируля. Я ведь убиваю не руками и не оружием...

Но вместо того, чтобы выстрелить в нее смертоносным Словом, я хрипло спросил:

- Зачем?

Она ответила так же кратко:

- Ликвидация киллера.

Потом добавила:

- Уникального. И очень опасного...

- Значит, все, что у нас с тобой... спектакль? - зачем-то осведомился я, уже зная ответ. - Это тоже входило в сценарий шоу для одного-единственного зрителя?

Мира безжалостно ухмыльнулась.

- Инсценировка, - уточнила она. - У нас это называется так.

- У кого это - у вас?

- Без комментариев.

- А твой дар? Тоже туфта? И та старушка, которую ты спасла?..
Она вдруг мягко улыбнулась, на мгновение став прежней Мирой.
Но ствол пистолета не опустился даже на эти миллисекунды.

- Дурачок, - почти ласково сказала она, но от ее тона у меня по спине пробежали мурашки. - Такой опасный и такой доверчивый. Эх ты, а еще назвался Программистом!.. Впрочем, ты действительно программировал - но только самого себя. Ты внушил себе веру в сказку. Которую сам же и придумал... Овладев азами НЛП, ты уверовал, что Словом можно не только убивать, но и творить добро. А Слово - это оружие, и ничего больше. К сожалению...

Я как можно сильнее закусил губу, чтобы этой болью заглушить ту, что грызла меня изнутри бешеной крысой, пытаюсь вырваться наружу.

- Неправда! - глухо произнес я. - Ты врешь! Во все времена были добрые Слова! По той простой причине, что если есть минус, то должен быть и плюс...

- Во все времена? - повторила Мира. - Что ж, возможно, когда-то так и было. А в наше время Словом только убивают. Не веришь? А ты возьми любую газету. И не обязательно бульварную дешевку. Возьми даже самую уважаемую. И что ты там увидишь?.. Клевету, ложь, обман, злобное ехидство, ядовитые фразы... Или включи телевизор. Какое-нибудь ток-шоу, так называемые диспуты в прямом эфире... И что? Ложь, вражда, ненависть - их ведь так легко разжечь словами...

Я мотнул головой, и брызги крови из раны разлетелись по всей комнате.

- Но зачем все... так сложно? Ведь можно было убрать меня гораздо проще. Нож в спину - например, во время секса... Пуля снайпера... Яд в чашку чая... Вариантов много...

- А с такими, как ты, нельзя поступать просто, - покачала головой моя бывшая Синичка. - Вы же, доморожденные гении-психологи, натуры тонкие. Да, вас можно убрать физически. Но гораздо эффективнее и интереснее уничтожить вас вашим же оружием. Подстроить так, чтобы вы прочувствовали на себе - как это больно, когда мир вокруг вас переворачивается вверх тормашками от жестокости окружающих. Лично я нашла и использую вот такой способ: сначала влюбить в себя «клиента», а потом довести его до такого состояния, чтобы ему очень захотелось убить меня. Любовь и ненависть - такие штуки, которые начисто выжигают проклятую способность манипулирования людьми...

Я машинально вытер рукавом кровь со своей щеки, уже не чувствуя боли. Внутри меня стремительно нарастала знакомая волна.

- Таких, как я? - повторил я. - Значит, я не первый у тебя?

- И, скорее всего, не последний. - Мира опять усмехнулась. - К сожалению... Слишком много вас развелось в последнее время, наемных душегубов, которые боятся запачкать руки в крови. Потому и возникла необходимость в нашей конторе. Мы нейтрализуем таких

уникумов, как ты. Как ты верно заметил, если в мире есть минус, то должен быть и соответствующий плюс...

- А ты не боишься меня?

- Нет, - покачала она белокурой головкой. - Ты уже не сможешь убить меня. Ни-ког-да!

- Ты уверена в этом?

- Хочешь попробовать? - насмешливо изогнула она свою изящную бровку. - Что ж, давай!..

И тогда я выстрелил. Той вербальной формулой, которую мое подсознание мгновенно выделило, как змея вырабатывает порцию яда.

Я знал: эти Слова должны подействовать сразу. Но секунды проворачивались, как гигантские шестерни, а с белокурой бестией в кожаном костюме ничего не происходило.

Я обессиленно прикрыл глаза. В принципе, сейчас должна выстрелить она. Как на дуэли: если ты не убил противника, значит он убьет тебя.

Однако выстрела не последовало.

- Теперь тебе ясно? - бесстрастным тоном спросила Мира. - Ты больше не Программист. И отныне твои слова никого убить не смогут...

По окнам вдруг полоснул свет автомобильных фар, и рядом с домиком послышался скрип тормозов останавливающейся машины.

И тогда Мира, хищно метнувшись вперед (и куда только делась ее хромота?), молниеносно ударила меня ногой в низ живота. Той самой изувеченной ногой...

Жуткая боль швырнула меня на пол и заставила скрючиться пополам, как червяка, которого раздавили тяжелым ботинком.

Голос Синички донесся до меня сквозь пелену боли откуда-то издалека:

- Это все, чем я могу расплатиться с тобой за смерть тех, кого ты отправил на тот свет, гад. Потому что я не имею права убивать таких, как ты. К моему великому сожалению...

И она ушла.

А мои щеки опять стали мокрыми. Не то от крови, не то от слез...

* * *

С тех пор прошло почти три года.

Мне удалось ускользнуть из грязных лап подручных Зефира, и я поселился в другом городе, на другом краю страны.

Мира действительно выполнила свою миссию: я больше никого не убил. Ни Словом, ни как-либо иначе. И не потому, что не мог. Просто не хотел. Не знаю почему, но мне вдруг это стало противно...

Наоборот, я заочно окончил вуз, в котором когда-то недоучился, и теперь с дипломом врача-психотерапевта работаю в заурядной

районной поликлинике. А еще полулегально практикую на дому. Стараюсь не отказываться даже от самых тяжелых и, казалось бы, «непрофильных» больных.

Кроме традиционных методов, я не перестаю пробовать на своих пациентах Слова. Самые разные, но неизменно добрые, целебные, животворные...

Словно таким образом хочу доказать своей бывшей любимой, что она и ее коллеги ошибаются. Что среди множества слов, которые существуют во всех земных языках, обязательно должны быть такие, которые выполняют функцию волшебного ключика, отпирающего души и высвобождающего скрытые резервы человеческого организма.

И, по-моему, недавно я добрался до сути этого феномена.

Все оказалось достаточно просто. Чтобы с помощью Слов нести людям добро, надежду, спасение и радость жизни, нужно сначала спастись самому, а потом верить, надеяться и радоваться каждой прожитой миллисекунде. А самое главное - любить тех, на кого воздействуешь...

Вчера мне удалось всего тремя словами излечить от запущенного лейкоза десятилетнюю девочку, для которой родители уже заказали место на кладбище.

Я сказал ей: «Синичка ты моя!».

Она была так похожа на Миру...

ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ
ВЫГОДНАЯ РАБОТА

Иллюстрация Андрея БАЛДИНА

В грязи поблескивали отражения окон. Затянутое тучами небо казалось таким низким, что плюнь - и долетит. Но Иван даже не пытался - лузгал семечки и сплевывал шелуху в лужу рядом с качелями. Пиво закончилось, плеер сломался, друзья как-то потускнели, потерялись жизнью, как бывшие в обращении монетки. У каждого - свои проблемы. То разгульное время, что было до армии, не вернешь. Да и самому шататься по улицам и протирать лавочки уже неинтересно, а работы нет, денег нет, учиться не хочется - словом, как говорили в школе, наступила полная потеря жизненных ориентиров. Еще и погода мерзкая, холодом тянет, но снег так и не пошел. А впереди - целая зима.

Ничего, никого, да и перспектив - никаких. Иван попытался понижее натянуть холодную осеннюю куртку, поежился, достал из кармана последнюю пригоршню семечек. Вечер закончился, не успев начаться. Очередной тоскливый и одинокий вечер... Ладно друзья - так и девчонки не любят. Зачем он им нужен без денег, без работы, без машины и без квартиры? Нет, в самом деле, их можно понять. Ну вот была бы у него сейчас девчонка - сидела бы рядом, смотрела на грязный двор, облетевшие деревья, выщербленную стену котельной? Даже домой он повести ее не мог бы: там мама, отец и брат, да мешок картошки в прихожей на зиму. Только, сдастся, одного мешка им и на месяц не хватит.

Идти домой и слушать нотации, а то и ругань, не хотелось. Но

разумной альтернативы не имелось. Иван поднялся, оттолкнул ногой пустую бутылку и тут увидел направлявшегося к нему крепкого мужчину. Не то чтобы он испугался, однако стало немного не по себе. Кому и зачем он мог понадобиться? А шел мужик в кожанке явно к нему - больше некуда. Судя по уверенной походке, бандит или мент. Последнее вероятнее. Сейчас поймают его, повесит какое-то дело - и привет.

Иван прикинул, успеет ли перемахнуть через низенький заборчик, скрыться в темном дворе. Но тогда, если мент его догонит, шансов оправдаться никаких. Убегаешь - значит, виноват.

- Эй, парень, подожди!

Похоже, мужчина издали уловил настороженность и неуверенность Ивана - вот и позвал. В голосе угрозы не было, скорее заинтересованность и доброжелательность, даже какая-то мягкость.

- Чего?

- Дело есть.

- Какое?

- Работа нужна?

Иван насторожился. Тема известная: предложит огород вскопать или, допустим, забор покрасить, а потом по голове... Или усыпит и на органы продаст... Глупо взрослому парню в такие ужасы верить? Может быть, и глупо, только у кого еще органы донорские брать, как не у здоровых парней? Спрос на полноценные почки, как говорят, немаленький...

Но, скорее всего, мужик - самый настоящий бандит. Сейчас предложит постоять на стрёме, пока будет грабить магазин. А если что, сдаст ментам. Или воткнет перо в бок, чтобы не делиться и не оставлять свидетеля.

Иван сам удивился, сколько разных страшилок промелькнуло перед глазами за доли секунды. Одно ясно - ждать добра от незнакомца, встреченного на заднем дворе детского сада ночью, не стоит.

- Что за работа? - словно нехотя протянул Иван. Голос предательски дрогнул.

- Хорошая. Точнее, не то чтобы очень хорошая, но высокооплачиваемая. Не работа - просто сказка.

- Ага. Ясно. А желающих нет?

- Есть желающие. Но ты, Иван, нам подходишь.

Шпион, что ли? Откуда он знает имя? Иван вздрогнул и судорожно попытался припомнить известные ему военные секреты. По всему выходило, что разведкам вражеских государств он полезным быть не может. Но этот тип специально его искал, точно!

- Чем же я вам подхожу?

- У тебя есть необходимый уровень знаний. И обязательность.

- А вы откуда знаете?

- Наводил справки.

- Ясно.

На самом деле, ясно ничего не было. В добрых волшебников Иван уже не верил. А такой вот дядя, который посреди улицы предлагает работу, выглядел очень подозрительно. Но верить всегда хочется...

- Да что мы на улице важные дела обсуждаем? Давай в кафе зайдем, - предложил мужчина.

- Может, лучше здесь?

- Знаешь, холодно. Да и в нашей компании есть правило вести переговоры в помещении.

- Ну, если в правилах... Только у меня денег нет.

- Не беспокойся.

- Ладно. А как вас зовут?

- Павел Алексеевич.

- И какую фирму вы представляете?

- Все расскажу за кофейком. Пойдем, в ногах правды нет - так ведь говорят?

Иван двинулся за Павлом Алексеевичем, давая себе зарок не пить спиртного и внимательно следить за руками потенциального работодателя - чтобы не подсыпал чего-нибудь в кофе. Только зачем ему такие кружные пути? Мог бы и здесь бутылку пива со снотворным предложить. Подальше от посторонних глаз. Неужели и правда серьезный человек?

Кафе сияло загадочными зелеными огнями. Друзья говорили, что тут все дорого, а внутрь Иван никогда и не заходил.

Павел Алексеевич по-хозяйски оглядел полупустой зал, прошел к столику у окна, сел. Иван робко устроился напротив, еще раз взглянул на лицо нового знакомого. На бандита совсем не похож. Шрамов нет, нос не сломан, выбрит гладко. И загорелый. Это в конце ноября... Наверное, был где-то за границей, на юге. Или в солярий ходит...

Неслышно подошел официант, положил перед посетителями большие кожаные папки с меню.

- Хочешь чего-нибудь? - спросил Павел Алексеевич, когда официант отошел и не мог их услышать.

- Нет, спасибо, - гордо ответил Иван, хотя в животе бурчало. Пачка семечек да бутылка пива - не слишком богатый ужин, особенно когда обед тоже был условным. Но одно дело - кофе, а другое - наесться за чужой счет.

- Отлично-отлично, - непонятно пробормотал мужчина, вновь подзывая официанта. - Два кофе, два апельсиновых сока и пирожных.

- Каких?

- Да разных, на ваш выбор, десяток.

У Ивана округлились глаза. Десяток? Зачем же столько? Цены на пирожные он краем глаза заметил, когда проходил мимо стеклянной

витрины. Каждое пирожное стоило как три бутылки приличного пива. Пирожных по такой цене Иван еще не пробовал.

Сок официант принес практически сразу. Спустя минуту - блюдо с пирожными. Было их не десять, а двенадцать, но Павла Алексеевича это ничуть не смутило, он одобрительно улыбнулся официанту и попросил:

- Еще два бутерброда с ветчиной. Горячих.

- Через пять минут будут готовы. Пить что закажете?

- А вот пить мы не станем, - спокойно и веско заявил Павел Алексеевич. - У нас деловая встреча.

После этого Иван и правда как-то поверил, что его новый знакомый - человек серьезный. Хотел бы он обмануть, непременно предложил бы водки или для начала по пятьдесят граммов коньяку.

- Я представляю рекрутинговую компанию, или, говоря по-русски, агентство по найму, - заявил Павел Алексеевич, пододвигая Ивану стакан сока и пригубив свой. - Старший вербовщик, уполномочен вести переговоры непосредственно от лица заказчика. Критерии отбора у нас очень жесткие, работа - простая и в чем-то даже примитивная. Но она дает массу преимуществ. Трудиться придется далеко от дома, в отпуск домой уехать не удастся. Зато заработаешь весьма приличную сумму, которую можно забрать из банка по возвращении. Никаких вещей, которые ты получишь на месте работы, тебе привезти сюда не разрешат.

- Работа с заразными больными? - спросил Иван. - Или там, где высокая радиация?

- Нет... а почему ты так решил?

- Ну, если все вещи придется оставить...

- Никаких личных вещей - это одно из условий контракта. Ты будешь пользоваться служебной униформой, служебной техникой, служебной посудой. И недостатка ни в чем не будет, гарантирую.

- Все казенное? Как в армии?

- Лучше. Я еще не перечислил основных преимуществ контракта. Попробуй бутерброд. Выглядит аппетитно, не правда ли?

Иван вгрызся в горячий бутерброд. Ничего вкуснее он, наверное, в жизни не ел. И хлеб, и ветчина просто таяли во рту.

- А вы что же? - спросил Иван, расправившись с угощением.

- Я вегетарианец, ветчину не ем. Бутерброды для тебя. А вот слойку с джемом непременно попробую. Кстати, и кофе принесли.

Кофе пах чрезвычайно аппетитно. Обстановка вокруг казалась Ивану все более притягательной, и даже посетители выглядели не зажавшимися буржуа, а вполне приличными людьми. Может быть, художниками или поэтами, а может, популярными музыкантами. Тихая музыка завораживала.

- Так что мне придется делать? - спросил Иван.

- Убирать мусор, - ответил Павел Алексеевич. - Выполнять несложные ремонтно-строительные работы. Если у тебя обнаружатся способности, могут доверить ухаживать за садом или даже работать на рыбоводческом комплексе - там зарплата выше. Но этого я не обещаю - пока что мы предлагаем тебе должность рабочего по благоустройству территории. Работы много, трудиться придется по десять часов в день шесть дней в неделю. График выходных - скользящий.

- Ясно. А платят сколько?

- Десять тысяч в месяц, - объявил Павел Алексеевич.

- Рублей?

- Не долларов же...

- Ну да. Тогда я не понимаю, в чем соль. Дворником в жилищное управление на шесть тысяч я и сейчас устроиться могу.

- И почему не идешь?

- Да там только таджики работают. Не престижно совсем. И платят мало. Зато работа с восьми до пяти, и два дня выходных. Тот же мусор за те же деньги, не уезжая из дома.

- Вот именно! - почему-то обрадовался вербовщик. - Не уезжая! А разве тебе не хочется посмотреть мир?

- А вы меня в Америку приглашаете? - спросил Иван. - Так загранпаспорта нет, и английского языка я не знаю.

- Проблема с языком решаема, распоряжения начальства ты без труда поймешь даже с базовым уровнем подготовки. Что касается документов - это наша проблема. Доставка - тоже наша проблема, за билеты платить не придется. Ну, и аванс. Все абсолютно законно. Не переживай, в рабство тебя не заберут. Все честно.

- Так что, правда - Америка? - У Ивана перехватило дух.

- Бразилия или Аргентина. Может быть, Австралия.

- Ничего себе...

- Ты самого главного не слышал. Питание оплачивается работодателем. Шведский стол в любом кафе, имеющем договор с нашей организацией, а таких кафе едва ли не половина в мире. По вечерам разрешен алкоголь по специальным талонам, в субботу вечером - неограниченно. А пиво там гораздо вкуснее, чем здесь. И совершенно бесплатно.

- Ну, если с питанием, то можно согласиться и на десять тысяч, - кивнул Иван, прикидывая, сколько он заработает чистыми за год. Получалось не меньше ста тысяч, даже если какие-то деньги тратить. А на сто тысяч можно машину купить, пусть и старенькую. А если поработать два года, можно взять тачку получше, почти новую.

- Каждый год положены премиальные в размере двух окладов, - продолжал обольщать Павел Алексеевич. - Если должностные обязанности выполняются безукоризненно, премия может быть удвоена.

- Хорошо.

- За прогулы, ненадлежащее выполнение обязанностей - немедленный расчет и внесение в «черный список» нашего агентства.

- Ясно.

- Ты ешь пирожные, не стесняйся.

Иван попробовал какую-то причудливую корзиночку: крем был великолепным, а засахаренные фрукты настоящими, очень вкусными.

- Место в общежитии дадут? - жуя, спросил парень.

- Тебе будет бесплатно предоставлена отдельная комната с удобствами в жилом комплексе, расположенном не далее километра от океана. Если повезет, даже с видом на океан. А если не повезет, тебя могут перевести в лучшее помещение за успехи или когда ты наработаешь какой-то стаж и зарекомендуешь себя.

- Вот буржуи дают, - хмыкнул Иван. - Отдельная комната! С видом на море! Да это же просто сказка!

- Именно. Мы делаем очень хорошее предложение. Отличное питание и жилье - это еще не все льготы. Каждый контрактник получает в пользование полный комплект бытовой техники: телевизор во всю стену со стереозвуком, двести спутниковых каналов, в том числе и на русском языке; компьютер, подключенный к Сети, безлимитный трафик; мобильный телефон; единый проездной билет - по нему можно путешествовать в дни выходных на расстояние до тысячи километров. Вещи можно стирать в общей прачечной по бесплатным талонам.

Иван взял еще одно пирожное - эклер, понял, что наелся, но все равно надкусил угощение и заявил:

- Все это слишком хорошо. Похоже, вы меня кидаете. И, если я соглашусь, мне придется бесплатно собирать чай или пасти овец где-то в высокогорье, а жить в земляной яме, питаясь сухарями. И все это будет даром, без обратного билета.

Павел Алексеевич допил кофе, отставил чашечку в сторону и подозвал официанта, показав жестом, что собирается расплатиться.

- Ты ошибаешься, - заявил он. - Если хочешь, можешь навести справки о нашем агентстве. Оно зарегистрировано. Мы работаем уже десять лет в постоянном контакте с милицией. Не было ни одного случая, чтобы наши клиенты не возвращались домой или не получили обещанную сумму. А аванс, как я уже обещал, выплатят сразу, за три месяца. Можешь отдать его родителям или истратить по своему усмотрению. И еще учти: по прибытии на место или спустя некоторое время тебе положен бесплатный звонок домой. После этого ты сможешь звонить только за наличные, но это дорогое удовольствие. Я предупреждаю сразу, чтобы ты не подумал потом, будто тебя обманули. У нас все чисто.

- А зачем простому рабочему телевизор во всю стену и безлимитный Интернет?

- Мы предлагаем больше, чем ты привык получать, именно для того, чтобы ты добросовестно выполнял нужную работу. Таковы законы нашего бизнеса, которые нас еще никогда не подводили. Итак, ты согласен?

- Мне надо подумать, - тихо сказал Иван.

- И навести справки, - кивнул Павел Алексеевич. - Вот моя визитка, в ней - название и адрес вербовочной конторы. Если есть желание, проверь все, спроси о нас в милиции, в налоговой инспекции, расскажи родителям - и приходи послезавтра. Сразу получишь аванс за три месяца. Отправка в тот же день в полночь.

Иван взял черный пластиковый прямоугольник. На нем красовалась радужная голографическая эмблема - молот и наковальня, и крупными буквами было написано: «Работа». Ниже мелкими буквами шел адрес, номер телефона, имя и отчество вербовщика - без фамилии.

- Почему надо выезжать так поздно? Чтобы никто не видел?

- Да перестань ты дергаться! Мы каждую неделю десяток человек отправляем - и хоть бы один недовольный. Так дешевле. Билет ведь оплачивает фирма.

- Понятно.

- Вот и отлично, - вербовщик расплатился с официантом, поднялся из-за стола. Вскочил и Иван. - Да ты посиди, погрейся, - предложил Павел Алексеевич. - У меня еще два рандеву сегодня. А ты отдыхай. И пирожные непременно с собой заberi. За них заплачено, зачем добру пропадать?

Через пять минут после того, как Павел Алексеевич исчез за зеркальной дверью, Иван подозвал официанта и, краснея, попросил его завернуть пирожные. Ему было стыдно, хотя он где-то и слышал, что так даже в Европе делают. Мама очень любит сладкое... Жаль, нет девушки, которую можно было бы угостить.

* * *

Сизая пыль клубилась в воздухе, съедая даже те лучики света, что пробивались в каменоломню сверху, через вентиляционные окошки. Марк ударил киркой по огромному валуну, который никак не мог расколоть, и выронил ее, закашлялся. Вздрогнул, ожидая удара кнутом, напрягся - но боль не пришла. Сзади послышались тихие шаги - надсмотрщик топал совсем по-другому. Станный безбородый мужчина с неестественно гладкой кожей, едва присыпанной здешней пылью, подошел и внимательно оглядел каменотеса.

- Есть дело, Марк.

- А ты кто?

- Друг, - широко улыбаясь, ответил мужчина.

- Если ты друг - как можешь радоваться, наблюдая меня в столь плачевном положении? - спросил Марк.

- Я пришел предложить тебе помощь, - объявил безбородый. - Кстати, меня зовут Павел.

- Вряд ли кто-то сможет мне помочь, Павел. Я болен и скоро умру в этой проклятой пыли, среди холодного камня.

- Именно для того, чтобы этого не случилось, я здесь. Предлагаю тебе вырваться отсюда.

- Сбежать? - глаза Марка загорелись надеждой.

- Нет. Сбежать из каменоломен нельзя, и ты это хорошо знаешь. Но я договорился с хозяином о твоём выкупе.

- Выкупе?

- Мне нужны работники. Точнее, моему хозяину.

- Вряд ли какая-то работа может быть хуже, чем здесь, - заметил Марк. - Только разве раба спрашивают, когда продают?

- Насчет работы и уровня жизни я бы на твоём месте не был так уверен... - с легкой усмешкой ответил Павел. - А спросить человека всегда имеет смысл: чтобы он работал сам и его не нужно было подгонять кнутом.

- Может быть, - вздохнул Марк. Заживающие рубцы на спине чесались, а свежие саднили.

Павел присел на камень, извлек откуда-то из-за спины маленький мех, протянул его Марку.

- Пей.

В мехе оказалось вино - сладкое и освежающее. Правда, оно почему-то совсем не пьянило.

Между тем Павел извлек из сумы чистую тряпицу, расстелил на плоском камне и выложил на нее какие-то странные лепешки, свежие фрукты и несколько ломтей белого сыра.

- Угощайся.

Уговаривать Марка не пришлось. Кормили на рудниках сносно: пресная лепешка утром, пресная лепешка вечером да горячая похлебка с бобами в обед. Но каменотесам в холодных расщелинах этого, конечно, не хватало.

- Я - посланец богов, - внезапно заявил Павел. Марк едва не подавился сыром. - Мы заметили тебя. Ты был пиратом, но, несмотря на свое ремесло, всегда снисходительно относился к людям. Не обижал слабых, жалел детей и женщин. Так?

- Так, - смущенно ответил Марк. - Наверное, поэтому меня и не распяли, а продали сюда.

- Вообще говоря, всю вашу команду продали на рудники, - заявил Павел. - Нехватка рабочей силы... Но речь не о том. Ты нам подойдешь. Мы можем вытащить тебя из каменоломен и приставить к другой работе, полегче - если ты поклянешься тем, во что веришь,

работать на совесть и исполнять все требования людей, которым мы тебя отдадим. Они будут добры к тебе.

- Хуже не будет, - вздохнул Марк. - Надеюсь.

- Тебя ждет своя хижина и очаг в ней, - пообещал Павел. - И лес рядом, где можно набрать хвороста. Ты будешь без устали пахать землю и мостить камнем дороги - но все это под открытым небом, а не в сырости и пыли. И вволю чистой воды, а также то, что вырастишь на огороде. Репа, огурцы, капуста. И даже такие дивные овощи, которых ты никогда прежде не видел. Спать будешь не на голых холодных полах, а на теплом хворосте. И можно заработать на овечью шкуру, чтобы укрываться. А порка - только за большие провинности. Надеюсь, до этого не дойдет. К тому же время от времени выпадают праздники, и никто не работает.

- Я согласен, - еще раз подтвердил Марк. - Глупо отказываться от подарков судьбы!

- В случае неповиновения, серьезного проступка или преступления тебя низвергнут в такие мрачные края, по сравнению с которыми каменоломни покажутся тебе раем.

- Я буду верен и предан, - пообещал Марк.

- Смотри же, старайся.

Тьма окутала Марка, а когда он очнулся, то увидел чудесную деревушку у склонов гор с подступающим с одной стороны лесом. Хватало вокруг деревни и расчищенных полей.

На пахоте копошились смуглые люди, в основном - женщины. Пейзаж так понравился Марку, что он заплакал.

- Языка этих людей ты не знаешь, но, думаю, вы сможете объясниться. Я подскажу им, что с тобой делать, - раздался из-за плеча голос Павла. Но, когда Марк обернулся, за спиной у него никого не оказалось.

- Я буду работать! - вскричал Марк. - Только позвольте!

* * *

От болота поднимались гнилостные, мерзко пахнущие испарения. Широкий нос Мала задрожал, он чихнул и очнулся. Вывихнутая нога распухла и нестерпимо болела, живот сводило от голода. Черви и пиявки расползлись - перекусить нечем. Да и болотные гадюки обтекали Мала стороной. А гоняться за ними он не мог: при каждом движении ногу пронзала острая боль. И сюда он еле дополз...

Похоже, зря. В тумане появился чей-то силуэт. Если это брат - конец. Добьет или утопит в болоте. Если кто-то из племени, то все равно скажет брату, и брат придет и убьет или утопит в болоте. А может, так и лучше? Все быстрее, чем подыхать от голода.

Однако оказалось хуже. Из тумана возник странный, тощий и бледный, безбородый, безволосый, в диковинных шкурах дух. Мал хотел закричать, прогнать наваждение ночи, но голос охрип, и крик получился сдавленным, еле слышным. Тогда Мал заскулил и попытался уползти.

- Спокойно. Я друг, - монотонным замогильным голосом сказал дух.

Мал, конечно, слышал истории о добрых духах. Только вряд ли их место на гнилых болотах. Добрые духи встречаются в редколесье или у водопада, может быть, в поле или на реке. Но не в болотах и не в горах, не в чащобе и не в овраге.

- Я вылечу тебя и накормлю, - пообещал дух.

Звучало заманчиво, но Мал не слишком верил в такие подарки. Вылечит, накормит, а потом выпьет всю кровь, заставит трястись в лихорадке... Хотя что терять? Он все равно скоро умрет. Если не сам, так соплеменники помогут. Не нужно было оспаривать власть брата, да еще и приударять за его младшей женой, темноглазой Лианой.

- Ты мне веришь?

- Нет, - коротко бросил Мал.

- Возьми, - дух протянул Малу лепешку, похожую на сухие испражнения больного животного.

- Зачем?

- Съешь. Еда восстановит твои силы.

Малу приходилось пробовать горькие снадобья, которые давал шаман. Иногда они помогали. Лепешка выглядела мерзко, но, может быть, она и правда способна унять боль в ноге?

Взяв странное угощение на зуб, Мал не заметил, как проглотил целиком. На вкус лепешка оказалась куда лучше, чем на вид. Она напоминала сытные желтые зерна, только была куда мягче и вкуснее.

- Понравилось?

- Да, - признался Мал.

- Хочешь уйти со мной в места, где такие лепешки будут давать тебе дважды в день? А еще ты получишь отличную похлебку. Она гораздо вкуснее лепешки. Почти как горячая кровь.

- Я хочу в такое место, - заявил Мал.

- Но ты попадешь туда не просто так. Тебе придется ломать камни и таскать их, чтобы другие люди строили из камней дома.

- Я перетаскаю столько камней, сколько надо. Когда у меня заживет нога.

- Ногу я вылечу. Но прежде ты должен пообещать, что тебе понравится колоть и таскать камни.

- Таскать камни лучше, чем сдохнуть на болоте, - философски заметил Мал.

- Если ты будешь работать медленно, тебя станут бить кнутом. Палкой с кожей на конце, - объяснил дух.

Мал вспомнил зуботычины брата и захохотал.

- Камнями бить не будут?

- Маловероятно, - пробулькал дух.

- Что?

- Если будешь слушаться - нет.

- А хищных зверей там много? - спросил Мал.

- Их там совсем нет. Зато есть крысы, которых легко ловить и есть. Крыс много. И всякие жуки попадаются. Мокрицы.

- Мокрицы невкусные. Крысы лучше, - облизнулся Мал. - Я готов уйти с тобой.

- Ты будешь жить, пока будешь колоть и таскать камни, - предупредил дух. - И тебя никто не посмеет убить, если ты станешь хорошо работать.

- Тогда я буду жить долго, - заметил Мал.

- Но из пещеры, где колют камни, выходить в лес нельзя.

Мал вздохнул, но выбирать, похоже, не приходилось.

Дух достал из складок своих шкур какую-то диковинную иглу и вонзил ее в ногу Мала. Спустя пять минут дернул за ногу, но Мал ничего не почувствовал. Боль в ноге вообще пропала! И опухоль спадала на глазах.

- Ты могуч, дух! - констатировал Мал.

- То ли еще будет, - усмехнулся дух. - Смотри, ворочай камни на славу. А отзываться будешь на имя Марк, а не Мал.

- Марк? - пожевал на языке новое слово Мал.

Новое имя ему понравилось даже больше прежнего. Оно было сильнее. Гораздо сильнее. С таким именем можно стать настоящим хозяином большой каменной пещеры.

* * *

Весна - время голодное. Григор, Вэли и Овидиу бродили по лесу и собирали хворост. Хоть положить в котел почти нечего, очаг топить нужно. Да и в лесу куда вольготнее, чем в тесном домишке, где капризничают голодные дети и ворчит недовольная жена. Кроме хвороста, в лесу было нечем поживиться - ни грибов, ни ягод, ни зелени. Трещат на деревьях сороки, шуршит под ногами прошлогодняя весна да журчат сбегаящие с гор ручейки. Тепло, да несытно.

Незнакомый человек вышел из-за толстого ствола бука неожиданно - словно прятался. Может, у барина появился новый лесничий? Хотя на лесничего человек похож не был. Одежда уж больно диковинная, сразу видно, из дальних краев.

- Здорово, мужички, - нараспев протянул человек. - Как поживаете?

- Живем помаленьку, - нехотя отозвался Вэли, пряча топор за спину.

Деревья они не рубили, но разгуливать по барскому лесу с топором все же не стоит.

- Ничего плохого не делаем, деревья не валим, зверя не бьем, - решил на всякий случай оправдаться Овидиу.

- Да уж вижу, - солидно кивнул человек. - Работающие мужики, только работы нет, верно?

- Весна, - коротко ответил Григор. - А ты кто такой будешь, не прогневайся?

- Павел, - представился человек.

- С Украины? - уточнил Овидиу, который в деревне слыл грамотеем.

- Нет, из Америки. Слыхали про Америку?

Мужики солидно кивнули. Слыхали, отчего ж не слышать? Далековато, правда.

- Работников ищут. Понимающих, - заявил Павел. - Которые на все руки мастера, трудом своим семьи накормят и сами тосковать не станут. А?

- Что «а»? - уточнил недоверчивый Вэли.

- Хотите жить сытно и чтобы семьи не голодали?

- Кто ж не хочет, - хмыкнул Григор.

- Так поступайте ко мне на работу. На три года вас в Америку увезу... А еще лучше - в Москву. Москва поближе будет, и работа спокойнее, а народ - отзывчивее и веселее. Каждый день лапшу куриную есть станете да сало. Ну и деткам зерна подкину, по мешку в месяц на семью.

- По мешку зерна? - заинтересовался Овидиу. - Не так плохо, а? А мешки какие - четырехпудовые?

- Почему четырех? Три с половиной пуда. Обычные мешки, - ответил Павел. - И жить будете в тепле. Хоть и в тесноте, а не в обиде. Музыка сможете каждый день слушать... Знаете про радио?

- Нет, - ответил Григор.

- Ну, неважно. Скучать не придется.

- Значит, в городе работать нужно? - спросил Вэли.

- Конечно. Подметать, мусор собирать, белить, красить...

- Женская работа, - заметил Овидиу.

- А вам бы пахать хотелось? Или камни тесать?

- Почему камни? Овец пасти - мужская работа. Зверя бить. Или хворост собирать.

- Хворост собирать тоже будете. В парках да между домов. На самодвижущихся повозках ездить. Одежда будет теплой, красивой - вы такой и не видали никогда.

- А семьи как без нас? Кто поля вспашет, пшеницу посеет?

- Поля ваши вспахать я человека найду. А зерно посеют женщины. И сожнут тоже. Справятся ведь?

- Справятся, - солидно кивнул Григор. - Им не привыкать.

- Самое главное - работать хорошо, - строго заявил Павел. - Если что

не так - домой без оплаты, а то и живы не будете. Поняли?

Овидиу тоскливо поглядел на американца, вспомнил барина и его холопов, которые не раз устраивали ему порку из-за потерянных овец, и решил, что американец все-таки симпатичнее. Он не только грозил, но и обещал. Куриная лапша каждый день! Виданное ли дело?

- Еще бы таджикский язык вам выучить, - раздумчиво протянул Павел.

- От таджиков прибыль выше, и работа у них не такая квалифицированная... Но, с другой стороны, сойдете за молдаван. Собственно, вы почти молдаване.

- Какие еще молдаване?

- Неважно. Главное, если будут спрашивать - откуда, говорите, что из Молдавии. А план по таджикам я закрою кем-нибудь из Персии.

Григор, Вэли и Овидиу не совсем поняли, что бормочет американец, но переспрашивать не стали. Главное, чтобы выдал аванс.

* * *

Иван явился на сборный пункт рекрутского агентства вовремя, в половину двенадцатого ночи. Деньги все отдал матери: Павел Алексеевич заверил его, что в ближайшие три года они ему не понадобятся, так зачем беречь? Пусть родители купят что-нибудь нужное. Стиральную машину, например. Полезная вещь. Мать хоть немного отдохнет.

На сборном пункте ожидали отправки еще два парня и девушка. Позже подошла еще одна. Парни были нормальные - не наглые, молчаливые. Одеты не очень хорошо. Девчонки тоже самые обыкновенные - не красавицы, но и не страшные. Та, что опоздала, рыженькая, Ивану даже понравилась. Интересно, может, работать где-нибудь рядом будут? Познакомятся... Но пока все сидели, помалкивали, ждали.

Павел Алексеевич вышел к ним из своего кабинета без пятнадцати двенадцать. Посмотрел рассеянно, вздохнул. Одет он был не в солидную кожаную куртку, как два дня назад, а в льняной костюм не по сезону, к тому же присыпанный пылью. Да и на лице у вербовщика были какие-то грязные разводы.

- Все в сборе? - спросил он.

Рекруты промолчали. Им-то откуда знать? Друг с другом их не знакомили.

Павел Алексеевич достал из кармана тонкий пластмассовый коммуникатор и, поглядев на экран, кивнул.

- Слушайте меня внимательно. Еще раз предупреждаю: только работа на совесть позволит вам удержаться в проекте. Никаких эксцессов быть не должно. Общение с местным населением - по минимуму.

Форменную одежду не снимать. Ваш цвет - оранжевый, вы должны об этом помнить. Кстати, наденьте вот это, - Павел Алексеевич раздал им оранжевые карточки на шнурках с именами и штрих-кодами. - Можете общаться между собой, ходить друг к другу в гости, но общение должно быть ограничено вашими товарищами по работе. Ясно?

Ивану мысль насчет того, чтобы ходить друг к другу в гости, понравилась. Он осмелился поднять глаза на рыженькую девушку. Та уже смотрела на него и, встретив взгляд, усмехнулась, а потом вздернула носик. Иван покраснел.

- Идем, - предложил Павел Алексеевич, указывая рукой на дверь своего кабинета.

В кабинете не задержались. Прошли в маленькую комнатку, где все едва поместились, а потом Павел Алексеевич открыл дверь с другой стороны - и рекруты разинули от изумления рты. Они оказались на берегу океана, из которого поднималось багровое солнце. Береговая линия была застроена огромными небоскребами. Были среди них уступчатые, были иглы, пронзающие небо, а самое большое здание в виде огромной пирамиды возвышалось в океане. Стеклянные стены небоскребов играли багрянцем.

- Вы попали в две тысячи сто тридцать второй год, - буднично проинформировал рекрутов Павел Алексеевич. - Здесь и будете работать.

- То есть обратно мы не вернемся? - испуганно спросил зеленоглазый блондин в джинсовой куртке, который на сборном пункте сидел напротив Ивана.

- Вернетесь. Почему нет?

- А как же всякие временные парадоксы? Мы же можем узнать технологии будущего и внедрить их в прошлом!

- Ничего вы не можете, - устало ответил Павел Алексеевич. - Вас и выбирали потому, что учиться вы не собираетесь, а работать согласны. Так что насчет технологий мы можем быть спокойны. Ну а рассказывать о жизни в будущем и о своей работе вы сможете сколько угодно. Хотя вряд ли это разумно...

- Почему? - спросила рыженькая.

- Никто не поверит. К тому же по опыту знаю: вам здесь понравится, вы постараетесь продлить контракт на максимальный срок. Домой будете ездить только для того, чтобы повидаться с родными. И я вас прекрасно понимаю: когда приходится работать в вашем времени, просто дрожь берет. Но бывало, бывало в истории куда хуже... Кстати, не беспокойтесь: ваше общество не станет беднее, оттого что вы работаете на нас. Действуют стандартные процедуры замещения - для работы в вашем мире завербованы менее квалифицированные специалисты, а на их место пришли еще менее квалифицированные. Так что равновесие соблюдается.

- Да мы сильно и не переживали по этому поводу, - заметил блондин.
- Напрасно. Равновесие очень важно... Впрочем, вы отчасти правы. Планировать - не ваша работа. И даже не моя. Я, как и вы, выполняю технические функции. Произвожу отбор и вербую работников.

Девушка с платиновыми волосами в ярко-зеленом платье с оранжевым бейджем на груди спланировала к группе рекрутов откуда-то с высоты на серебристой доске наподобие скейтборда.

- Рада видеть вас! - широко улыбнулась она. Зубы девушки блестели, кожа словно светилась. Да и приталенное платье выглядело потрясающе.

Павел Алексеевич радости девушки не разделил, а хмуро бросил:

- Ты опоздала.

- Это вы прибыли рано.

- Мы не можем прибыть рано, Алиса. Механизм перемещения рассчитан на прибытие в определенную точку, так что мы не появляемся до точно назначенного срока или после. И я очень устал. Поэтому бери этих ребят и определяй их в общежитие.

- Общежитие? - расстроено протянул Иван.

- Общежитие, - кивнул Павел Алексеевич. - Но такое, о каком я рассказывал: с отдельными комнатами, огромными телевизорами, видом на море и хорошей столовой самообслуживания. Вон оно, кстати, в той башне, - вербовщик показал на круглый небоскреб с матовыми окнами метрах в пятистах от моря. - Наверху, на крыше, замечательные солярий и бассейн.

Блондинка вновь широко улыбнулась рекрутам (правда, улыбка оказалась слишком радушной для того, чтобы не быть дежурной) и провозгласила:

- Добро пожаловать в новую, чудесную жизнь! Сегодня вы устраиваетесь в своем жилище, знакомитесь с коллегами. Завтра мы идем с вами по магазинам - покупаем необходимые вам вещи за счет компании. Послезавтра - работа. А через неделю, в ваш первый выходной, предлагаю посетить мои уроки серфинга!

- Мы и серфингом будем заниматься? - изумился русоволосый парень, который до этого молчал.

- Если возникнет желание, в свои выходные вы можете делать все, что угодно. Кататься на лыжах, заниматься дайвингом, летать на дельтаплане.

По дороге в общежитие рекруты встретили несколько групп сосредоточенных людей в оранжевых комбинезонах. Одни чистили пляж устройствами, напоминающими пылесосы, другие возились с каким-то оборудованием около небоскреба, третьи шли вдоль берега, весело переговариваясь. Заметив вновь прибывших, девушка из последней группы приветливо помахала им рукой. Рекруты робко улыбнулись ей в ответ.

- А девчонок много. Красивые, - тихо сказал Иван русоволосому парню.

- Угу, - ответил тот.

* * *

Большой холодный город пугал шумом и огнями. Деревца здесь росли какие-то чахлые, а улицы были широкие, страшные. Вэли и Григор испуганно жались к стене дома, и только Овидиу решился подойти к железному столбу, потрогать его. Рядом со столбом стояло замечательное железное ведро, даже не ведро - а фигурная железная ваза. В нее кто-то положил яркие бумаги и абсолютно целую прозрачную бутылку.

Овидиу запустил в ведро руку, выудил бутылку, показал товарищам.

- Страна богачей! - почтительно прошептал он. - Это ничье? - обратился он уже к Павлу.

- Стой! Не лезь в урну! - возмутился тот. - Скоро у вас этих бутылок будет - хоть всю квартиру заставите.

- О, - вздохнули Вэли и Григор.

- Ну-ка, шагом марш! Мне вас еще на квартиру устроить надо.

Шагать по улице оказалось не очень страшно. Хорошо, не поехали на одной из самодвижущихся повозок, о которых рассказывал Павел. Повозки ворчали и проносились мимо так быстро, что непонятно было, как у седоков не кружится голова. С лошадью на такой скорости не справиться. А их проводник Павел не обращал на повозки никакого внимания.

На минуту он остановился у яркой палатки, полной диковинных овощей и фруктов.

- Что вам купить? - обернулся он к румынам. - Яблок, груш? Или бананов попробуете?

- Нам бы чеснока, - ответил за всех Григор. - И ты обещал лапшу.

- А, да, надо взять лапши. И сала, - кивнул Павел.

Павел купил чеснока, лука, потом зашел в какой-то богатый барский дом и вышел оттуда с ярко-желтым мешком на ручке. Заглянуть в мешок никто из мужиков не осмелился, хотя очень хотелось.

Во дворе еще одного огромного дома подметал каменную мостовую бородатый пожилой мужчина в шубе из меха неведомого зверя.

- Джорджи! - позвал мужчину Павел.

- Джорджи! - воскликнул Овидиу. - Да ведь это Джорджи из Рэду!

- Ну да, он откуда-то из ваших краев, - не стал спорить Павел. - Джорджи, принимай новых работников!

- Овидиу, Григор, - констатировал Джорджи. - А тебя, парень, я не знаю.

- Я Вэли.

- Ладно, Вэли, будем знакомы. Пойдемте, я покажу вам жилье.

И Джорджи нагло направился в господский дом, прямо в центральный подъезд. Правда, внутри дом оказался не таким богатым, как снаружи, но здесь было тепло и сытно пахло.

За миской чудесной лапши, которую приготовили за каких-то пять минут, Джорджи рассказал о том, что потребуется от новых работников. Павел слушал и кивал.

- Смотри, не обижай их, Джорджи, - строго предупредил он бригадира.

- Нет, Павел, это же земляки, - заталкивая в рот зубок чеснока, заявил пожилой румын. - То ли дело - таджики. Их я не люблю.

- Чтобы я такого больше не слышал! Они тоже работают на корпорацию! - возмутился Павел. - И ничем не хуже тебя.

- Они не хуже, - не стал спорить Джорджи. - Но они мне не земляки, а на огненной потехе в прошлом году пытались меня избить и порвали новую нейлоновую куртку. Не за что мне их любить.

Павел только хмыкнул, потом полез в большой деревянный шкаф, достал оттуда три хороших тюфяка.

- Матрасы еще не продал? - спросил он у Джорджи. - Смотри, если проверяющие чего не досчитаются - будешь год бесплатно работать! Одеяла где?

- Есть одеяла, - мрачно ответил Джорджи.

Он встал из-за стола и извлек из-под кровати три отличных шерстяных одеяла.

- Не беспокойся, начальник. Хотя рано им это выдавать! Пусть заработают.

- Заработают.

- Да-да, - дружно закивали мужики.

- Ладно, тогда я вас покидаю, - объявил Павел. - Завтра зарегистрируешь всех троих, Джорджи. Держи паспорта.

- Все сделаю.

- Сразу их не нагружай, пусть осмотрятся.

- Ладно. Мы с ними на Арбат вечером пойдем, - пообещал Джорджи. - Я их беляшами угощу, пива куплю. Не бойся, Павел, дело свое знаю. А это ж земляки мои, не какие-нибудь таджики.

* * *

Волны мягко терлись о бок жилой платформы. Наступал вечер - хороший вечер удачно проведенного дня. Вести переговоры с древними людьми не сахар, зато процесс творческий - не камни тесать и не мусор таскать. Сам Павел, если бы пришлось выбирать, предпочел бы раскалывать камни, а не возиться с мусором. Только не

больше шести часов в день и с двумя выходными в неделю. Увы, такого рабочего графика в Древнем Риме не было, да и платили немного. Но если выгодно вложить деньги, даже медяки через три тысячи лет могут превратиться в миллионы.

Павел скинул походные кроссовки, окунул ноги в воду. Как хорошо отдыхать на своей собственной платформе, когда вокруг ни души, солнце садится в океан, пахнет свежестью и только немного нагретым за день металлом и коллоидной пленкой проработавших весь день солнечных батарей. Что и говорить, жить стало лучше, жить стало веселее. Антигравитационная платформа - далеко не румынская хижина и даже не двухкомнатная квартира в загазованном, тесном и холодном городе.

Мысленной командой Павел активировал прямо над водой универсальный голографический экран, просмотрел список несостоявшихся контактов, баланс сделок. Дела шли неплохо.

Пять секунд ожидания вызова - и над океаном появилось хорошенькое личико Ирочки, штурмана и целеуказателя Павла.

- Ты была сегодня очень точна, милая. Отличная работа. Спасибо.

- Ты тоже оказался на высоте, - не осталась в долгу девушка. - Обработал всех просто отлично. Только у румынов прокололся, с радио, но вряд ли они обратили внимание.

- Ну, я думал, радио уже изобрели. Мне показалось, что музыка их соблазнит.

- Да, они и по лесу шли - напевали. Еще до того как тебя встретили.

Ирочка широко улыбнулась, поправила прическу, сдвинулась немного влево. Теперь за ней можно было увидеть небольшой кусочек панорамы вечерней Москвы - инверсионно-паровые, радужные следы воздушных катеров и скутеров, паруса солнечных батарей с отблесками орбитальных зеркал на отражателях.

- Если удастся выдержать темп, мы получим неплохую квартальную премию, - заметил Павел. - Приличные деньги.

- Как будешь тратить?

- Хочу пригласить тебя на Ганимед. Там открылся какой-то новый, совершенно роскошный отель. Да и вообще, я на Ганимеде ни разу не был.

Ирочка очаровательно зарделась и тихо сказала:

- Я тоже не была. Если настаиваешь - я согласна. Посмотрим на Юпитер вблизи.

- Мы заслужили, правда? - тихо сказал Павел. - Не зря же так вкалываем... Тебе не кажется, что договариваться за одну смену с четырьмя клиентами, даже если считать румынов одним клиентом, осуществлять два инструктажа и организовывать отправку - это чересчур?

- За напряженный график нам и платят, - Ирочка плавно повела рукой

в воздухе, как бы отметая проблему. - По крайней мере мы не возимся с мусором.

- Да, наша работа творческая, - хмыкнул Павел. - Но, честно говоря, мне бы больше хотелось взглянуть на мир хозяев корпорации. На будущее. Пусть даже там и пришлось бы красить стены и собирать полиэтиленовые пакеты на пляже.

- Для того чтобы отправиться в будущее, ты слишком умный, - ласково улыбнулась девушка. - Как дипломированный целеуказатель говорю. Не тянешь ты на рекрута. Слишком самостоятельный. Равновесие нарушишь.

- Ты сейчас сделала мне комплимент?

- Нет, озвучила факт. Каждому свое. Своя работа, свое время, свои ценности. Мы тоже имеем немало, не так ли?

- Так. Корпорация заботится о нас. А работаем мы, как и все, за еду и развлечения. Полет к Юпитеру - хорошее развлечение.

- Точно, - многообещающе улыбнулась Ирочка.

Видеодром

ХИТ СЕЗОНА

ЦИРК УЕХАЛ, КЛОУНЫ ОСТАЛИСЬ

Бродячий цирк Доктора Парнаса колесит по современному Лондону и предлагает жителям узреть чудо. Фургон раскрывается, представление начинается. Ободранный зазывала с ужимками средневекового мима и молоденькая дива пытаются привлечь внимание лондонцев. Такова завязка столь ожидаемого публикой нового фильма Терри Гиллиама «Воображариум Доктора Парнаса».

Однако актеров почему-то закидывают поп-корном, а местные хулиганы просто издеваются. Никто не хочет узнать, в чем же заключается чудо - судят по одежке. Какой цирк - такое и чудо,.. наверное. Жалкое, ободранное, нелепое и, разумеется, недоброе.

Когда-то Доктор Парнас заключил сделку с дьяволом и стал бессмертным. По другому договору с тем же дьяволом он обязан заманить в «воображариум» пять душ, поскольку наделен даром управлять человеческим воображением. Если Доктор не отработает договор, то дьявол заберет у него дочь, которая путешествует по миру вместе с отцом. Доктор терпит неудачи одну за другой и уже на грани отчаяния, пока ему на пути не встречается некий мошенник Тони (Хит Леджер и другие) и не стряхивает пыль с ветхого шоу. Интрига стара как мир.

«Я вижу лишь одни мученья человека.

Смешной божок земли, всегда, во всех веках

Чудак такой же он, как был в начале века!

Ему немножко лучше бы жилось,

Когда б ему владеть не довелось

Тем отблеском божественного света.,.»

Собственно, Гете в «Фаусте» все сказал. Но это же Терри Гиллиам, он не может обойтись одним древним сюжетом. Поэтому в блюдо были добавлены отсылки и к индуизму (Брахма, воображающий реальность), и к гностикам (демиург, который не смог ни для кого создать нормального мира, равно как и Доктор Парнас); туда же для визуальности предложены сюрреалистические видения Сальвадора Дали, а для мистицизма - карты Таро, ну и для экзотики - русская мафия и бабушка, управляемая Сатаной.

Все это было бы феерично, когда бы не было так скучно и тривиально. Великолепная игра Хита Леджера, к сожалению уже покойного, не вытягивает этот фильм до того уровня, на который претендовал замысел режиссера. Ни игра Леджера, ни Джонни Деппа, ни Джада Лоу, ни Колина Фаррелла, заменивших Хита в дальнейших съемках фильма. Вообще судьба фильма непростая: сначала умер исполнитель главной роли, потом продюсер - и такое ощущение, что команде просто не хватило сил доиграть до конца.

Если кто-то ожидает от «Воображариума» доброй волшебной сказки, то совершенно напрасно. Сказка недобрая и совсем не сказочная. Это довольно сумеречное повествование о приключениях духа, заблудившегося в самом себе. Торговец иллюзиями, увы, тоже не избежит этих мытарств.

Если кто-то придет на «Воображариум» за неземными спецэффектами, то будет разочарован. Спецэффекты, конечно, есть. Но не потрясают. Как будто Гиллиам говорит: фантазия людей уныла и

безблагодатна, так что «лопайте, что дают», это - отражение вас, людей.

Что же хотел сказать автор? - вот сакраментальный вопрос, которым задаешься на протяжении сеанса, Как убоги желания людей, Воистину, у Гиллиама дьявол носит «Прада»: мечта - как бесконечный прилавок разнообразной обуви. Больше никто не верит в сказку, если в ней нет компьютерных спецэффектов. Если ты мошенник, тебя повесят, в какой бы иллюзии ты ни скрылся, ибо от своей совести не убежишь. Бойся своих желаний, они могут исполниться. Бессмертие - это плохо для разума и души. (Конечно, плохо, если даже твое собственное шоу застряло, как минимум на уровне двухсотлетней давности.)

Достаточно банальных истин, которые не складываются в цельную картину, Как сказал сам Гиллиам о фильме: «Понять можно лишь то, что способно вместить ваше сознание». Возможно, в этом и заключается основное послание: увидеть что-то свое, пропустив мимо внимания всю феерию в целом. Что ж, тоже неплохой результат для фильма, который полнится банальностями, затянутыми бессмысленными диалогами, надерганными отовсюду символами, скукой и какой-то замогильной тоской.

Елена НАВРОЦКАЯ

БЕЗУМНЫЙ СПЕЦНАЗ

(MEN WHO STARE AT GOATS)

Производство компаний Smoke House, BBC Films, Westgate Film Services и Winchester Capital Partners (США-ВБ), 2009.

Режиссер Грант Хеслов.

В ролях: Джордж Клуни, Юйен МакГрегор, Джефф Бриджес, Кевин Спейси, Стивен Лэнг, Роберт Патрик, Валид Цайтер, Стивен Рут и др.

1 ч. 30 мин.

Американский репортер Боб Уилтон, устав от своего образа жизни, едет в оккупированный Ирак. В дороге он знакомится с Лином Кэсседи, секретным агентом Новой армии Земли. По случайности репортер уже знает об этом спецподразделении армии США, где якобы тренировали джедаев - людей с паранормальными способностями. Но если прежде Боб не верил в существование секретной организации, то

встретившись с одним из джедаев, решил узнать правду. Поэтому вместе с Лином он отправляется на поиски его таинственного учителя...

«Безумный спецназ» - экранизация книги британского журналиста Джона Ронсона «Люди, которые смотрят на коз» и один из самых странных фильмов последних лет. Необычность картины заключается в том, что она постоянно балансирует на грани комедии и серьезной антивоенной новеллы. Новая армия Земли, убитая силой мысли коза, джедаи, которые танцуют и поклоняются солнцу посреди казармы - и тут же рассуждения о том, как сделать мир лучше, и сцена, где измученный экспериментами солдат расстреливает сослуживцев. И все это в исполнении звездного актерского состава. Причем актеры играют так, будто снимаются в настоящей драме. С серьезными лицами, с печальными взглядами говорят о значении Новой армии Земли, о том, как проходить сквозь стены, и со слезами на глазах скорбят об убитой козе.

Именно актерская игра - лучшая, светлая сторона фильма. Во всем прочем картина вышла скучноватой. Для комедии в «Безумном спецназе» слишком мало юмора. Все удачные забавные моменты, как уже повелось, были показаны в рекламном ролике. А для антивоенной новеллы в картине слишком много бреда. При этом зрителя убеждают, что действие основано на реальных событиях. Но после появления первого джедая-хиппи с длинной косой поверх мундира верится в это с трудом.

Степан Кайманов

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

Производство компании «Пушкин Пикчерз» по заказу «Централ Партнершип» (Россия), 2010.

Режиссер Ярослав Чеважевский.

В ролях: Павел Деревянко, Юрий Колокольников, Анна Тараторкина, Виктор Костецкий, Александр Филиппенко и др.

1 ч. 35 мин.

В свое время известие о съемках этой картины породило некоторое волнение в среде отечественных любителей фантастики: слишком уж напоминал его синопсис сюжет повести Александра Щеголева «Хозяин». И тут, и там за основу взят гоголевский «Нос», только главным героем сделан другой, не менее важный орган. Плагиат? Любители скандалов и судебных тяжб могут расслабиться. Кино совсем о другом. Если повесть Щеголева - это социальная сатира, то

«Счастливым концом» - рассказанная в форме романтической комедии добрая сказка-притча с немудреной символикой о любви физической и духовной.

В современном кинотеатральном репертуаре этот фильм выглядит приветом из конца 1980-х - начала 1990-х. В те времена отечественным картинам путь на широкий экран был закрыт, производство фильмов в основном служило средством для удовлетворения амбиций творцов и их спонсоров, а иногда - и инструментом «отмыва» криминальных капиталов. Единственным местом, где картину могли увидеть и оценить, были фестивали, и чтобы потрафить «тонким» вкусам фестивальной публики, кинематографисты старались сделать свои творения максимально новаторскими. Иногда звезды складывались удачно, и вместо претенциозной зауми получались весьма достойные ленты.

Помимо обилия творческих экспериментов, постперестроечные фильмы отличало присутствие в кадре замечательных актеров - в период бескартинья артисты старой школы были рады любой работе. Кроме того, ленты той поры можно опознать по участию рок-кумиров: в «Духовом дне» это был Шевчук, в «Лохе - победителе воды» - Курехин, в «Игле» - Цой, в «Черной розе...» - Гребенщиков. В «Счастливым концом» сыграли сразу и Сергей Шнуров, и «секретовцы» Андрей Заблудовский с Алексеем Мурашовым. В новой ленте в досталь того, что четверть века назад сошло бы за эксперимент, в наличии и талантливые актеры - и молодые, и ветераны. В результате получилось неплохое кино.

Сергей Цветков

ЛЕГИОН

(LEGION)

Производство компании Bold Films (США), 2010.

Режиссер Скотт Чарлз Стюарт.

В ролях: Кевин Дюран, Пол Беттани, Деннис Куэйд, Кейт Уолш, Эдрианн Палики, Даг Джонс, Лукас Блэк, Уилла Холлэнд и др.

1 ч. 50 мин.

Богу надоело смотреть на людские злодеяния, и он решил раз и навсегда покончить с человечеством. Правда, способ истребления людского рода выбрал сложный, странный и совсем неканонический. На Землю был послан легион ангелов, которых, как оказалось, легко умертвить ударом тяжелой сковороды по голове. Из всех ангелов на защиту людей встал лишь архангел Михаил, в совершенстве

владеющий приемами рукопашного боя и всеми мыслимыми видами огнестрельного оружия. Чтобы предотвратить апокалипсис, Михаилу необходимо отыскать мать будущего мессии и защитить ее от божественной угрозы...

Режиссер и сценарист «Легиона» Скотт Чарлз Стюарт долгое время занимался созданием спецэффектов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что визуальный ряд фильма радует глаз. Особенно удались боевые сцены. Но, увы, Стюарт, видимо, не совсем понимает, что одними спецэффектами крепкое кино не создать. Требуются еще и продуманная история, и интересные персонажи, которые держали бы зрителя у экрана между сценами драк и погонь. И с первым, и со вторым в «Легионе» дела обстоят, мягко говоря, не лучшим образом. От завязки до финала количество вопросов к сценарию возрастает в геометрической прогрессии. Отчего Бог просто не щелкнул пальцами, чтобы уничтожить людей? Почему ангелы, способные вселяться в людей, сразу не поработили мать мессии и ее друзей, а дали им возможность свободно пострелять? Чем в это время занимался дьявол? Никаких пояснений по ходу фильма не дается, зато каждый персонаж обязательно должен рассказать слезливую историю собственной жизни. Но проблема в том, что почти все герои картины - заурядные и скучные. А следовательно, и истории их жизни не представляют ни малейшего интереса. Исключением является лишь архангел Михаил - волевая, интересная личность. Но ему, к сожалению, уделяют недостаточно много внимания.

Степан Кайманов

НАША RUSSIA: ЯЙЦА СУДЬБЫ

Производство кинокомпании ТНТ, 2010.

Режиссер Глеб Орлов.

В ролях: Сергей Светлаков, Михаил Галустян, Валерий Магдьяш, Александр Семчев, Виктор Вержбицкий, Роман Мадянов, Наталья Харахорина, Николай Басков, Михаил Багдасаров, Яна Романченко и др.

1 ч. 25 мин.

Самые известные гастарбайтеры - Рафшан и Джумжуд, забравшись в чемодан, прилетают по зову начальника в Москву, чтобы отремонтировать квартиру олигарха, по сравнению с которым остальные олигархи - «доширархи». Но вместо привычного дела по уничтожению дорогостоящей сантехники и обоев Рафшан и Джумжуд вынуждены спасти любимого начальника, а заодно и волшебные яйца

Чингисхана...

После недоразумения под названием «Самый лучший фильм» и его не менее бредового продолжения фильм «Наша Russia: Яйца судьбы» приятно удивляет. Отличия между двумя не самыми лучшими картинами и новой историей о похождениях двух неунывающих гастарбайтеров заметны с первых кадров.

Прежде всего, радует, что в «Яйцах судьбы» есть полноценный сюжет, плавно развивающийся от завязки к кульминации. Над сценарием к фильму явно работали больше двух-трех дней, что, понятное дело, сказалось на качестве картины. Конечно, сюжет незамысловат, но понятен и для легковесной комедии вполне пригоден. Кроме того, изменился подход к комедийным элементам. Если все шутки «Самого лучшего фильма» были основаны на пародийности и гэггах, то «Яйца судьбы» показывают совсем другую работу. Местные шутки либо оригинальны, либо построены на высмеивании российской действительности. При этом пошлость, чем так грешили обе части «Самого лучшего фильма», сведена к минимуму.

К сожалению, по-настоящему смешных и удачных моментов в картине катастрофически мало. В телесериале каждому герою уделялось не больше пяти минут времени, но с выходом на широкие экраны концентрация юмора серьезно уменьшилась из-за продолжительности фильма. Для неподкупного гаишника или, к примеру, официантки суши-бара из Иванова сценаристы вообще не придумали ничего осмысленного.

Алексей Старков

САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ

Со своими необычными внешними данными этот актер просто обречен на роли в сказочных и фантастических фильмах. Более

того, он практически вырос на их съемочных площадках.

На русский язык имя Дэвиса обычно переносят, как пишется, - Уорвик. На самом деле следовало бы писать, как произносится в оригинале, - Уоррик. Он считается самым невысоким актером в мире, исполняющим главные роли. Рост Уоррика Дэвиса всего 1 метр 7 сантиметров. При этом таланта больше, чем у многих куда более видных кинозвезд. Внешность предопределила достаточно узкое амплуа: всевозможные гномы, гоблины, дварфы и прочие представители так называемого «маленького народца». Как знать, может быть, дальние предки артиста, жившие на Туманном Альбионе, и дали толчок к появлению легенд об эльфах и лепреконах... Зато почти ни одна заметная фантастическая киносага последних двадцати лет не обошлась без его участия, за исключением «Властелина Колец» и «Звездного пути». Хотя, скорее всего, не примени Питер Джексон компьютерное уменьшение актеров, играющих хоббитов и гномов, Дэвис получил бы приглашение и в экранизацию Толкина.

Уоррик Дэвис, которому в феврале исполнилось 40 лет, по-прежнему нарасхват. Его путь в наиболее популярные маленькие актеры на Земле пролегал через леса совсем иного, несуществующего мира - планеты Эндор из «одной далекой галактики»,

Звездный мальчик

Впервые Уоррик Дэвис вышел на съемочную площадку фильма Терри Гиллиама «Бандиты во времени». На экранах картина появилась в 1981 году, когда начинающему актеру было всего 11 лет. Правда, в этой истории о шестерых карликах, которые путешествуют в пространстве и времени с помощью украденной карты черных дыр и вовлекают в свои приключения маленького мальчика, Дэвису нашлось место только в массовке. Одного из лихой шестерки играл Кении Бэйкер, знаменитый среди фанатов «исполнением» бессловесной роли робота R2D2 в «Звездных войнах». Скоро Дэвису и Бэйкеру довелось встретиться на съемках у самого Джорджа Лукаса - уже как полноправным партнерам.

А заслуга в открытии настоящего «звездного пути» мальчика принадлежит... его бабушке. Та услышала по радио, что для съемок фильма «Возвращение Джедая» приглашаются актеры ростом ниже 4-х футов. Рост юного Уоррика тогда немногим превышал два фута, то есть был менее метра. Его мать привела сына на кинопробы, и он вдруг получил свою первую значительную роль.

Лица мальчика зрители тогда не увидели, потому что Дэвис все время находился в мохнатом костюме и гриме предводителя расы эвоков с

планеты Эндор. Именно на ней и в ее окрестностях, как известно, разворачивалось поле решающей битвы повстанцев и Империи. Лукас, впечатленный способностями начинающего артиста, даже имя персонажа сделал похожим на имя исполнителя - полностью эвока зовут Уиккет Уистри Уоррик.

Симпатичные инопланетяне, напоминающие забавных большеглазых медвежат, очень полюбились публике. После выхода «Возвращения Джедая» в 1983-м Лукас выпустил полнометражные телефильмы-спиноффы «Приключения эвоков» (1984) и «Эвоки: Битва за Эндор» (1985). Официальная трилогия, таким образом, на деле стала пенталогией. В обеих постановках «медвежата» были уже главными действующими лицами. Бессменным исполнителем роли Уиккета остался Уоррик Дэвис.

Однако у всего есть оборотная сторона. Несколько лет молодой актер фактически выходил под свет софитов только в сложном гриме и костюмах разных неземных созданий. После мини-эпопеи обо эвоках он снялся у другого именитого режиссера - Джима Хенсона, в его «Лабиринте» (1986). Однако там Дэвис был всего лишь «телом-носителем» для одного из гоблинов, созданных талантом великого кукольника.

Тем не менее Джордж Лукас, с которым наш герой подружился еще на этапе подготовки к «Возвращению Джедая», строил на его счет свои планы. Режиссер решил показать публике «настоящее лицо» Дэвиса и при этом дать ему главную роль. Фактически, это был первый прецедент, когда актер-карлик сыграл центрального персонажа в большом голливудском фантастическом фильме. Речь идет, конечно же, об «Уиллоу» (1988) Рона Ховарда, наиболее масштабном англоязычном кинопроекте в жанре героической фэнтези до появления трилогии Питера Джексона.

Роль Уиллоу Уфгуда изначально создавалась «под Дэвиса». Как и в случае с эвоком Уиккетом, даже имя его персонажа снова начиналось на W. Хотя в титрах Дэвиса упомянуть первым все-таки не решились и написали третьим. Первым стоит Вал Килмер, который в то время был куда менее популярен, чем сегодня, всего лишь за четыре года до того дебютировав в комедии братьев Цукеров «Совершенно секретно!». О своем экранном партнерстве с Килмером Дэвис вспоминает очень тепло.

Несмотря на такой маркетинг, вряд ли кто-либо усомнился, что главной звездой «Уиллоу» все же был Уоррик Дэвис. Разумеется, основная линия путешествия маленького персонажа четко отсылает к похождениям хоббита Бильбо Бэггинса. Главной пружиной образа был контраст между совсем негероическим обликом Уиллоу и его высокой миссией по спасению девочки-младенца. Дэвису, которому во время съемок было всего 17 лет, пришлось для исполнения роли научиться

обращаться с грудными детьми, а также фехтовать на мечах и ездить верхом. На съемочной площадке фильма среди массовки «маленького народца» - нелвинов он и встретил свою будущую жену Саманту Берроуз.

Сейчас у пары подрастает двое собственных детей, Любопытно, что и Вал Килмер тоже вскоре после съемок женился на игравшей главную женскую роль Джоан Уэлли. Однако испытание временем выдержал только брак четы Дэвис. Медовый месяц они провели на известном «Ранчо Скайуокера» в гостях у Лукаса.

«Уиллоу» неплохо прошел в кинотеатрах, однако, не оправдал завышенных ожиданий продюсеров. Карьере Дэвиса это особо не повредило. Когда Джордж Лукас затеял съемки первого из фильмов новой трилогии «Звездных войн», он снова пригласил друга. В «Призрачной угрозе» Уоррик Дэвис сыграл четыре эпизодические роли как в инопланетном гриме, так и с открытым лицом (например, его можно увидеть на трибунах во время знаменитой сцены гонок). Более того, он даже дублировал самого Мастера Йоду. Вообще удивительно, однако из актерского состава оригинальной трилогии только двое сумели по-настоящему развить успех за ее пределами. Это Харрисон Форд и Уоррик Дэвис. К великому сожалению, другие остались во вселенной «Звездных войн», и поклонники запомнили их только как Люка Скайуокера, Чубакку или Си 3Пи0, несмотря на все попытки сыграть кого-то еще.

Для Дэвиса, однако, космическая одиссея на этом вовсе не закончилась. Правда, дальше он отправился не на «Тысячелетнем Соколе» Хана Соло, а прямо «Автостопом по Галактике» (2005). В экранизации юмористической фантастики Дугласа Адамса мы снова не видим лица актера. Даже не слышим голоса, потому что его персонажа, депрессивного робота Марвина, озвучил другой именитый англичанин Алан Рикман. Дэвис снова провел все съемки в неудобном костюме, однако подарил механическому герою свою неповторимую походку. А с Рикманом «во плоти» он к тому моменту уже несколько лет снимался в саге о Гарри Поттере.

О мышах и людях

Уоррик Дэвис участвовал во всех фильмах о юном волшебнике Гарри. Играл он при этом не одну, а сразу три роли. Впервые Дэвис появился в образе не слишком приятного длинноносого гоблина из банка «Гринготтс» в фильме «Гарри Поттер и философский камень» (2001). Основной же персонаж Дэвиса - профессор Филиус Флитвик, преподаватель заклинаний и декан факультета Когтевран в Хогвартсе. Он все время находится на периферии действия, поэтому, собственно,

присутствие актера на экране минимально. Кстати, предок профессора Флитвика по мужской линии был гоблином, от него потомку и достался такой малый рост.

С образом профессора случился один из самых примечательных казусов в истории цикла. В первых двух фильмах Флитвик носит длинные волосы и седую бороду, как в текстах Джоан Роулинг. В третьей серии, «Гарри Поттер и узник Азкабана» (2004), для него не нашлось места в сценарии. Но продюсер захотел видеть Дэвиса в фильме и предложил сыграть эпизодическую роль руководителя школьного хора. В книгах этого персонажа не было. А в четвертом фильме, «Гарри Поттер и Кубок Огня» (2005), где Флитвик опять появляется, новый режиссер Майкл Ньюэлл решил оставить ему визуальный образ руководителя хора. Так профессор из седовласого старца превратился в элегантного низенького мужчину средних лет с короткими темными волосами и лихо подкрученными усами. Изменился и костюм - вместо магической хламиды это теперь щегольский фрак с очень длинными фалдами и галстук-бабочка. Неудивительно, что среди поклонников нашлись такие, кто поверил, будто Флитвика играет совсем другой актер.

Не менее радушно принимает Дэвиса и малый экран. Почти сразу после того же «Уиллоу» он сыграл в первой экранизации «Хроник Нарнии», предпринятой британским каналом BBC. Хотя здесь опять пришлось надевать маску. Во втором из фильмов, объединившем сюжеты книг «Принц Каспиан» и «Путешествие «Покорителя Зари», Дэвис исполнил роль отважного мышиноного предводителя Рипичипа, Несмотря на плюшевый костюм с хвостом, это была фактически вариация на знакомую тему - маленькое, но отчаянно храброе существо. В третьей части, «Серебряное кресло», Рипичип отсутствовал, и Дэвис надел костюм из перьев для роли Сова.

Всевозможные фэйри, как их называют в Англии, в кино- и телекарьере актера пошли чередой. Он посетил широко известное «Десятое королевство» (2000), побывал одним из семи гномов в «Белоснежке» (2001), а до того успел поучаствовать в «Новых приключениях Пинокио» (1999) - последнем режиссерском фильме Майкла Андерсона, которому в «Если» недавно был посвящен отдельный материал. Когда же «Хроники Нарнии» перекочевали на большой экран, туда снова позвали Дэвиса - и опять в «Принца Каспиана» (2008)! Правда, новый Рипичип создавался целиком с помощью цифровых технологий, однако для актера нашлась другая роль, на этот раз острохарактерная и даже трагическая. Он сыграл Никабрика - раздражительного гнома, который переходит на «темную сторону Силы» и погибает от руки бывшего соратника. Однако Никабрик был далеко не первым отрицательным героем в его послужном списке.

Недобрые сказки

Дэвиса отличает заразительная улыбка в пол-лица. Однако, если требует роль, улыбка легко превращается в зловещий оскал. Актер создал не только галерею положительных сказочных существ, но и ряд пугающих и даже отталкивающих персонажей. И здесь тоже имел успех, несмотря на то, что среди любителей побояться перед экраном ранее завоевал известность и другой «маленький актер» - Фил Фондакаро, талисман студии Full Moon Entertainment. Между прочим, Фондакаро снимался вместе с Дэвисом в «Уиллоу» (как и Кенни Бэйкер).

Главной ролью Дэвиса в последнее десятилетие XX века стал злобный мифический ирландский уродец Лепреккон из серии комедийных «ужастиков» категории «Б», начатой в 1993 году одноименным фильмом Марка Джонса. Большой любитель золота, который ценит презренный металл сильнее, чем боевики ирландской республиканской армии - независимость, Лепреккон встал в один ряд с культовыми страшилами - молчаливым Джейсоном Вурхизом и грозой спящих Фредди Крюгером. Лицо Дэвиса снова закрыл толстый слой грима, накладываемый в течение трех часов, однако энергетика была через край. Хотя даже «ужасный» грим не сделал персонажа по-настоящему жутким, в самом облике и движениях присутствует несерьезность.

Лепреккон пугал и одновременно смешил зрителя уже шесть раз, хотя с третьего фильма новые выходили сразу на видео. Уродец с рыжей бородой в старомодном зеленом костюме даже успел побывать в космосе. В этом, четвертом по счету, фильме есть пародийные отсылки и к «Звездным войнам», и к другой популярной франшизе - «Чужой».

Тем не менее актер сыграл и другого лепреккона, абсолютно противоположного по характеру, в дилогии для всей семьи, состоящей из картин Брайана Келли «Очень несчастный лепреккон» (1998) и «Белый пони» (1999). В этих сказках его герой по имени Лаки уже имеет вполне «дэвисовское» лицо, пусть и обрамленное положенной по образу рыжей бородой.

Еще одного антигероя Уоррик Дэвис воплотил в экранизации мировой классики - телевизионных «Путешествиях Гулливера» (1996). Ему достался вредный Грильдриг - карлик из Страны Великанов, строящий козни Гулливеру. А уже в новом тысячелетии создатель грима Лепреккона Гэйб Барталос пригласил Дэвиса в свой режиссерский дебют, трэш-хоррор «Без кожи» (2004). В перепеве типичной для жанра истории о семейке маньяков Дэвис исполняет роль мутанта по

прозвищу Блюдец. Этот карлик с выбеленным лицом расправляется с жертвами, метая фарфоровые тарелки и попутно философствуя. И даже столь несимпатичного субъекта Дэвис наполняет такой энергией, что из всего фрик-шоу тот запоминается в первую очередь.

За границами Страны Фантазий

В «реалистичных» фильмах Дэвис появляется редко. Однако засветился в обласканной премиями и номинациями биографической драме «Рэй» (2004), где сыграл эпизодическую роль Оберона, белого конферансье в клубе «для черных». Карьеру в кино актер успешно совмещает с работой в театре. Чаще всего ему достается партия одного из персонажей «Белоснежки» в различных постановках. Хотя случалось играть и джинна из сказки «Аладдин», и пирата из «Питера Пэна».

Уоррик Дэвис является совладельцем нескольких бизнесов. Причем все они имеют в названии слово «Уиллоу» (в переводе с английского это значит «ива»). На собственной производственной студии Willow Tree Productions он делает рекламные ролики и видеоклипы - и нередко сам в них снимается. На той же студии спродюсировал шпионскую комедию «Агент Половинка», сценарий для которой начал писать еще во время съемок фильма Рона Говарда. Дэвису принадлежит и кадровая служба Willow Management - «самое большое агентство для самых маленьких актеров». Занимается он и благотворительностью в помощь детскому медицинскому центру.

А в свободное время решил переквалифицироваться в писатели, Весной 2010 года выходит в свет его автобиография «Жизнь так мала». В ней Дэвис, помимо воспоминаний о работе с коллегами по съемочным площадкам, обещал с юмором поведать о том, «на что похожа жизнь, когда ты ростом три фута шесть дюймов».

Аркадий ШУШПАНОВ

**ВЯЧЕСЛАВ БАСКОВ
ПАДУАНСКИЙ ПОРТНОЙ**

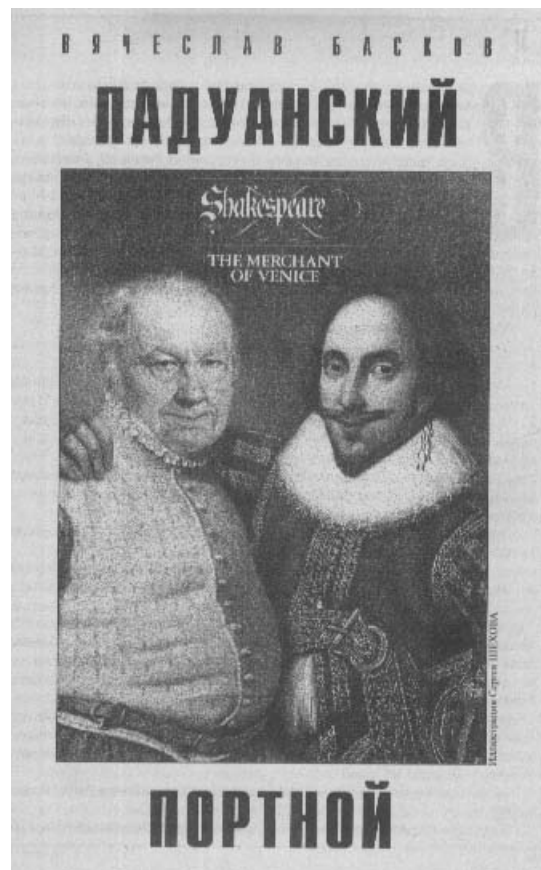

Иллюстрация Сергей ШЕХОВА

В драматическом театре американского города Линкольна (административный центр штата Небраска) не так давно произошло ужасное событие: актер Ричард Бёрбедж наотрез отказался выходить из образа. Об этом стало известно в тот день, когда в театр явилась миссис Риддс, дочь Ричарда, почтенная дама в широкополой шляпе с пером. Она застенчиво заявила режиссеру театра Анне Романофф, что ее отец, Ричард Бёрбедж, уже много дней не приходит домой ночевать. Однако родные решили пока не обращаться в полицию, потому что папа жив, он даже охотно разговаривает со своей семьей по мобильному телефону - например, вчера после спектакля долго беседовал с ее сыном, а его внуком Джорджем. И вообще с ним все в порядке, кроме одного: он в образе. Войти в него вошел, а выйти - не выходит. Миссис Романофф выразительно молчала.

Миссис Риддс заявила далее, что она пришла в театр за помощью. Ну, за простой человеческой помощью и участием.

Миссис Романофф молчала. Она только отстраненно смотрела на даму в широкополой шляпе с пером. Это великое молчание по системе Станиславского, вероятно, призвано было сказать больше, чем слова.

Но миссис Риддс, судя по ее поведению, была абсолютно глуха к выразительным средствам и молчания не понимала. Она сказала более твердым голосом, что папу нужно снять с роли и тогда он из образа выйдет. К такому выводу пришли все члены семьи и

уполномочили ее пойти в театр с этим ходатайством.

Анна Романофф наконец стряхнула пепел с сигареты в обширную хрустальную пепельницу и отверзла уста.

- Не понимаю, о чем вы, - произнесла она. И тут же поспешила добавить: - Я после репетиции очень устала. Что вам нужно от меня?

- Мы просим вас снять папу с роли.

- С какой стати? И кем я должна его заменить? Муниципалитет Линкольна строго ограничил число актеров в городском театре. Моя бы воля, я бы сняла с роли многих, но, к сожалению, я не вольна в своем театре. Я связана по рукам и ногам. Да и кто я такая в нашем театре!.. Пятая спица в колеснице.

- Но так дальше не может продолжаться! - вдруг вскипела почтенная дама в широкополой шляпе с пером. - Мы с вами разговариваем, как глухие! Вам ясно, что Ричард Бёрбедж вошел в образ и не выходит из него? Он ушел из дома!

- Это его личное дело, - парировала без промедления Анна Романофф.

Быстрота ее реакции на реплику заставляла врасплох самых бывалых актеров. Но миссис Риддс не чувствовала себя на сцене, она была очень земной особой, поэтому отвечала еще быстрее, чем миссис Романофф:

- И ваше тоже! Вы не имеете права!

Миссис Романофф снова дернула кистью руки над пепельницей, сильно закрутила полсигареты о хрустальную поверхность и поднялась.

- Никто никогда не входит в роль настолько, чтобы уйти из дому. Я о таком еще никогда не слышала, - произнесла она как-то величественно.

Миссис Риддс поднялась тоже.

- Снимите папу с роли, - сказала она отнюдь не просительно.

- Не сниму, - был ответ.

И дамы расстались. Они друг друга не поняли.

Ясно было только, что с Ричардом что-то не так. Это был человек пятидесяти девяти лет, обрюзгший, невысокого роста. Его жена была выше его. Он проработал актером всю свою жизнь, Линкольнский муниципальный театр заключал с ним вот уже восьмой трехгодичный контракт, и миссис Романофф не могла сказать о Ричарде Бёрбедже ни плохо, ни хорошо. Ричард был «старик», который нужен всякому театру, но которого не всегда найдешь, потому что в наше время актеры в театре до старости уже не задерживаются. Годам к сорока они убеждаются, что Гамлет им не светит, и идут в бизнес, в торговлю, встают в магазинах за прилавок, запираются в библиотеках составлять каталоги, где тянут до пенсии. Душную театральную атмосферу выдюживают семижилые.

Ричард Бёрбедж мужественно держался за свою профессию, которая отплатила ему черной неблагодарностью: за всю свою жизнь он не сыграл ни одной главной роли и в эпизодических не сыграл ничего яркого. В этом сезоне он играл крохотный эпизод в спектакле «Война и любовь» («The war and the love») по пьесе Вильяма Шекспира «Укрощение строптивой». Анна дала ему роль портного. И кто бы согласился на эту роль, кроме него! В репертуаре театра было еще шесть пьес, но все они мюзиклы, и хрипловатому, безголосому Ричарду там роли не нашлось. Когда-то в молодости он бил чечетку, но сегодня чечетка... На следующий сезон он должен играть Фирса в пьесе «Вишневый сад», которую Анна брала для себя. Может быть, у него поехала крыша?

Однако вскоре крыша поехала у самой миссис Романофф. Все, что говорила ей дочь Ричарда (миссис Романофф напрочь забыла ее имя), оказалось чистой правдой. От нее эта самая дочь в шляпе отправилась на телевидение, и в тот же вечер миссис Романофф увидела на экране своего Ричарда Бёрбеда в костюме портного из спектакля «Война и любовь». Он отвечал на вопросы корреспондентки.

Из рассказа актера выходило: он настолько вжился в образ портного, что предпочел жить в Падуе 1593 года. Где, собственно, живет теперь. Он прибывает в Линкольн исключительно на спектакли. На этой неделе у него по расписанию еще один спектакль, именно сегодня, на следующей - ничего, в первой неделе марта - сразу два спектакля. Все было так.

В Падуе Ричард Бёрбедж работает портным, живет на Санта Мария дель Кармине, у него свое ателье, шесть мальчиков-подмастерьев. Воздух в Падуе чистый, обстановка в городе относительно спокойная, его, Ричарда, там уважают соседи, у него нет отбоя от заказов, потому что одеваться, извините, приходится всем, это вам не Линкольн, где можно ходить по центральной улице в чем мать родила.

- Поймите, Падуя - городок хоть и небольшой, но народу у нас не меньше, чем в самой Венеции. До нее рукой подать, минут сорок на почтовой карете, часа полтора пешком. Или те же часа полтора на волах. Но я люблю как раз пешие прогулки, если, конечно, не требуется отвезти платье немедленно или не зовут срочно на примерку. Я же теперь не помощник портного, я в гильдии мастеров, - говорил телезрителям Ричард Бёрбедж.

И миссис Романофф, Анна Романофф собственной персоной, сидела в своем кабинете у телевизора, смотрела на экран и, забыв обо всем, слушала весь этот бред.

- Потом, у нас там классное питание. Пища здоровая, без химии совершенно! Никаких термоприборов, естественно, нет, все готовится на живом огне, на вертеле. Каплунов много, куропаток... - Ричард смущенно улыбнулся, как человек, которому неловко говорить

больному о своем хорошем самочувствии. - Очень чистая вода. Родниковая. Прямо во дворе под навесом из-под земли бьет ключ, течет ручей. Стираем в нем ткани для усадки. Добрые, приветливые люди. Правда... - тут Ричард слегка замялся, - испанцы достают. Вот они уже где! Грабят нашего брата-итальянца безбожно! К нашим девушкам пристают. И наши тоже хороши. Очень эмоциональные. Они немного диковаты еще. За это время в городе произошло несколько драк между своими. Но каких, боже! Дерутся на шпагах, прокалывают друг друга кинжалами безжалостно! Цивилизованному человеку смотреть на такие вещи очень трудно. Кровь, размозженные головы, отрезанные руки, ноги... Самое уязвимое место для шпаги - глаз. Я сам чуть было не ввязался в одну поножовщину, спасибо - подмастерья удержали. С другой стороны, я их очень хорошо понимаю. Свежий воздух, сочная пища, здоровье у каждого - то, что моя бабушка называла «кровь с молоком». Я даже в молодости не был таким крепким. Да и откуда? Детский сад, школа, потом театральная школа - и театр, театр, театр. Я уж не говорю о семье, налогах, кредитах... Хочу поехать в Англию, познакомиться с Шекспиром. Но, по всему, не доеду - стар стал, дороги не выдержу. И за каждым кустом - испанцы!

- Но скажите нам, Ричард, как же вы все-таки из нашего двадцать первого века попадаете туда, в конец шестнадцатого? - перебила его корреспондентка и взглянула на собеседника эдак снизу, как бы готовая принять любой, самый непостижимый ответ. - Это непонятно. Как все происходит? Согласитесь, что поверить в это трудновато даже нам, работникам телевидения. А уж у нас на телевидении чего только не бывает!

- Почему трудновато? - переспросил вежливо Ричард. - Ничуть. Я там живу. Вот мой колет, моя шапочка, мои туфли, моя игольная подушечка. Я живу в Падуе и приезжаю сюда на спектакли. Не в моих правилах подводить товарищей. Кто, кроме меня, сыграет эту маленькую роль?

- На чем приезжаете?

- Ну... Ни на чем, а просто еду да и все. Я ведь знаю, что у меня спектакль в такой-то день. Не могу же я не прийти на спектакль. Что тут непонятного?

- А вот сейчас вы сможете на глазах у всех телезрителей поехать к себе в Падую? - загадала загадку лукавая корреспондентка.

- Прямо сейчас? - озаботился Ричард.

- Да, вот прямо сейчас! В прямом эфире! - задорно вскричала теледива, строя из себя девочку.

- Нет. Сейчас, извините, никак не смогу. У меня скоро выход.

- Ах, действительно! - рассмеялась корреспондентка живо и как-то слишком непринужденно. И обернулась к объективу телекамеры. - Мы разговариваем с актером Ричардом Бёрбеджем в его примерной. На

сцене уже начался спектакль «Война и любовь» по пьесе величайшего драматурга Вильяма Шекспира «Укрощение строптивой». Действие этой пьесы, как помнят телезрители, происходит в итальянском городе Падуе и недалеко от него, в загородном доме, как раз там, куда переселился и наш соотечественник Ричард Бёрбедж. Он выбрал свежий воздух, чистую воду, здоровую пищу! Ему можно только позавидовать!.. - Девушка обратилась к Ричарду, и телекамера взяла крупным планом невыразительное, помятое лицо актера. - Но после того как вы сыграете вашу ответственную роль, Ричард, куда вы пойдете?

- Домой, - ответил Ричард без запинки.

- Домой... - повторила корреспондентка. - Куда? В Линкольн или в Падую?

- Конечно, в Падую. Я вошел в образ, понимаете, и трудно из него выходить. Откровенно говоря, мне уже давно надоело выходить из образов. Иногда так вживешься, что весь в роли. А тут как раз сезон подходит к концу - и спектакль, как назло, с репертуара снимают. А на другой опять все сначала: новые спектакли, новые роли... Быть актером очень трудно. Зверская работа.

- Да... - протянула понимающе корреспондентка, почему-то прищуриваясь. - У актеров работа нелегкая.

- А тут я решил: останусь в образе, раз мне этого хочется! Была не была! А если на следующий сезон «Укрощение строптивой» снимут, то и я больше в театре работать не буду. Обойдутся без меня.

- Без вас? Что вы, Ричард! Наш город не представляет театра без вас! - неискренне вскричала корреспондентка.

- Впервые слышу, - сострил Ричард. - Сколько работаю, такого мне еще никто не говорил. Один раз как-то ко мне подошла зрительница и сказала, что ей нравится, как я играю Хромого Тигла. Тогда ставили сказку про разбойников. Давно это, правда, было, в молодости.

- Но если не актером, то кем же вы будете? - спросила корреспондентка.

- Так я уже портной! Отличная работа!

- Но где же вы будете жить? Где вы вообще будете? - закричала корреспондентка.

- Не на улице, - тихо ответил Ричард, мастерски «сажая сцену». - В Падуе у меня отличный дом. Я же вам уже все рассказал.

И тут миссис Романофф вдруг осознала, что диалог корреспондентки с ее актером Ричардом Бёрбеджем не записан на пленку, а ведется прямо отсюда же, из ее театра! Она швырнула в пепельницу сигарету, помчалась на актерскую половину и - о, ужас! Она увидела, что возле гримборной Бёрбеджа столпился театральный народ, внутри пылает яркий свет, а по полу тянутся телевизионные кабели! Репортаж шел действительно из театра!

Миссис Романофф не сдержала бег. Она ринулась к толпе, прорвалась в уборную - и перед ней открылась любезничающая парочка, два голубка. Ричард сидел на своем месте, в кресле перед зеркалом, а журналисточка примостилась сбоку, под самым юпитером, и то и дело взглядывала на себя в зеркальный разлет, чтобы оценить, как она смотрится.

- С семьей тут полный порядок, - говорил Ричард. - Я им уже натаскал из Падуи золотых нитей, цепей, бриллиантов, разных камней столько, что им до конца жизни хватит. Конечно, скучаю по внукам, но, знаете, Падуя мне теперь всего дороже. Я не хочу оттуда уезжать. Мне там нравится. Это мой выбор.

- Но позвольте один неделикатный вопрос? - спросила корреспондентка, глядя на себя в трельяж несколько загадочно.

- Спрашивайте, что хотите, - непринужденно отвечал Ричард.

- Вы сказали, что принесли немало драгоценностей оттуда:.. Из Падуи, я имею в виду. Там что, много... всего такого? - и корреспондентка рассмеялась.

- Я же работаю с драгоценностями, - ответил Ричард Бёрбедж, падуанский портной. - В то время платья были не из одной материи, пуговиц и молний, как у нас. Их надо расшивать камнями, золотыми нитями, цепями. Это очень нелегкая работа. Мы же шьем платья вручную, машинок еще нет. Зингеровскую изобретут, дай бог, в девятнадцатом веке. Мы работаем иглами. Камни идут вот так - по корсажу, по лифу, вниз по куполу... ну, по юбке по-нашему, и, наконец, по подолу вкруговую. Обшиты камнями и золотом обязательно и мужские костюмы. Обязательно! Ни один порядочный человек, независимо от возраста и звания, не посмеет показаться людям на глаза в платье, не отделанном камнями. В дело идут рубин, сердолик, хризопраз, гелиотроп, сардер, моховик, сапфирин, ну и разумеется, агат, оникс... В общем, кремни, халцедоны. Бриллианты, алмазы, естественно... Это моя работа!

- Ваш рассказ столь необычен, Ричард! - сказала корреспондентка, сраженная простотой и непосредственностью актера.

И вдруг ей пришла в голову озорная идея.

- А вы позвольте, Ричард, нашей съемочной группе заснять вас в тот момент, когда вы будете уходить домой в Падую? После спектакля? Это будет так интересно!

- Ну, если вам интересно, пожалуйста! - отвечал, рассмеявшись, обрюзгший актер, которому до пенсии надо было трудиться еще шесть лет. - Только я сам не знаю, как это выглядит со стороны и что в этом интересного. Я в образе - вот и все! Вы лучше покажите наш спектакль. Актер интересен только на сцене. А после спектакля до него никому нет дела.

И эта серость, эта посредственность еще смела посягать на

афоризмы! Миссис Романофф вырвалась из толпы и побежала в мужскую костюмерную.

- Рич Бёрбедж возвращает вам костюм после спектакля? - спросила она костюмершу миссис Энджи. - Возвращает, я спрашиваю, Рич тебе костюм после спектакля, дрянь? - завопила сквозь стиснутые зубы режиссер, слету поняв ответ костюмерши, - той нечего было ответить. - Ты уволена! Уволена, дрянь!

И миссис Романофф полетела к себе в кабинет.

С этой-то минуты в театре и поднялся переполох. Известие об увольнении старухи Лоры Энджи разошлось за кулисами тотчас. Но миссис Романофф еще не закончила начатого. Она вылетела из кабинета и помчалась в реквизиторскую.

- Ты принимаешь от Бёрбеджа реквизит после спектакля? - спросила она реквизиторшу Мэлли Скотт.

- А у мистера Рича нет никакого реквизита, - отвечала бойкая женщина, привыкшая иметь дело со всякой мелочевкой.

- А кольцо? А эти... как их?..

- Никаких колец у мистера Рича нет. Я разве не знаю, у кого что есть? Ничего у мистера Бёрбеджа нет и не было с первого спектакля! Рич - портной! Он выходит с платьем для Катарины - какие там кольца, господи помилуй!

- А подушечка с иголками! - возопила режиссер. - На локте у него подушечка на резинке!

- Подушечка? - каменея, произнесла Мэлли.

- Ты уволена, дрянь! - сказала зловеще миссис Романофф и пошла прочь.

Как раз начался антракт, и за кулисами былолюдно. Радио транслировало шум зрительного зала. И вдруг за спиной режиссера раздался крик:

- За что уволена-то? За подушечку? Да я тебе таких подушечек сто нашу, если надо!

Анна Романофф остолбенела. Оглянулась. Дрянь-реквизиторша стояла у себя в дверях и кричала ей, главному режиссеру, вдогонку свои проклятья.

- Да чтоб я провалилась, если позволю себя уволить всякой там режиссерше! Да будь ты проклята со своей подушечкой! Не было у нас в реквизиторской никаких подушечек! Ему, может, кто подушечку сшил, а увольнять будут меня? Я не старуха Энджи! За меня вступятся!

Реквизиторша смеялась. Она была, оказывается, еще и пьяна! Во время спектакля... Анна Романофф почувствовала, что остывает - сейчас ее опрокинут на носилки и хладную увезут.

- Не брал он у меня никакой подушечки! За ним не записано! - кричала бравая Мэлли Скотт, потрясая ветхим журналом. - Ничего у меня за ним не числится и никогда не числилось, что ж я, не знаю, за кем у

меня что записано? А так просто себя увольнять не дам! Стоит, смотрит! Да смотри, сколько хочешь, я тебя не боюсь, я же не артистка бесправная! Мне режиссеры не указ! Мне вон пьесу положили - что в ней написано, то я актеру и обязана дать!..

Миссис Романофф продолжила путь под крик:

- Владычица проклятая!

Видит бог, она хотела, как тише, как интеллигентнее. Не ее вина, что в этот момент в театре оказалось телевидение. Оно не заглядывало к ним уже лет пять или даже больше.

И вот это самое телевидение вдруг живо заинтересовалось мнением главного режиссера. Оппозиция Анны Романофф ко всему происходящему с Ричардом Бёрбеджем стала очевидной. Телегруппа направилась к ее кабинету.

Однако дверь оказалась запертой. Корреспондентка попросила у студии еще мгновение, его ей дали, и она повела прямой репортаж, стоя возле запертой двери. Она говорила, что поведение главного режиссера Анны Романофф непонятно всем, кто работает в театре. В самом деле, почему она не общается с Ричардом Бёрбеджем, который отказывается выходить из образа настолько, что оставил семью в двадцать первом веке и удалился в конец шестнадцатого? Что об этом думает Анна Романофф? И вот мы стучим в ее дверь, мы в нее даже колошматим, но дверь не отпирается. Однако нам доподлинно известно, что Анна театра не покидала...

- Миссис Романофф, отойдите, пожалуйста, замок! Скажите несколько слов нашим и вашим зрителям! Имейте уважение, если хотите, чтобы уважали вас! - барабанила в дверь обнаглевшая представительница электронного средства массовой дезинформации, раздувая скандал до сенсации.

Сцену за собственной дверью миссис Анна Романофф наблюдала по своему кабинетному телевизору, запершись ото всех, потрясенная грубостью, невоспитанностью Мэлли Скотт, которую она сама, лично, принимала в театр на работу не более как лет семь назад, тогда еще ставили «Дурочку» Лопе де Вега. И вот, стоя подле двери, корреспондентка мило вещала о том, что, по слухам, из-за Ричарда Бёрбеджа уже уволены полтеатра. С подробностями она обещала выйти в эфир попозже, когда главный режиссер соизволит отпереть дверь. Она так и выразилась: «соизволит».

Начался второй акт. Не отрываясь, смотрела свой телевизор Анна Романофф. Неужели телевизионщики такие дураки, думала она, привычно быстро остывая от правдиво разыгранных страстей в костюмерной и реквизиторской, что не покажут зрителям сцену с портным? Это была бы прекрасная реклама театру!

Но по телевизору шли наскучившие новости из Ирака, где взорвался склад с оружием. Однако творческое чутье режиссера не обмануло.

Действительно, к приезду Петруччо с Катариной в загородный дом телекамера была уже нацелена на сцену, и корреспондентка верещала: «Обратите внимание на портного! Обратите внимание на гениальную игру Ричарда Бёрбеджа!».

Петруччо

Как наше платье? Покажи, портной.
Помилуй бог! Оно для маскарада?
А это что? Рукав? Да нет, мортира!
Изрезан весь, как яблочный пирог, -
Надрез, прореха, вырез и прорез!
Как будто бы курильница в цирюльне!
Черт побери! Да что ж это такое?

Гортензио

Ей не видать ни шапочки, ни платья.

Портной

Вы приказали сшить его красиво
И в соответствии с последней модой.

«Великолепно играет! - призналась себе Анна Романофф, следя за сценой по телевизору. - Играть-то нечего, а играет, дьявол!»

Петруччо

Ты смеешь поносить меня, катушка,
Лоскут, тряпье, заплата! Прочь отсюда,
Не то тебя я разутюжу так,
Что спорить ты отучишься навеки.
Я говорю - ты ей испортил платье!

Портной

Нет, сударь, вы ошиблись. Платье сшито,
Как моему хозяину велели...

Миссис Романофф оставила заточение и направилась на сцену. В темноте кулис к ней летучей мышью бросилась красавица Айва Дорман, бессменная Катарина:

- Я не могу с ним играть! - зашептала она страстно. - Он так играет, что мне хочется плакать! Меня душат рыдания, Анна! Но ты же ставила перед ним другую задачу!

- Я с ним поговорю, - отвечала шепотом режиссер, вдруг озаботившаяся тем, что у портного выхода больше нет, роль Ричарда закончилась, и близится момент его ухода в Падую, в 1593 год.

От самой этой мысли миссис Романофф закачало. Она представить себе не могла, что когда-нибудь доживет до такого абсурда. Она была готова к провалу и освистыванию, к успеху и овациям, но только не к бреду. Она направилась в уборную Ричарда. Разгримироваться-то он должен.

И вот она опять в его уборной. Ричард Бёрбедж сидит перед трельяжем и как ни в чем не бывало стирает с лица грим. И вот они

наедине - режиссер и актеришка.

Все, что случилось перед этим, было идиотизмом, фантасмагорией, ничего не было.

- Ах, Рич, как ты меня напугал!

- Что такое? Чем? - спрашивает Рич встревоженно.

- Даже не знаю, с чего начать, дорогой...

- Ты и меня хочешь уволить? Играю плохо? Говори прямо, Анна.

- Да нет, все не то. Играешь ты замечательно...

Анна Романофф просто не в силах заставить себя вымолвить бред. Она физически не знает, какими словами поговорить с Ричи о его переезде в Падую времен Шекспира.

Рич молчит и смотрит на режиссера. Лицо его измазано гримом, белым кремом, к щеке прилип клочок лигнина.

- Ко мне приходила твоя дочь, - тяжело вздохнув, выговаривает режиссер. - Понятия не имела, дорогой, что у тебя уже взрослые дети. Да, кстати, - вдруг оживившись, перебивает сама себя Анна Романофф, - я узнала, что ты не сдаешь костюм в костюмерную. Почему, дорогой? Зачем он тебе?

- Я слежу за ним сам, - отвечает Рич Бёрбедж. - Сам стираю воротник. Я хочу на каждом спектакле быть в чистом воротнике. У меня от этого особое самочувствие, понимаешь?

- Дожили. Неужели Лора не стирает твоего воротника?

- И манжеты еще. Конечно, нет. Не может же она стирать костюм после каждого спектакля!

- Рич, прошу тебя, сдавай костюм в костюмерную, я скажу Лоре, чтобы она стирала каждый раз и твои воротник с манжетами, и вообще всех! Как это глупо. Прошу тебя, не огорчай меня, Ричард. Сдавай костюм. Пойди вот прямо сейчас и сдай. Разденься, надень свою одежду, а эту, портновскую, оставь здесь на вешалочке. Я скажу, чтобы костюм у тебя брали тут, в уборной. Ну, прошу тебя, не огорчай меня. Ты же знаешь, что у меня со здоровьем.

- Сегодня я не сдам, - кротко воспротивился наглый Ричард.

Миссис Анна Романофф протянула к актеру свою добрую руку с пальцами, унизанными кольцами, и положила ладонь ему на колено.

- Что с тобой, Ричи мой? - сказала она тихо и ласково, как Раневская, роль которой приготовилась оставить за собой. - Что, дружок? Давай будем с тобой говорить, говорить, говорить...

И тут Рич рухнул перед ней на колени, сложил руки у подбородка, как мусульманин, и взмолился:

- Анна! Не отнимай у меня костюма! Я тебе принесу другой! В нем я в образе, а в другом уже не смогу. Я с ним сжился! Я тебе сошью новый, правда, я не обману, Анна! Только не отнимай у меня этого костюма! Он часть меня самого!

По лицу Ричарда, некрасивому, серому, лицу посредственности и

ничтожества, измазанному смесью грима с кремом, струились натуральные слезы.

«Лир!» - ужаснулась Анна Романофф, увидев в Ричарде готового короля-глупца и вдруг поняв, какой спектакль должна ставить немедленно. Чехова она хотела ставить из эгоистических соображений, но в театре не было ни одного актера для «Вишневого сада», она подтягивала пьесу под себя. А теперь перед ней стоял на коленях и маялся живой король Лир - и Анна Романофф подумала словами красавицы Дорман: «С ним же невозможно играть! Меня душат слезы, я не могу говорить». Ричард не играл - он жил. В его глазах был такой терпкий сгусток отчаяния, что Анна Романофф мысленно кинулась к нему, чтобы прижать его голову к себе, защитить его от самой себя. Она проглотила слезы, чтобы они не брызнули из глаз, не выдали ее сочувствия тому, над кем она сознательно измывалась.

Но он еще не договорил, как дверь распахнулась и на пороге появились все эти телевизионщики со своим спящим юпитером, с уже включенной камерой и жадной до любых сенсаций корреспонденткой. Миссис Романофф тотчас восстала из кресла, она не желала становиться добычей журналистки, ищущей скандала. Ричард остался на полу, у ее ног. Это ее потрясло. Она слышала, как жужжала камера, всю себя она видела со стороны, потому что ее с Ричи объял яркий свет, источавший жар.

- Анна! Не отнимай моего костюма, заклинаю тебя! Я принесу тебе пять, шесть таких же! Еще лучше! Принесу столько, сколько захочешь! Ты будешь иметь их бесплатно, я одену весь спектакль, только оставь мне этот! Ну что тебе стоит, Анна? - причитало, рыдая, ничтожество, бесстыдно работая на телекамеру.

- Встань, негодяй! - вдруг вскричала патетически Анна Романофф, чувствуя себя Раневской, когда ее бросил последний любовник в Париже. Нет, теперь она была жестокой Гонерильей. - Не унижайся передо мной. Это бессмысленно. Ты сделаешь так, как я тебе велела. Ты сейчас же снимешь костюм и сдашь его в костюмерную. Лора не уйдет домой до тех пор, пока не примет от тебя костюма.

Ричард попятился на коленях, обняв себя руками, схватив ими колет. Этот выразительный жест, свойственный королю Лиру, читался без слов: «Не отдам!».

- Так ты не снимешь, Ричард? Ты посмеешь огорчить меня?

- Анна, пощади! - рыдал Ричард Бёрбедж, все больше напоминая в своем бесстыдстве и безобразии короля Лира.

В дверях толпились уже и актеры, и обслуживающий персонал. Возможно, прервался спектакль, и весь город стоял в дверях, и бурлил, и наслаждался этой высокой трагедией. Актриса просто не имела права не утолить народной тоски по классике. Она бы себе этого не

простила как режиссеру.

- Тогда я сама тебя раздену! - возвестила Анна Романовф, сделав несколько шагов к Ричарду, согнулась и наложила решительные длани свои, унизанные драгоценными кольцами, на шею Ричарда Бёрбеджа - к тому месту, где начинались крючки, на которых держался колет.

Но произошло нечто недопустимое. Рич завизжал, схватил, рыдая, Анну за обе руки и оторвал их от себя. Он забился под гримерный столик. Опрокинулся на пол стул. Покачнулся и рухнул трельяж, увлекший за собой всю актерскую косметику, с пола поднялось сладкое облако пудры. Из-под стола тем временем несло душенадрывающее:

- Отнимают! Ничего у человека не осталось, так отбирают и последнее! Дайте хоть пожить самую малость себе на радость, изверги! Привыкли издеваться над актерами! Не отдам! Отвяжитесь от актера! Оставьте актера в покое!

Рич Бёрбедж выкарабкался из-под столика, вскочил на ноги и ринулся на телекамеру, на разинувшую пасть корреспондентку, по дороге сшиб Анну Романовф, та упала на кресло и больно ударилась об его ручку. Рич Бёрбедж бежал по коридору до тех пор, пока его вдруг не стало.

Коридор никуда не вел. Он заканчивался стеной. На стене той висел портрет ухмыляющегося сквозь пенсне Станиславского. И стена была, и портрет висел, как висел, только слегка покачивался от сквозняка, а Ричарда Бёрбеджа не было... Хорошо, что всю эту сцену засняла телекамера. Теперь никто не скажет, что это вранье.

Видевшие побег стояли недвижно. Нечасто у нас на глазах живой человек растворяется в воздухе, как мышонок Микки в мультфильме Диснея. Не видевшая последнего акта Анна Романовф вскочила с кресла и побежала за Ричардом в коридор. Она крикнула, как ей казалось, вдогонку убежавшему:

- Ричард, это же бред! Бред! Я не хочу ничего плохого!

Но коридор был пуст.

Тогда Анна Романовф пошла по коридору, отворяла двери гримуборных, заглядывала в них, но Ричарда ни в одной не было. Наконец Анна остановилась под портретом Станиславского. Пощупала раму, заглянула за картину, провела рукой по полотну. Дальше идти было некуда. Она подняла голову и взглянула прямо в глаза своему великому учителю. Он молчал. Ухмылялся. И эти ее поиски следов Ричарда Бёрбеджа камера засняла тоже. Как и ее вопрос, обращенный к стоявшим в другом конце коридора:

- Вы не видели, куда он делся? Где Ричард Бёрбедж?

Ей ничего не ответили. Телеоператор шепнул корреспондентке: «Будешь брать у нее интервью?», и корреспондентка ответила: «Она его уже дала. Дай ее крупняк».

Но все кончилось хорошо. Через неделю на спектакль «Война и

любовь» сбежался весь город. Всем хотелось узнать, кто теперь будет играть роль портного и не надумает ли и он удрать в Падую. Ходили слухи, будто в театре на эту роль устроили конкурс. Желающих жить в Линкольне становилось все меньше, многих мирных жителей обуяла страсть к театру, их потянуло на сцену и в шестнадцатый век. В театр стали съезжаться актеры из других городов Америки. Пошел слух, будто в городке Линкольне образовалась «озоновая дыра» в прошлое, вызванная усиленной работой домашних холодильников и компании IBM, производящей компьютеры. Но миссис Анна Романофф обратилась к шерифу с просьбой оградить театр от посягательств разномастных прощелыг. Она собрала труппу и объявила, что жизнь продолжается, а искусство - бессмертно. Ничего не случилось, и она не потерпит нарушения дисциплины. Дисциплина в театре - это то, с чего он начинается в действительности. Если же, добавила миссис Романофф, в день спектакля Ричард Бёрбедж не явится для исполнения роли портного, его роль будет играть она сама - чтобы поставить во всем этом бреде точку.

И театр продолжал работать, как работал, с тем только дополнением, что билеты на все его спектакли были проданы до последнего дня сезона, а билеты на «Войну и любовь» пришлось дозаказывать в типографии. Возле главного входа и внутри служебного стояло по полицейскому, вооруженному рацией для вызова подкрепления в случае осады разными психопатами.

И вот настал вечер «Войны и любви». Никто и не заметил, как Ричард Бёрбедж оказался за своим туалетным столиком. Он гримировался. Он напевал. Он как раз подводил брови, когда дверь в его гримуборную отворилась и вошла миссис Романофф.

- Хорошо, что ты пришла, я сам хотел к тебе идти, - сказал Ричард деловым тоном, но очень дружелюбно. - Я выполнил обещание, Анна. Вот посмотри: несколько костюмов - для портного, платье для Катарины - талию подгоните под размер Айвы, там вшиты клапаны, и полюбуйся на костюм для Петруччо.

На вешалках висели костюмы из парчи и бархата, обшитые золотом и украшенные таким невероятным количеством драгоценных камней, что Анна Романофф даже испытала нечто вроде отвращения. Она обладала тонким вкусом, не любила ничего чрезмерного. Ей, человеку истинно театральному, было отвратительно все настоящее, всамделишное. Она поддалась порыву, привыкнув доверять своему первому впечатлению.

- Не нужны театру все эти наряды, - сказала она сухо, забыв поздороваться. - Спасибо, Ричард, можешь снести все это богатство в ювелирную лавку. Или в музей. В театре все должно быть театрально.

- Ты думаешь, это натуральные камни и чистое золото? - засмеялся Ричард Бёрбедж. - Что ты! Подделка. Просто, понимаешь, у нас в

Падуе в шестнадцатом веке все было лучше, чем сейчас. Даже искусственные драгоценности. Представь себе! Сами платья тяжеловаты. Парча и бархат - натуральные. Но у нас синтетику, извини, еще не придумали!

Анна Романофф остановила на Ричарде тяжелый взгляд. Она не знала, как разговаривать с этим человеком. Зато знал Ричард.

- Анна, у меня к тебе одна большая просьба. Не смогла бы ты дать мне отпуск на полгода?

- На полгода? - вскричала Анна Романофф быстро, как она это умела, чтобы не отягощать сцену лишними паузами.

- Да. Меньше не выходит. Я хочу съездить к Шекспиру. Пока хорошо себя чувствую.

Анна Романофф села в давешнее кресло, о которое ударилась на позапрошлой неделе.

- Я хочу, - тихо произнес Ричард.

И, поскольку Анна смотрела на него бесстрастно, он продолжал так же деловито, но еще более внятно:

- Мне быстро удалось расширить мое производство. В Венеции у меня уже две мастерские. Я заказал корабль. Небольшую посудину в две палубы. В Англию сейчас безопаснее всего добираться морским путем, по суше мне не доехать. У нас испанцы. С севера лавиной прут австрияки. Они уже в Милане. Позавчера под Бергамо они друг с другом столкнулись. Ты не слышала? О, было что-то страшное... Но австрияки отошли, и испанцы ликуют повсюду. Тем не менее воздух дрожит от напряжения. Через испанцев мне не пробраться, хотя Родриго обещает мне дать с собой секретное оружие, которое у них уже разработано, но о котором пока никто не знает. Оно у них в единичных экземплярах. Родриго - это испанец, отличный парень, тоже портной, из Толедо. Он оставил свое дело и записался в армию, чтобы скопить на новую мастерскую. Понимаешь, приходится водить дело и с испанцами, чтобы жить спокойно. Оружие называется мушкет.

Ричарда вдруг прорвало. Потеряв серьезность, он рассмеялся. Анна Романофф наконец улыбнулась. Она никогда не разговаривала с Ричем по душам, как человек с человеком. Все о ролях, задачах, мизансценах... Рич был всегда каким-то чужим. Оказывается, он нормальный парень!

- С их мушкетом, как ты понимаешь, я далеко не уйду, - сказал серьезно Рич и тотчас опять расхохотался. - Берешь в руки тяжеленную винтовку, а чтобы она стреляла, туда надо засыпать на полок пороху. Только выстрелил - прочисти дуло специальной такой сошкой, потом засыпай новый порох, он просыпается на штаны, на пол... А если в дуле остался порох от прежнего выстрела, то в другой раз можно стрельнуть в другую сторону, в себя, в грудь. Без руки останешься. Морока. И пока перезаряжаешь, до тебя добегут, на тебя

нападут и три раза укокошат без всякого пороха. А дон Родриго носится со своей тайной по всей Венеции и пугает всех до смерти новым видом вооружения, которым оснащается испанская армия!..

Рич опять засмеялся, но коротко: ему - это было заметно по глазам - не нравилась реакция Анны. Она ему не верила. Вот это-то и было не по нему. В сущности, ему на нее было наплевать. Он свой путь выбрал.

- Ну, - произнесла Анна Романофф, - приезжаешь ты к Шекспиру. Что дальше?

- Дальше? Да я с ним хотя бы познакомлюсь. Я узнаю, что это за тип такой. Я, может, и в Венецию-то больше не вернусь! Приехал купцом - остался актером «Глобуса»! Я же актер, Анна! Я хочу работать с Шекспиром! У меня же свободный английский! В Венеции и Падуе я итальянец, потому что я в образе, а чтобы быть самим собой, никем больше быть не нужно. Я должен понять, что это за человек! Да и был ли он на самом деле, понимаешь? Все же говорят, что его не было. А я узнаю.

Анну Романофф начала вдохновлять великая цель.

- Ты его спроси главное: почему в своем завещании он оставил жене кровать - и ни словом не обмолвился ни о пьесах, ни о поэмах, ни о сонетах, - сказала Анна после долгой-долгой паузы. - Вот ради чего следует отправляться в опасное путешествие по морю. Сверхзадача - понять, почему он не считал себя автором? У него что, не было авторского чувства?

Рич слушал ее точь-в-точь как на сцене, когда она из темноты зала внушала ему задачи и сверхзадачи.

- Хорошо, - вымолвил наконец он.

- Спасибо за костюмы. Они нам пригодятся, - произнесла Анна Романофф уже в дверях. - И вот что... Почему бы тебе не взять с собой пистолет? Я могу дать тебе свой.

- Я все равно никогда не решусь выстрелить в человека.

- А я, знаешь, учусь. Ты заметил, театр окружен полицией?

- Нет, я там не был.

- Где? - не поняла Анна Романофф.

- На улице, - просто сказал Рич.

- Ах, да... - смятение охватило Анну Романофф, и она поспешила выйти в коридор. - Театр прямо-таки в осаде. Я получила разрешение на ношение оружия. Я его не просила, мне предложил какой-то офицер из полиции.

Удивительно, но мысль, что Рич Бёрбедж - это, в сущности, ничтожество, серый актеришка, хотя, как оказалось, и хороший парень - перемещается в пространстве не как все, эта мысль вспыхивала в сознании, словно зарница, которой никогда не ждешь. И тогда на великую реалистку Анну Романофф обрушивался отчаянный страх. Она успевала подумать, что вот так сходят с ума. Она принималась

двигаться, делать что-то простое - пить воду, смахивать пыль, закуривать... Сейчас она достала носовой платок и протирала раму у портрета Станиславского. На раме не было ни пылинки, но главный режиссер возмущалась:

- Безобразия! А я все время удивляюсь, почему на мужской половине нечем дышать!

В антракте полицейский сообщил, что ее добивается мистер Риддс. Мистера Риддса впустили.

Он нашел главного режиссера в кабинете, где когда-то сидела его жена, миссис Риддс, в огромной шляпе с пером. На предложение присесть мистер Риддс, мужчина тощий и малокровный, с роскошным рубиновым перстнем на безымянном пальце, не откликнулся. Стараясь быть немногословным, мистер Риддс протянул Анне Романофф письмо.

- Передайте это письмо Ричу, мэм. Там подписи членов всей нашей семьи. Только скажу, что мы написали.

- Не нужно мне знать, что в чужих письмах.

- Да какое же оно вам чужое? - зло парировал мистер Риддс, на глазах как-то оседая и становясь похожим на свою коренастую жену, он даже заговорил так же быстро, как она. - Вы же отказали моей жене в ее малюсенькой просьбе - вы теперь нам не чужая, извините, прошу прощения. Мы ему написали, что из-за него уезжаем из Линкольна. Пусть не приходит в дом, там будут жить другие. Мы люди простые. И мы приняли самое простое решение, которое надо было принять давным давно, а не цацкаться с ним.

- Нет, вы не простые! - быстро выкрикнула Анна Романофф. - Вы сложные! Если вы уверены, что Рич попал в беду, как же вы можете бросить его? Уедете вы, через два месяца уедет на гастроли театр - к кому же Рич придет, если что?

- А он о нас подумал, мэм? Он полагает, что этими перстеньками заслужит любовь близких ему людей? А я перстень принял потому, что жена заставила! Я колец не ношу!

- При чем тут кольца, украшения, перстни? - спросила Анна Романофф, глядя на зятя Рича с ненавистью. - Вы сказали, что уезжаете из города. Если с Ричем что-то случится, ему же некуда будет пойти! Вы от него сбегаете, бросаете его! Ричард - чудесный человек, он не способен на обман, он такой бесхитростный, открытый, он - душа нашего театра! А как любит его публика, боже мой! Я горжусь, что в нашем театре есть такой незаурядный человек! Мы все гордимся, в позапрошлом году актерская гильдия чуть не избрала его председателем комиссии по этике и нравственности! А вы его стыдитесь!

- Возьмите его себе, - вставил мистер Риддс, заставив Анну Романофф умолкнуть. - Вы, я вижу, артистка еще та. Правильно жена

сказала, что с вами ни каши, ни супа не сваришь и простой селедки не почистишь. Вот и любуйтесь своим Ричардом на здоровье. А у нас в доме артистов больше нет и не будет. Мы его похоронили. Мы бежим от искусства, будь оно много раз проклято! Он нам все мозги продырявил своим искусством, своей «музыкой слова», как он говорит! Пусть он пляшет сам под эту музыку вместе с вами! А мы проживем и без нее.

- Вот теперь я вас раскусила! Я вас прекрасно поняла! - закричала Анна Романофф. - С этого бы и начинали. А то - кольца, перстни, бескорыстие... Вы - обыватели. Вы не признаете Искусства!

Мистер Риддс помялся у двери и наконец вышел.

- Обязательно передайте вашей жене, что я ни за что не сниму ее папу с роли! Пусть не надеется! - кричала ему вдогонку миссис Романофф.

Из коридора донеслось:

- Делайте с ним, что хотите! Мы его знать не знаем!

Мистеру Риддсу поменять обличье было парой пустяков. Перед тем как выйти из кабинета, он снова сделался тощим, малокровным, как мальчик. Ему даже не пришлось растворять дверь широко - он прошмыгнул в щелочку.

- Меняется прямо на глазах, мерзавец! Вот все они такие, мерзавцы двуличные! - сказала вслух Анна Романофф. - Только что был полон самодовольства, наступал и обвинял, посмел кричать на меня, я его даже испугалась, а теперь усох с расстройства. Дошло, наверное, что Искусство не зависит от таких, как он, тварей рода человеческого. Оно существует, мистер Риддс, да будет вам известно! И не в вашей власти отменить его! Оно не зависит даже от меня. Мы только служим ему. И счастлив бывает тот из нас, до кого донесся голос свыше. Не всякому дано! Ричарду повезло как наиболее достойному из нас. В конце концов, он и мне сто раз твердил о музыке, которая звучит в его душе. Но разве я, самый близкий ему человек, понимала его? Разве я услышала мелодию, которую он хотел мне подарить? Нет. Он хотел посвятить меня в нее, а я его не понимала. Я управляла человеком, под чью власть должна была подпасть. О, как я перед ним провинилась, перед этим актером! Никто из нас его не понимал. Он сейчас находится там, куда попадают избранные. Разве Станиславский не учит нас верить в роль, которую поручил нам театр? Ричард поверил - и был вознагражден. Нам с вами, мистер Риддс, там нет места...

Анна Романофф никогда еще не говорила сама с собой в полный голос. В эту минуту она впервые поняла природу монолога. Вместо радости открытия она испытала нечто вроде ужаса. Перед ней словно бы раскрылась бездна того самого, ею так любимого, Искусства.

Дна в той черной бездне не было. Реалистичное Искусство было на

самом деле Мистикой! В самом деле, это же просто ужасно, когда человек говорит сам с собой, обращается к кому-то, кого рядом нет! Анна Романовф стояла в своем собственном кабинете, но вдруг потеряла его из виду. Она перенеслась в пространство, населенное семейкой Риддс, явственно видела перед собой лица дочери Ричарда, зятя, внука Джорджа, еще каких-то родственников. Но она же их не знала! Никогда их не видела! А, вот жена Ричарда, она выше его ростом, вытянутая вверх особа с оплывшими от бессонных ночей глазками... Одни слушали монолог Анны внимательно, другие усмехались. Но когда сказать ей стало больше нечего, родственники пропали - она вновь увидела свой кабинет с собой посередине.

Ее речь, обращенная к людям, которые существовали для нее, но которых не существовало больше ни для кого, привела ее к самому краю бездонной пропасти. Она даже отступила и схватилась за стол. Она закурила, чтобы вернуть себя к себе. Она привыкла быть в нашем измерении и не хотела бы попасть ни в какое другое. Бросила на стол зажигалку - письмо упало на пол. Анна Романовф подняла его, пощупала, конверт был толстый.

- Понаписали папочке прощальных беспощадных слов, осуждающих его на вечное одиночество, чтобы он мучился посильнее. Бросили папочку в бездну искусства, а сами смылись. Так вот как относятся к тем, перед кем открылось сокровенное... И я была в их числе.

Семья Риддс не появилась.

- Я-то в своем уме, - сказала вслух Анна Романовф. - В своем ли другие? Безумен тот, кто бежит от Искусства, боясь нечаянного просветления.

Положив конверт обратно на стол, Анна Романовф отправилась на сцену досматривать спектакль. Она дошла до самой сути, которая оказалась совсем нестрашной, вполне вписывающейся в земные мерки.

...Три года спустя на здании Линкольнского драматического театра появилась удивительная афиша:

**СЕНСАЦИЯ! ТОЛЬКО В АМЕРИКЕ И ТОЛЬКО В ЛИНКОЛЬНЕ!
ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ ПОКАЗ САМОЙ ПОСЛЕДНЕЙ ПЬЕСЫ ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА «ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ»!
ПЬЕСА НАПИСАНА СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ЛИНКОЛЬНСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ТЕАТРА.
В РОЛИ ШЕЙЛОКА ЛИЧНЫЙ ДРУГ ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА - АКТЕР ЛИНКОЛЬНСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ТЕАТРА РИЧАРД БЁРБЕДЖ,
КУПЕЦ ИЗ ВЕНЕЦИИ. В АМЕРИКЕ - ВПЕРВЫЕ!**

**БЛИЖАЙШАЯ ПРЕМЬЕРА - «КОРОЛЬ ЛИР».
В РОЛИ КОРОЛЯ - ПЕРВЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ ЭТОЙ РОЛИ В ТЕАТРЕ ШЕКСПИРА «ГЛОБУС» - РИЧАРД БЁРБЕДЖ.**

Тогда же возобновился и памятный многим спектакль «Война и любовь», только под другим названием - «Укрощение строптивой». На

три года его пришлось снять с репертуара, но теперь он повторяется каждый сезон и идет до сих пор. Однако играют его не слишком часто, чтобы не очень-то баловать публику. Приблизительно раз в месяц.

* * *

*Тот, у кого нет музыки в душе,
Кого не тронут сладкие созвучья,
Способен на грабеж, измену, хитрость;
Темны, как ночь, души его движенья
И чувства все угрюмы...*

В.Шекспир. «Венецианский купец», V, I.

НИКОЛАЙ ГОРНОВ
ЗАРОДЫШ

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Туманная осень, когда появился на свет будущий гений финансового рынка Ромка Берёзкин, выдалась еще и на редкость холодной, а в

сентябре отмечались первые заморозки даже в относительно южном Волгограде, куда на седьмом месяце трудной беременности приехала из своего северного Усть-Кута мать Ромки - Светлана Берёзкина. Знала бы Светлана, что на поддержку волгоградской родни ей рассчитывать не имеет смысла, может, и не трогалась бы с места. Впрочем, Светлана тогда многого не знала. И что рожать ей придется в холодной палате ничем не примечательного роддома номер два на улице Совнархозной, и что имя ее навсегда останется в новейшей истории, поскольку не многим женщинам выпадает честь стоять у колыбели одного из самых крупных капиталов новой России. Она и сына-то своего, Ромку, толком узнать не успела. Судя по официальной биографии магната, Светлана Берёзкина умерла спустя полгода после возвращения с новорожденным сыном в Усть-Кут, где папа его, Аркадий, трудился в то время по линии снабжения в местном отделении железной дороги.

Ненадолго, кстати, пережил жену и Аркадий. После похорон любимой супруги известный на весь Усть-Кут остро слов, бабник, балагур и просто красавец превратился в бледную тень себя самого, стал сильно пить, шарахался от людей и редко появлялся на работе, вследствие чего Ромку из опасения за его судьбу взяла на воспитание бабушка. А еще через полтора года на одном из многочисленных субботников с Аркадием произошел несчастный случай. Плохо закрепленная стрела башенного крана сорвалась и перебила ему обе ноги. Три дня спустя Аркадий умер. Врачи только развели руками. Сказали: крайне редкий случай. Мол, частицы костного мозга забили кровеносные артерии. Ромке про смерть отца долгое время не сообщали. Сначала придумывали папину занятость, затем врал про какие-то длительные командировки, а потом сироту и вовсе отправили подальше из Усть-Кута - к старшему брату отца, Леониду Берёзкину, который жил в то время в Сыктывкаре, а трудился главным бухгалтером в какой-то лесной конторе Республики Коми.

Вот так и вышло, что один из самых богатых и влиятельных людей планеты, чье состояние оценивается сегодня цифрой с сумасшедшим количеством нулей, провел детство и значительную часть своей босоногой юности в старой панельной пятиэтажке на окраине забытого всеми богами города Сыктывкара. Там он без блеска окончил среднюю школу, поступил в индустриальный институт, а в положенное время был призван оттуда же на службу в военно-строительный полк куда-то под Архангельск. После службы Ромка возвращаться в Сыктывкар не пожелал, только завернул на пару дней к дяде Леониду, после чего рванул в Москву, где воспользовался возможностью пристроиться на проживание к другому дяде - Андрею Берёзкину. Время тогда было странное, мутное, неопределенное. Но Ромка в нем не потерялся. Для начала организовал кооператив по производству игрушек из

второсортной пластмассы, а потом стал заниматься, как принято говорить, торгово-посреднической деятельностью. И был в этой деятельности даже успешен. Правда, тогда еще никто не решался предрекать молодому кооператору столь блестящего будущего.

Перелом для Ромки Берёзкина случился в начале девяностых, когда на просторах страны могло бесследно раствориться все, что угодно. В случае с Ромкой растворился железнодорожный состав из пятидесяти пяти цистерн, доверху наполненных государственным дизельным топливом. Состав вполне благополучно выехал из ворот Ухтинского нефтеперерабатывающего завода, сколько-то километров прогромычал по рельсам родины, но к адресату не прибыл. И хотя достоверно об этом деле ничего не известно до сих пор, но в ходе следствия многие свидетели высказывали подозрение, что придумал успешную операцию Ромка. Во всяком случае, именно он был замечен с подложными документами на станции «Подмосковная», где государственные цистерны видели в последний раз. Впрочем, следственное управление ГУВД города Москвы глубоко в это дело погружаться не стало. Материалы были направлены на доследование в Ухту, где их след затерялся окончательно. А спустя три года уже и спрашивать было не с кого. К тому времени Ромка стал большим человеком - совладельцем нефтяной компании «ХантыНефть».

Примерно на то же время пришелся и расцвет финансовой империи «Бета-Банка», за которой, как известно, стоит Михаил Мартович Фурманов, один из бывших друзей Ромки Берёзкина. Миша был старше Ромки ровно на два года, на два десятка килограммов тяжелее, курс молодого бойца проходил не в Советской армии, а в орденоносном Ленинском комсомоле, но тем не менее нечто общее у этих юношей имелось. Например, странности в их биографиях. Как и в случае с Ромкой, история появления Миши на свет буквально пестрит лакунами. Известно только место рождения - в городе Львове Фурмановы не редкость, - ну а все остальные факты вызывают множество вопросов. Известно, что маме Миши, Марии Львовне, было в момент его рождения уже далеко за сорок. Она долго не могла зачать. И как же она справилась с этой задачей? Как незаметно для окружающих смогла перенести столь позднюю беременность? И как, в конце концов, ухитрилась без особых последствий разрешиться от бремени, да еще таким розовощеким крепышом? Официальные биографы Михаила Мартовича на такие вопросы ответов не дают.

А почему юный Миша воспитывался в такой пуританской строгости? Обычно в поздних и долгожданных малышах родители вкладывают все силы, без устали балуют их и взращивают в итоге нежных, неприспособленных и самовлюбленных отроков. В случае Миши Фурманова этого не произошло. Мария Львовна, не отличавшаяся до родов крутым нравом, после появления на свет Миши спуску не давала

ни старшему Фурманову, ни младшему. Гостей она перестала принимать вообще, да и Мише никого из друзей приводить в дом не разрешалось. И большую часть своего детства отличник Миша проводил в одиночестве, развлекая себя мечтами, чтением приключенческих книг и долгими беседами с двумя любимыми волнистыми попугайчиками - Осей и Мотей, судьба которых сложилась потом, как говорят, печально.

Впрочем, еще неизвестно, как сложилась бы судьба самого миллиардера, останься он чуть подольше под влиянием матери. Но юному Фурманову удалось сбежать из дому буквально сразу после окончания школы. Предлог он нашел весомый - поступление в Московский физико-технический институт. Правда, в этот вуз Миша не попал и забросил свой аттестат в Московский институт стали и сплавов, первым оказавшийся у него на пути. Будущему финансовому гению не исполнилось тогда и семнадцати, в своей студенческой группе он был самым молодым и толстым, что могло бы, по идее, доставить ему множество неприятных минут, но робкий юноша не зажался, не замкнулся в себе, как следовало ожидать, а совсем наоборот - расцвел. Успевал играть на простеньком синтезаторе в факультетской рок-группе «Земляничная поляна», нещадно колотить грушу и даже пробегать ежедневно по пять километров, чтобы сбросить весовые излишества.

Успешно шло продвижение Миши Фурманова и по комсомольско-карьерным ступенькам. Да так стремительно, что к третьему курсу он преобразился до неузнаваемости. Стал тонким, звонким, задиристым, властным. К тому времени он научился стильно одеваться и мог на спор познакомиться на улице с любой красивой девушкой. Многие были уверены, что деньги у Миши возникали сами собой. Но это было не так, конечно. Деньги Миша зарабатывал торгово-финансовыми операциями, которые обязательно завершались успехом. Но из этого вовсе не следует, что каждый ничем не выдающийся паренек из города Львова всего за каких-то десять лет может прибрать к рукам огромные активы во многих ключевых секторах экономики - нефтяном, банковском, страховом, телекоммуникационном. И даже если допустить, что был Миша фантастически упрям, рачителен, педантичен, расчетлив, рассудителен, подозрителен и до крайности умен, то все равно таких людей найдется не одна тысяча. Какая же алхимия помогла именно Мише Фурманову? Нет ответа на этот вопрос.

Не помогут в поисках ответа и старшие Фурмановы. Пожилая чета в конце восьмидесятых покинула Львов и перебралась на постоянное место жительства в Кёльн, а потом, как говорят, еще дальше - на Фиджи. Видимо, они там счастливы. Правда, один любознательный русский паренек, имеющий австралийское подданство, не поленился объехать все триста тридцать два острова этой замечательной во всех

смыслах республики и ни в одном из интернациональных поселений Фиджи, где разрешалось проживать иностранцам, следов пожилых родителей русского финансового магната не обнаружил. О чем и поведал на своей страничке в социальной сети «Фэйс-то-Фэйс». А спустя несколько дней голландские серверы, на которых размещался портал, подверглись массивной DDOS-атаке, после которой владельцы популярной некогда сети еще почти год собирали обрывки пользовательских файлов по всему DATA-центру.

Ничем не завершились и попытки поиска родителей Виктора Вайсберга - гражданина Мира с паспортом государства Лихтенштейн. Когда его старики, никогда не покидавшие родного Дрогобыча, решили зачем-то перебраться в славный город Конотоп, то власть в этом городе сразу взяла в свои руки транснациональная корпорация, контролируемая Вайсбергом, на чем все поиски и закончились. Давно недоступны для внешнего мира родственники депутата-миллиардера Руслана Кемирова, главного специалиста России по слияниям и поглощениям. Отец Руслана много лет отработал следователем в уголовном розыске города Дербента, а мать занимала должность бухгалтера в городской сберкассе, что на углу проспекта Ленина и бульвара Победы, но однажды родители Кемирова тоже решительно снялись с насиженного места и переехали в Ближнее Подмосковье. Куда именно - неизвестно. И неизвестно, где проживают сегодня две незамужние сестры Кемирова.

Непонятно, куда разбежался медперсонал родильного дома в Волгограде, где, как уверяют, появился на свет Роман Берёзкин. Здание было признано аварийным еще двадцать лет назад и тогда же снесено постановлением Волгоградского горисполкома. Странно, правда? Впрочем, никому до этих странностей дела нет. Только я иногда о них и вспоминаю, когда нужно чем-то голову занять. Как сегодня, например. Пустую комнату я уже давно изучил. Разглядывать дальше белый потолок в желтых потеках и четыре стены с обоями в полоску - бессмысленно. Можно, правда, еще смотреть в окно. Но сектор обзора уж слишком ограничен. Виден только угол соседнего дома, мрачной серой пятиэтажки, где постоянно ругаются местные жители. Голоса у всех местных гортанные, по-восточному экспрессивные. Из чего нетрудно сделать вывод, что это турки-гастарбайтеры. Значит, с большой долей вероятности я могу предположить, что нахожусь сейчас на окраине восточной части Берлина, в каком-нибудь старом спальном районе типа Карлсхорста.

Этот район мне не по душе. Аура у него плохая. Как и у многих районов Восточного Берлина, впрочем. Но уйти я никуда не могу. Мою левую руку сжимает полицейский наручник, объединенный с чугунным радиатором центрального отопления стальным тросиком в зеленой пластиковой оплетке. Они хоть и продаются в любом магазине

спорттоваров, но конструкцию имеют вполне надежную, поэтому вырваться не стоит даже пытаться. Можно лишь отползти на полметра от стены. Но ползать мне не хочется из-за головной боли. Моя бедная голова раскалывается так, словно вчера на нее наступил слон. Нет, даже не слон. Животное, наступившее на меня вчера, было намного крупнее слона. Оно было размером с карьерный самосвал БелАЗ. И только полный идиот не смог бы разглядеть такую опасность вовремя...

- Алик! - кричу я в глубину квартиры, все еще надеясь, что он прячется за стенкой. Но ответа нет. И это меня раздражает. Я со стоном перекатываюсь на бок и думаю о том, что мой бывший друг Алик, хоть и паскуда и тварь, но непредсказуемые поступки - это не в его стиле. Боль понемногу перетекает из затылка в правый висок. Я сдвигаю наручник пониже, на запястье, как можно компактнее сворачиваюсь на куче провонявших сырой рыбой тряпок и опять закрываю глаза. Мне нужно успокоиться. И что-то придумать к приходу этого психопата. ..

* * *

- Уже проснулся, Жека? Головушка как? Все еще бо-бо?

В глаза мне бьет яркий свет. Я морщусь и пытаюсь закрыть лицо руками.

- Алик, да отстегни ты наручники. Ты что, похитить меня решил? За меня выкуп точно никто не даст, ты же знаешь...

- Жека, не делай мне смешно!

- Тогда хоть воды принеси, - прошу я, стараясь не раздражаться.

- Воды? - Алик нагло ухмыляется, небрежно вытаскивает из кармана банку колы и бросает ее мне. - Я забыл оставить воды? Ах, извини, дружище!

Кола теплая, пенистая и мучительно сладкая. Но я все равно опустошаю банку в три глотка...

- Альбертыч, будь человеком, принеси минералки, - прошу я. - Или хотя бы простой воды из-под крана...

- А ты был человеком, когда я тебя по всему свету искал, а? - ворчит он.

- Откуда я мог знать, что ты меня ищешь? - парирую я.

- Скажешь, не знал, что это я звоню? И сообщения мои не видел, да?

- Клянусь, не знал. Мало ли кто мне в блог пишет. На все сообщения неотреагируешь. Насчет звонков - это да. Виноват. На незнакомые номера не отвечаю...

- Значит, не скрывался?

- Говорю же, нет!

Алик грустно качает головой.

- Поздно, Жека. Ты уже спалился... Водой я тебя, конечно, обеспечу. Кормить тоже буду. Еды у нас в достатке. Даже никуда бегать не придется. Я на этот случай ящик консервов припас. Надеюсь, ты не огорчишься, что они кошачьи?

- Огорчусь.

- Мне будет трудно, конечно, но я переживу твоё огорчение, - усмехнулся Алик.

- А наручники снимешь? - вяло интересуюсь я.

- Когда увижу твою готовность к добровольному сотрудничеству. Ферштейн?

- Гитлер капут...

- Вот это совсем другое дело, дружище. Поднимайся. Приглашаю тебя к столу. Посидим, потрещим. Как в старые добрые времена. Но сначала подставляй ноги. Буду делать тебе временные путы. И руками не размахивай. Держи их за спиной до тех пор, пока я не пристегну тебя к кухонному столу. Дергаться не пытайся. Сбежать тоже. Учти, в случае сопротивления - стреляю!

Алик с ухмылкой хлопает по оттопыренному карману своей камуфляжной куртки и гордо демонстрирует его содержимое.

- Видел такую штуку?

- Видел, - киваю я. - Если ты не у косовских албанцев ее брал, то поздравляю. Достойный выбор. «Беретта М-98». Калибр - 7,65. Масса - около килограмма. Магазин на 15 патронов. Был принят на вооружение армией США в 1985 году. Пистолет весьма неприхотливый, надежный, с приличной кучностью боя...

- Молодец, - улыбается Алик. - Все знаешь.

Я пожимаю плечами. В том смысле, что если у человека в руках «Беретта», то спорить с ним резона нет. Я лучше соглашусь быть прикованным к кухонной батарее. Тем более что там я буду не одинок. На кухне хозяйничает женщина Алика. Она крошит что-то на разделочной доске, всхлипывает и коротким движением смахивает слезу. Но я не отношу эти эмоции на свой счет. Видимо, она крошит лук.

- А фрау будет с нами ужинать? - намеренно громко интересуюсь я.

- Сам ты фрау! - фыркает она, стряхивая лук с разделочной доски на огромную черную сковородку. - Я фройляйн. И не возникай, если не спрашивают. Усек?

- Да, - послушно киваю я. - Усек.

Сегодня мне легко со всеми соглашаться. Я почти невесомый. У меня нет эмоций. У меня все хорошо. Я всем доволен.

- Только еще один вопрос. Можно?

- Валяй, - соглашается Алик. - Мы же друзья или почему?

- А у фройляйн есть такой пистолет?

- А не твоё собачье дело! - вспыхивает она. - Все у меня есть. Но я

тебя и без всяких пистолетов порву на британский флаг!

Алик громко ржет и двигает в мою сторону пепельницу с пачкой «Мальборо».

- Кури, май френд. Наслаждайся, пока я добрый.

- Спасибо, я три года как бросил. И тебе советую. Я практически перестал кашлять. И вообще стал меньше болеть острыми респираторными заболеваниями.

- Хочешь долго жить? - Женщина Алика отходит от плиты, вынимает из пачки сигарету и демонстративно прикуривает.

- А вы разве не хотите? - удивляюсь я.

Она фыркает, подходит почти вплотную и долго выдыхает дым мне в лицо. Похоже, желает получить удовольствие от моего унижения. Странная женщина. Нет, скорее, девушка. Ей около двадцати пяти. И она вполне могла бы считаться симпатичной, но, на мой взгляд, ее портят хищные ноздри и неприятной формы подбородок.

- Чего пыжишься, урод? Все еще нравлюсь? Или не узнаешь?

Она смеется, возвращается к плите и бросает в пластиковую тарелку пригоршню разогретого на растительном масле картофеля фри. Я послушно принимаю тарелку и едва сдерживаюсь от острого желания стукнуть себя кулаком по лбу. Черт! А ведь она права: я урод. Ведь это та самая Маша, с которой я «зажигал» вчера в «Сталинграде». Теперь картина становится понятнее. Коктейли пили? Пили. Кто за ними ходил? Она и ходила. Могла эта фройляйн подсыпать в мой коктейль какой-нибудь гадости? Однозначно могла. Значит, сам виноват. Нечего было торчать в дешевом дансинге. Хотел посмотреть, как живет русский Берлин? Вот и посмотрел. Хорошо живет...

- Алик, - не выдерживаю я. - Тебе что от меня нужно?

Алик долго молчит, поглощая разогретый картофель с таким аппетитом, словно только что вернулся из голодающей африканской страны, потом вытаскивает из кармана мой портмоне и крутит его в руках.

- Можешь взять все содержимое, - сразу соглашаюсь я. - Но портмоне не трогай. Он дорог мне как память.

- Сколько здесь? - хмыкает Алик.

- Вчера были две купюры по двадцать евро. И карточка «Виза». На ней примерно пятьсот. Можешь взять всё. Я скажу код. Но больше ничем не могу помочь.

- Странно. - Алик удивленно поигрывает бровями. - У тебя. В портмоне. Живут. Бабки. Ты же страшно не любишь бабки, Жека. Даже в руки их стараешься не брать. Или я что-то пропустил? Что-то изменилось за то время, пока мы не виделись? Тебя же от бабок всегда трясло, как бешеного паралитика...

- От «деревянных» меня и сейчас трясет, - как бы неохотно признаюсь я.

- Ха! А от евро, значит, не трясет? - удивляется Алик.

- Тоже потряхивает. Но слабо. Вообще, чем тверже валюта, тем слабее через нее проходит сигнал. Не знаю почему. Но это так. И рубль - еще не самый сильный проводник...

- А это мы сейчас проверим. - Алик по-хозяйски копается в моем портмоне, вытаскивает из него мятую двадцатку и припечатывает ее к столу. - Бери, Жека, не стесняйся. Здесь все свои.

Я со вздохом поднимаю со стола синюю купюру весом в восемьдесят одну сотую грамма. В кончиках пальцев чувствую только легкое покалывание. Алик, кажется, разочарован.

- Так-с, - говорит он. - Первый эксперимент следует признать неудачным. Попробуем теперь с нашими. Мария, давай тысячную. Нет, для начала - сотку.

Девушка снимает с подоконника свою сумочку, долго ищет в кошельке мелкую купюру и со смешком кладет ее на стол. Я напрягаюсь. Мне очень не нравятся рубли. Я не видел их уже два года. А была бы возможность, так не видел бы и до конца жизни...

- Давай, Жека, не тяни.

Алик нетерпеливо подвигает сотенную ближе ко мне. Я осторожно притрагиваюсь пальцем к полузабытым очертаниям Большого театра, но поскольку площадь контакта небольшая, то боли почувствовать не успеваю. Так, легкий угол, словно острой иглой.

- Нет, ты деньги в руки возьми, в руки, - настаивает Алик.

Зажмурившись, я на долю секунды накрываю купюру ладонью. Сразу же с шипением отдергиваю руку, но кисть все равно успевает занеметь.

- Как ощущения? - живо интересуется Алик.

- А ты не видел? - ворчу я.

- Вот, Маша, как людей от родных осин-то колбасит! - довольно хрюкает Алик над собственной шуткой. - А расскажи мне как другу, какие купюры в руки лучше вообще не брать?

Я коротко пожимаю плечами. Все я и сам не успел попробовать. Мне вполне хватило рупий. Когда я случайно за них схватился, то почти месяц руку лечил. Такой сильный ожог был, что никакие припарки не помогали. Кожа почти до локтя слезла...

Девушка Маша демонстративно отворачивается к окну и вяло интересуется:

- И долго мы еще будем здесь развлекаться? Только время теряем...

Задумчивое выражение на лице Алика мгновенно исчезает, словно кто-то стирает его мокрой тряпкой. Теперь у него на лице одна лишь деловая озабоченность.

- Да, Жека, она права. Времени у нас мало. Искал я тебя долго, поиздержался, сам понимаешь, в дороге. Да и Али-Бабе задолжал за два месяца аренды...

- Понятно, - киваю я. - Сколько с меня за беспокойство?

- Не перебивай. Дело не в сумме, а в принципе. - Алик косится на подружку. - Нет, ну и сумма, конечно, имеет значение. В общем, с тебя сто тысяч евро. Это мои прямые затраты, как ты сам понимаешь. И еще моральный ущерб.

- Не многовато? - удивляюсь я. - Сто тысяч евро? Ты в своих поисках на Марс случайно не летал?

Маша хмыкает. Лицо Алика сразу идет красными пятнами. У него это с детства. Когда он психует, то всегда краснеет.

- Вопросы задаю я! - взвизгивает Алик. - Ты думаешь, мне в Колумбию мотаться хотелось? Или в Камбоджу?

- Да понял, понял, - примирительно говорю я. - Ты только ничего плохого не думай, но ни в Колумбии, ни в Камбодже я никогда не был. И деньги, которые ты просишь, я в жизни не зарабатывал. Ты ничего не попутал, Алик? Это же я, твой старинный друг Евгений Титов, простой русский программист. Мне на последней работе платили всего двадцать пять тысяч евро в год. А четыре месяца назад меня вообще уволили...

Но Алик меня уже не слушает. Ему кружат голову близость сладкого и теплого тела его подружки Маши и ощущение наступающей победы разума над здравым смыслом. Он важен и самоуверен. Он набирает воздуха и небрежно бросает:

- Вот только не надо мне этих твоих ля-ля, Евгений. Я понимаю, что таких бабок в данный момент у тебя нет. Но зато ты знаешь места, где они есть. Ты же у нас гений по части финансовых потоков. Вот и покажи нам место, где эти потоки самые жирные. Там мы и встанем...

- И что потом? - интересуюсь я.

- А потом мы наберем много-много бабосов и быстро-быстро с ними побежим. Грубо говоря, дадим деру!

Алик доволен. Он сегодня буквально фонтанирует тупым юмором.

- Но и это еще не все, Жека. Когда мы возьмем все, что ты мне задолжал, то пойдем искать то волшебное место, где должен выплываться этот твой Зародыш,

- А-а, ну теперь мне все понятно, - киваю я.

И сразу замолкаю, чтобы потянуть время. Потому что на самом деле мне ничего не понятно. То есть желания Алика - они понятны, поскольку естественны и просты, как у любого одноклеточного организма, которому необходимо питаться и размножаться. Но я не верю, что мысль о том, чтобы найти меня и взять в заложники, родилась в одноклеточном мозгу Алика сама собой. Не верится мне и в то, что катализатором такого желания могла стать его одноклеточная подруга Маша...

- Почему молчим? - ехидно интересуется Алик.

- Потому что говорить не о чем, - со вздохом произношу я. - С тех пор когда мы все слегка разругались - не хочу напоминать причину ссоры, поскольку она тебе может быть неприятна, - темой Зародыша я не

занимался. Я вообще думаю, что мы тогда сильно ошибались. И даже если Зародыш действительно существует, то найти его программными средствами не представляется возможным. Здесь, видимо, нужен был какой-то другой метод. Я думаю...

- А ты не думай, - развязно перебивает меня Алик. - Ты нисколько не изменился, Жека. Все время нудишь по каждому пустяку. Что, опять собрался меня лечить своим абстрактным гуманизмом? Мы потому и разбежались, что ты все время пытался всех лечить. Но теперь я тебя слушать не стану. Я буду действовать. Тем методом, который считаю правильным. Ферштейн?

* * *

Стайка потомков гордых сельджуков, расположившаяся прямо под козырьком подъезда, дружно поворачивает десяток голов и пристально наблюдает, как мы рассаживаемся в рассыпающийся от старости «мерседес».

- Вот же черти! - нервно возмущается Алик, вжимаясь в водительское кресло. - Весь город заполонили. Куда ни зайди - одни турки.

- Не весь, - рассеянно поправляю я. - По официальной статистике, их чуть больше двухсот тысяч...

- Куда двинем? - Алик уже опять улыбается. Видимо, в мечтах он давно обходит вместе с Машей шикарные магазины, сосредоточенные вокруг бульвара Кудамм, и готовится осваивать бутики на Потсдамерплац и Фридрихштрассе.

- Езжай прямо, а потом вперед. Интересно, где ты таким корытом разжился? Попал на распродажу имущества Тевтонского ордена?

- В Магдебурге купил у какого-то старого фрица, - ворчит Алик. - Прикинь, сначала он за эту телегу три штуки евро просил... Ладно, чего это мы опять о грустном. Пора, друзья, наслаждаться жизнью. Сегодня же свезу этого «мерина» на свалку. Или нет, лучше задвину его Али-Бабе в счет аренды. - Алик хихикает. - Слышь, Жека, набрось за разъездной характер работ еще пятьдесят штук. А что? Вполне справедливо будет. Я тебя и на новой машинке покатаю. Как думаешь?

- Думаю, мы справимся, - киваю я. - Только ты на дорогу смотри, а то задавишь торговца кебабами...

Маша взвизгивает. Алик в последнюю секунду успевает выкрутить руль, растерянный торговец отскакивает влево, бросив свою громоздкую тележку, и еще долго с испугом смотрит нам вслед.

- Твою мать! - возмущается Алик. - Понаехали тут!

Следующие полчаса мы молчим. И мне это нравится. Когда Алик приближается к очередному перекрестку, я на некоторое время задумчиво закрываю глаза, как бы вглядываясь во что-то, видимое

только мне, а потом показываю рукой следующее направление. На самом деле мы движемся абсолютно произвольно. Просто я жду, когда они намотаются по городу, устанут, а за это время надеюсь придумать что-то стоящее. Но для этого мне нужно, как минимум, расслабиться и стать таким легким, чтобы я смог взлететь над крышами Берлина и хорошенько осмотреться...

Проскочив далеко на северо-запад к Тегельскому озеру, мы делаем крюк по западным районам, заправляемся, перекусываем разогретыми бутербродами в «Бургер-Кинг» и опять поворачиваем на восток. Вообще-то Берлин я знаю отвратительно. Только редкие его куски. Там, где жил и работал. И когда изредка перемещался по Берлину, то пользовался исключительно метрополитеном. Но сейчас я вижу, что по берлинским улицам передвигаться несложно. И даже приятно.

- Стой! - команду я.

Алик послушно тормозит. Мы оба выходим из машины. Я разминаю шею и оглядываюсь. Я пока еще и сам не понимаю, что именно меня привлекло. Но доверяю своей интуиции. Что-то здесь должно быть. Это точно. Я почувствовал толчок. И довольно сильный. Поэтому я не тороплюсь. Обхожу машину. Оглядываюсь еще раз. Потом еще раз, уже внимательнее. И победно смотрю на Алика.

- Видишь?

- Что я вижу? Куда смотреть? - Алик нервно топчется у двери и периодически оглаживает взглядом дремлющую на заднем сиденье подружку.

- Указатель перед съездом видишь? Там написано: «Rennbahn».

- И что? - ворчит Алик. - Я только «гутен морген» успел усвоить.

- Вот и напрасно, - укоризненно качаю головой я. - Здесь, например, написано, что в пятистах метрах от нас имеется поворот к ипподрому. Ты бывал на ипподроме?

- На ипподроме? Зачем?

Алик пытается думать. Судя по выражению его лица, думать - это очень тяжелый труд.

- Напрягись, Алик. На ипподроме устраивают бега. Еще там есть тотализатор. Тебе, если не ошибаюсь, нужны были деньги?

- Ты меня за идиота-то не держи, - сердится Алик. - Хочешь сказать, что там сходятся финансовые потоки, так и скажи...

- Именно, - киваю я. - Жирные такие потоки и очень безопасные. Сами просятся, чтобы мы подставили тазик. Двести штук евро тебе хватит?

Алик хмурится.

- Нужно ведь билеты покупать... А вдруг мы это... не выиграем?

- Ну, риск есть, тут ты прав, - соглашаюсь я. - Но большие деньги можно подманить только деньгами. Это - как рыбалка. Ты же не станешь забрасывать удочку с голым крючком, правда? Даже если тебе подсказали самое рыбное место, на крючке все равно должна

болтаться наживка... Или ты представлял себе этот процесс как-то иначе? Ты думал, что мы приедем, типа, в лес, а там на кустах кто-то оставил нам тугие пачки евро?.. А-а, понял, ты ожидал, что евро начнут сыпаться прямо с неба?.. Алик, ты же взрослый мужик. Финансовые потоки - это метафизическое понятие. Материального наполнения этот термин не имеет. Деньги - это не нефть. Они не перемещаются по длинному трубопроводу, в котором можно проковырять дырку.

- Не таракти! - обрывает меня Алик.

Он явно смущен. Похоже, я угадал про трубопровод.

- На ипподроме будет тьма народа. Кто-нибудь обязательно заметит твои браслеты и стукнет полицаям. Не знаю, как бабла, но полицаев там точно будет...

- А тыними с меня наручники, - пожимаю плечами я.

Алик косится в мою сторону с подозрением.

- Нет, без браслетов опасно...

- Понятное дело, опасно, - соглашаюсь я. - Но ты хотел без риска взять две сотни штук. А на ипподроме грабить тебе никого не придется. Я определяюсь с правильными лошадами, ты сделаешь ставки, заберешь свой выигрыш в кассе. И все. Мы становимся полноценными партнерами...

Алик все еще колеблется.

- Может, покрутимся по городу? Вдруг другие места найдем?

Я шумно выдыхаю.

- Алик, ты считаешь, что я должен отвезти тебя в головной офис «Дойче Банка»? Вот там действительно концентрация зашкаливает. Но забрать из банка необходимую тебе сумму, согласишься, будет не просто...

- Тогда почему ты сам на тотализаторе не играешь? - интересуется Алик. - Не понимаю, какой смысл работать, если у тебя такие возможности...

Ай да Алик, ай да молодец. Хороший вопрос! В первую секунду я даже теряюсь. Но потом как-то собираюсь с мыслями и начинаю лепетать про вероятностный минимум, про неконвертируемость желаний и про мои специфические взаимоотношения с деньгами. К концу пятой минуты лицо Алика светлеет. Он начинает слушать уже заинтересованно. Еще через пару минут начинает кивать и с кряхтением садится за руль.

- Учти, рискуем только твоими пятью сотнями!

Алик благоразумно тормозит в самом дальнем от трибун секторе паркинга, поправляет на мне наручники и тщательно маскирует их старым плащом.

- Пойдешь чуть впереди. Но от меня не отрывайся. И смотри, без глупостей!

Я стараюсь не улыбаться. Какие еще могут быть глупости? Я давно в

стартовой готовности. Движения расслаблены, дыхание размеренно, подошвы легких кроссовок почти не касаются асфальта. У касс делаю вид, что изучаю табло. Одновременно внимательно фиксирую все, что происходит вокруг. Первый забег через полчаса. Но так долго ждать я не хочу. Мне остался, в сущности, пустяк - всего один хороший рывок. Вот только отрываться мне нужно чисто. Чтобы Алик не успел даже подумать о всяких там громких криках, размахивании руками и выхватывании из кармана огнестрельного оружия. Меня он этим все равно не остановит, но может привлечь ненужное внимание к своей персоне.

В кассовом зале довольно многолюдно. С правой стороны - большая группа юных немцев, с виду похожих на футбольных фанатов. В руках у всех бутылки с пивом. Слева - Алик. Он тоже внимательно рассматривает табло и даже шевелит губами, изучая список лошадей, участвующих в трех первых забегах. Маша - сзади. Она оглядывается по сторонам и откровенно скучает. Я наклоняю голову, с разворота правым плечом влетаю в Машу и мгновенно ввинчиваюсь в толпу. Толпа ведет себя предсказуемо. Сначала она распадается на отдельные элементы, а за моей спиной смыкается еще более плотно. Сзади я слышу ругань по-немецки, русский мат и шумное дыхание. Кто-то, видимо, пытается помочь Маше.

Пока Алик соображает, что произошло, я уже протиснулся в дальний конец кассового зала, где должен быть узкий коридорчик, который заканчивается дверью в служебные помещения ипподрома. Коридорчик вроде бы на месте. Нахожу я и дверь. Она не закрыта. Для немцев вполне достаточно предупреждающей надписи: «Не входить». Но меня такие надписи не смущают. Я вхожу и иду на запах. Под трибуной обязательно должен быть выход к конюшням...

В первом же боксе натываюсь на конюха. Он поднимает голову и интересуется:

- Новенький?

Я киваю.

- Давно из Польши?

Я опять киваю. Конюх недовольно хмыкает, тычет пальцем в ведро и щетку, показывает место, где я должен навести глянец, после чего с важным видом удаляется. Я подмигиваю грустному каурому жеребцу и тоже удаляюсь. С ипподрома выбираюсь через дыру в заборе, которой пользуются местные. От дыры начинается широкая тропинка, которая петляет через пустырь, пересекает трамвайные пути, долго тянется вдоль старого железобетонного забора с некогда красными звездами - наследства Группы советских войск в Германии, а заканчивается в неухоженном парке, где несколько пожилых пар неспешно прогуливаются вдоль центральной аллеи с неработающим фонтаном. На меня никто не обращает внимания. Здесь я и пережду, пока

разъяренный Алик будет кружить коршуном вокруг ипподрома...

Минутная стрелка делает полный круг. Я поднимаюсь и неспешным шагом двигаюсь к выходу из парка. Пересекаю широкую улицу по пешеходному мостику. Мой мобильник остался у Алика. Деньги тоже. Правда, можно взять такси. Их в Берлине много. И какой-нибудь таксист обязательно согласится позвонить со своего мобильного моему другу Герману Отту, чтобы тот расплатился за поездку. И я нахожу такого таксиста почти сразу, на стоянке возле продуктового магазинчика. По-немецки он говорит с чудовищным акцентом. Как и я, впрочем. Так что мы понимаем друг друга почти сразу...

- Нехорошо выглядишь, - с тревогой говорит мой друг Герман, оглядывая меня с головы до ног. - Я за тебя волновался. И уже собирался в полицию.

Он замечает наконец наручники. Глаза у него округляются.

- Ты сбежал от полиции?

- Нет, я сбежал от своего прошлого, где два русских клоуна решили поиграть в Бонни и Клайда, - успокаиваю я Германа.

Потом мы долго сидим на кухне его малогабаритной квартиры с видом на бывший пустырь, где уже полгода разворачивается строительство какого-то завода, и упорно пытаемся найти способ избавиться от наручников. В окно заглядывает закатное солнце. Несмотря на весьма неприятные ощущения от растертых запястий, мне сейчас хорошо. Я узнал, что хотя бы один человек на этом свете волнуется за меня...

Герман Отт - образец сугубо положительный. И я даже горжусь слегка, что он мой земляк. В Германии Гера оказался вместе с родителями в возрасте весьма юном. В ту пору исход немцев из Сибири был настолько массовым, что даже не воспринимался как нечто сверхъестественное. Натурализовался Гера без особых проблем. Честно отслужил в бундесвере и уволился в звании ефрейтора. В Ганновере, прибившись к местной богемной тусовке, обнаружил в себе талант художника. Правда, его картины никто не покупал, и Гера отправился в Берлин, где примкнул к группе молодых художников, считающих себя битниками и куртуазными маньеристами.

Сейчас Гера подряжается на оформительских работах. Заказы, как правило, небольшие, но на жизнь вполне хватает. Живопись он тоже не бросил. Только поменял тематику. Если раньше рисовал природу, то теперь преимущественно арбузы. Почему именно арбузы, он и сам, похоже, не знает. Но говорит, что именно такой, как арбуз, ему и видится его жизнь. Герины картины по-прежнему никто не покупает, поэтому он раздаривает свои работы друзьям и мелким галереям. Иногда участвует в коллективных выставках. На одной из таких выставок мы и познакомились. Это было почти два года назад. С тех пор наша дружба, к моему искреннему удивлению, только крепла...

- Я знаю, кто нам поможет, - радостно сообщает Гера. - У Шпета есть

приятель-художник, который работает по металлу. Думаю, у него найдутся нужные инструменты. Клещи там разные, пилы. Сейчас я позвоню...

- Только не рассказывай заранее про наручники, - предупреждаю я и опять начинаю улыбаться. Видимо, у меня запоздалая реакция на стресс.

Гера берет со стола мобильник и быстро говорит в него по-немецки. Слишком быстро. Я не успеваю ничего понять...

- Через час приятель Шпета будет в своей мастерской, - сообщает он итоги коротких переговоров. - Здесь недалеко. Пара кварталов. Ты очень голодный?

- Как собака, - признаюсь я. - Угости, если не трудно, своим фирменным быстрорастворимым супом. Но сначала - чай. Если я сейчас не выпью чего-нибудь горячего, то просто умру...

Гера заваривает крепкий, почти черный напиток, а в кастрюльку вываливает большой пакет «Гаспаччо». И все это время пытается меня убеждать, что мне необходимо обратиться в полицию. Похищение людей - это преступление. И похитители обязательно должны быть наказаны.

Я согласно киваю.

- Конечно, обращусь. Но позже. А сейчас мне нужна твоя помощь, Гера. Срочно забери из моей квартиры нетбук и коммуникатор. И еще прихвати мне немного вещей. Я напишу тебе список. А на обратном пути забронируй на мое имя билеты на самолет до Омска. Правда, у меня есть небольшая проблема. Я потерял свой паспорт, поэтому мне срочно нужен новый. Пусть это будет фальшивка, но если качественная, то вполне сгодится. Ты знаешь людей, которые могли бы мне помочь?

Гера испуганно мотает головой.

- Подделка документов - это же криминал!

Я с ним не соглашаюсь:

- Криминал - это когда подделывают паспорт гражданина Германии. А мне нужен российский. С ним я и улечу. А в Омске напишу заявление о потере и получу настоящий. Что такого-то?

Гера тихо бормочет все известные ему немецкие ругательства и ненадолго задумывается.

- Хорошо, я позвоню Шпету, - соглашается он. - У него есть приятель-художник, который, как говорят, может все. Думаю, российский паспорт не будет проблемой. Но это в исключительном порядке...

- Герман, ты - человечеще! - вздыхаю я. - Если бы ты был девушкой, у тебя бы отбоя не было от женихов!

В салоне любого самолета перед взлетом много нервных лиц. Но я оглядываюсь не для того, чтобы их увидеть. Я ищу лица, где есть некая особая отметка, которую в обычной жизни не разглядеть. Но непосредственно перед взлетом она становится хорошо заметной. Люди с такой отметкой не могут попасть в авиакатастрофу. Следовательно, и мне, летящему с ними, тоже ничего не грозит. В этот раз я нахожу таких людей почти сразу. Их, как минимум, трое: молодящаяся женщина в семнадцатом ряду у окна, сразу после посадки потребовавшая себе одеяло, пожилой еврей, с виду раввин, и мой сосед - по виду типичный преподаватель колледжа, который приехал в Германию подзаработать немного евро. Теперь можно и расслабиться...

Я сажусь обратно в кресло и туго пристегиваюсь ремнем. Сосед с любопытством разглядывает в толстое стекло иллюминатора дорожку взлетных огней аэропорта «Тигель». Самолет резко задирает нос и закладывает душераздирающий вираж с креном на правое крыло. В иллюминатор врывается море света, порожденное пятимиллионным городом. За последние два года он стал мне почти родным. Прощай, Берлин...

- Вы преподаватель? - интересуется сосед.

Я отрицательно качаю головой. Мне не хочется завязывать беседу.

- Жаль, - искренне огорчается сосед. - Понимаете, увидел книгу, которую вы читаете, и подумал, что мы коллеги. А кем трудитесь?

- Психоаналитиком, - говорю я, прикрывая пледом «Концепции современного естествознания». Видимо, не судьба мне почитать. Надо было приобрести в аэропорту американский бестселлер в жанре политического детектива...

В салоне меркнет свет. За бортом мерно гудят двигатели. Я закрываю глаза, натягиваю наушники и пытаюсь вздремнуть. Впереди посадка в Калининграде с четырехчасовым ожиданием, а потом перелет до Омска. Но уснуть мне никак не удастся. В голове суетливо подпрыгивают непоседливые мысли, а над головой переплетаются искрящиеся линии финансовых потоков. Я их действительно вижу. Не всегда, конечно. Но иногда настолько явно, что меня это начинает раздражать. А тут еще Алик выпрыгнул, как черт из мешка, и напомнил о прошлом. И последние пару дней я только и делаю, что разглядываю финансовые потоки...

Внизу, почти над самой землей, густая сеть из сверкающих бронзой линий. Это разная мелочевка. Выше - средоточие более насыщенного цвета. Эти финансовые потоки стекаются к Берлину из всех городов Германии, Австрии и Польши, границу с которой мы уже пересекли, образуя в небе над Берлином пульсирующую воронку. Самые высокие - транзитные. Они и самые мощные, и самые яркие. Выглядят как реки из сплошного света. Появляются из-за горизонта и за горизонтом же

исчезают. Ярко-желтая река, которая течет с востока на запад - это на Нью-Йорк. Я в любом месте легко опознаю этот финансовый поток. Правее, чуть более светлая полоса - это на Лондон. Теоретически, я мог бы увидеть и остальные главные финансовые реки, но не хочется напрягаться. Азиатский транзит - на Токио, Шанхай и Гонконг - виден из Европы чуть хуже, чем из Сибири. И в каждом из них триллионы и триллионы импульсов, которые испускаются деньгами.

Странно, что от науки, от которой ждут объяснений во многих областях человеческой деятельности, никто не требует объяснений природы денег. А ведь если разобраться, то деньги - это такая сфера, где вообще внятных понятий нет, хотя всем и так все ясно. Деньги - это самая глобальная и одновременно самая загадочная абстракция. Это неиссякаемый энергетический источник, гигантская волна радости, необузданная стихия, которая обеспечивает потребность в безопасности и является одновременно генератором проблем. Деньги - это причина всех конфликтов и войн. Деньги - это мощнейший мотиватор, который будоражит воображение, зовет к очередным свершениям и сводит с ума. Деньги - это власть, престиж, привилегии, способность действовать, оказывать влияние на других, сопротивляться влиянию со стороны. Деньги - это символ всеобщего и всеобъемлющего счастья. Полного и абсолютного. Это то, чего нам никогда не хватает...

Кстати, всерьез наука заинтересовалась деньгами лишь в начале прошлого века. Да и то все исследования ограничились социологическими аспектами. А специалисты в области мозга тему денег игнорировали еще лет пятьдесят. Они считали, что у мозга не может быть особых областей для обработки информации, связанной с деньгами. Мол, это явление новое, деньги появились всего несколько тысячелетий назад, поэтому структуры мозга еще успели эволюционировать. Реальные попытки прорваться через «зону отчуждения» начались только в восьмидесятых годах прошлого века, когда общественное мнение взбудоражили исследования ряда экономистов, которые от теоретических рассуждений по поводу денежной массы, эмиссий экзогенных и эндогенных денег вдруг перешли к практическим вопросам. В то время на периферии экономики стали бурно расти такие дисциплины, как экономическая психология и поведенческая экономика. Вскоре на диспозицию «человек-деньги-человек» обратила свой взор и экспериментальная психология. Уже первые исследования показали, что деньги, если их использовать в качестве элемента психологического эксперимента, оказывают весьма существенное влияние на поведение и цели испытуемых.

Параллельно с психологами тему взаимоотношений человека и денег разрабатывали и нейробиологи. В научном сообществе заговорили

даже о некоей пограничной области между нейробиологией и экономикой - нейроэкономике. Многое, конечно, так и осталось на уровне разговоров, но Чарлзу Буковски из Принстона все же удалось экспериментально доказать патогенность влияния денег на мозг. Там же, в Принстонской лаборатории, было сделано и множество других интересных наблюдений. У некоторых испытуемых отмечалось, например, образование временных связей в ассоциативных областях теменной доли, хотя раньше считалось, что эти области занимаются только обработкой информации, которая приходит от соматосенсорной коры и объединяет ее со зрительной и слуховой информацией, поступающей из зрительной и слуховой коры затылочной и височной долей мозга. Но исследования были приостановлены, и вывод просто повис в воздухе. Да, мол, странно. Но задумываться над этими странностями стало уже некому.

Да и мне бы тоже не пришло в голову задумываться о чем-то подобном, если бы не Егор, который с детства пытался найти ответ на глобальный вопрос: каким образом человек может противостоять деньгам. И дело не в том, что ему их не хватало. Егора интересовали деньги как таковые. Как элемент бытия. И он искал причины их губительного влияния с упорством средневекового алхимика, который пытается найти свой философский камень. Меня в то время интересовали причины, по которым я испытывал физическую боль, когда прикасался к деньгам. И мы нашли друг друга. Вернее сказать: Егор нашел меня. А потом мы вместе нашли Алика, Пашу Дудкина и Виталика Райского. Егор почти сразу стал лидером. Только он был способен переворачивать горы специализированных изданий, вникая во все научные и ненаучные труды, только он был способен старательно и терпеливо отсекал банальности и терминологический мусор, а потом доступно объяснял достижения современной науки нам...

- Извините, вы меня о чем-то спрашивали?

Я открываю глаза, ловлю на себе заинтересованный взгляд соседа и отрицательно качаю головой.

- Простите, бога ради. Видимо, вы во сне что-то пробормотали, а я подумал, что вы ко мне обращаетесь...

Я вздыхаю и демонстративно пожимаю плечами.

- Скоро на посадку, - сообщает мне сосед.

- Спасибо, я в курсе... - Меня такими фокусами не пронять. Я больше не отвечаю на реплики, он быстро замолкает и молчит уже до пограничного контроля...

В Калининграде, как и в Берлине, на мой фальшивый русский паспорт никто внимания не обращает. Хмурая сотрудница погранслужбы изучает фото, потом переводит мутный взгляд на измятое лицо реального Евгения Титова, неторопливо сканирует документ, чтобы

«пробить» фото по базе должников. Видимо, моя фамилия в ее архивах не значится, и мы расстаемся мирно. Не интересуется мной и таможня. Деньги, наркотики, оружие и прочие недозволенные вложения в ручной клади есть? Нет. Тогда добро пожаловать на Родину, господин Титов. Вернее, в транзитный отстойник, откуда мне предстоит улететь внутренним рейсом.

В аэропорту самого западного города моей страны темно, пусто и холодно. Но на улице еще темнее и холоднее, если судить по показаниям табло в транзитном зале. Единственное доступное развлечение - магазин беспошлинной торговли. Там выражают готовность принять мою карточку «Виза», с которой мне всегда было проще найти общий язык, чем с наличностью, и я приобретаю какой-то журнал и небольшую емкость с виски, а впридачу беру две шоколадки и упаковку с ванильными кексами, чем и закусываю веселящую жидкость. Настроение быстро улучшается. И сохраняется таким до посадки на омский рейс. В самолете я забываюсь беспокойным сном почти сразу, как только усаживаюсь в кресло...

От границы до Омска - четыре с половиной часа полета. К ним нужно прибавить еще четыре с половиной часа, образовавшихся как бы ниоткуда. Удивительно. Вылетел глубокой ночью, а попал сразу в день. Я машинально оглядываюсь, хотя и понимаю, что моей жены Вероники в аэропорту быть не может. Она меня вообще не ждет. Перед расставанием мы успели наговорить друг другу много неприятных слов, а после этого лишь изредка обменивались короткими сообщениями по электронной почте. Остается надеяться, что два года - это долгий срок. И впечатления от нашего расставания у нее немного сгладились...

В нашем дворике никаких изменений нет. Вроде бы целая жизнь прошла, а у подъезда дежурит все та же тетка с таксой, вдоль кривого заборчика растут все те же цветы на клумбах, сооруженных местными энтузиастами из старых автомобильных покрышек, и даже детишки, расковыривающие песочницу, мне кажутся прежними, двухгодичной давности. Внутренне сжимаясь, я прикасаюсь пальцем к кнопке домофона и слышу голос Вероники. Она дома. Это уже хорошо...

Медленно поднимаюсь на третий этаж.

- Можно войти?

Вероника отступает в прихожую.

Я с любопытством оглядываю старый шкаф с зеркалом и подставкой для обуви. На вешалке два зонта. Ничего не изменилось...

- Зачем пришел? - Вероника хмурится. - Хотя ладно. Если уж пришел, то проходи. Это ведь и твоя квартира тоже...

- Вик, мы можем поговорить? Без всяких обязательств, - сразу уточняю я.

- Можем, - кивает она. - Все мои обязательства давно закончились. Где был, кстати?

- За счастьем ходил. - Я спохватываюсь и протягиваю Веронике свою сумку. - Извини, как-то сразу растерялся. Здесь подарки для тебя и Ксюши.

Она удивленно приподнимает брови.

- Надо же, наш папа-герой вспомнил о дочери...

- Это не я вспомнил, не напрягайся. Один хороший человек мне помог

- Гера Отт. Ты его не знаешь. Он художник. Мы с ним в Берлине познакомились.

- Значит, ты и там денег не заработал?

- Не заработал, - соглашаюсь я. - Мне деньги в руки не идут, ты же знаешь.

- А жил на что?

- Так, на подаяния. В метрополитене с шапкой сидел. У них в метрополитене полиция добрая. Даже слишком, пожалуй...

- Титов, вот только не надо этого твоего юморка дешевого, - фыркает Вероника. - Я его наелась по самую крышу. Он у меня до сих пор из ушей лезет. Давай договоримся сразу: если ты действительно хочешь со мной поговорить, то попытайся сдерживаться.

Я примирительно киваю.

- Согласен. Но ты не заводись. В Берлине я честно рубил капусту системным администратором. Торчал целыми днями в офисе одной мелкой компании, где хозяином был индус. Он оптом торговал поддельной парфюмерией, которую из Индии привозил. Как он свою контрабанду умудрялся через границу протаскивать, я не знаю. Но выходило, судя по всему, очень дешево. В работники он набирал только нелегальных иммигрантов и постоянно всем напоминал, что благодетель. Платил, понятно, копейки. На всем экономил. Я для него глючную «Винду» воровал, учил его тунеядцев компами в песочнице ковырять и разные тупые проги для складского учета инсталлировал. Тоска, короче. Когда меня все это окончательно достало, я высказал индусу, что думаю по поводу его бизнеса, и был уволен без выходного пособия. Больше четырех месяцев проболтался без работы...

- Вообще без работы? - с нажимом уточняет Вероника. - По мелочи приработки какие-то были, конечно.

- Знаю я твои приработки. По мелочи кредитные карточки «ломал».

- Вик, напрасно ты так... - Я делаю вид, что обижаюсь. - Не надо путать программеров с банальными ломщиками и тырщиками.

Она пожимает плечами.

- А по мне, так разницы между вами нет. Не ты ли говорил: если от многого отнять немножко...

- Не я говорил. Горький, - не соглашаюсь я. - А я повторял. По глупости. А в Берлине прирабатывал чисто. Сочинял в ежедневном режиме всякий хлам для русскоязычных порталов в Интернете. Типа, под Липецком был арестован летающий холодильник «Индезит»,

который охотился на бомжей со свалки.

- Не стыдно, Титов? - Вероника усмехается. - Тебе уже тридцать семь, а живешь до сих пор в каких-то облаках; Только не заявляй, что за сочинение бреда платят.

- Не буду. Но иногда за него действительно дают деньги. Если, конечно, сайт раскрученный и отягощенный рекламным бюджетом. Мой личный рекорд за одну публикацию - сто евро. Именно на такую сумму мне удалось расколоть портал «Скандалы Рунета», когда Россия с Украиной в очередной раз бодались, кто кому за газ должен. Я вовремя подкинул занятную историю, как в одном из подземных газохранилищ Украины ученые из Донецка обнаружили метановую форму жизни. Нечто вроде газовых медуз. Причем разумных. Они общались друг с другом и с этими учеными из Донецка посредством телепатии, а когда газохранилища опустели, то все медузы умерли. Представляешь? Даже отклики были на форуме от читателей. Все возмущались украинским правительством, из-за которого мы потеряли доселе неизвестную форму жизни... Я тебя не отвлекаю, кстати? Если что, ты скажи. У тебя ведь сейчас своя жизнь есть, а мы с тобой опять углубились в детали...

Вероника молча уходит на кухню и уже оттуда интересуется:

- Ты, конечно, так хочешь есть, что и переночевать негде?

Я глупо улыбаюсь. Сказать мне на это нечего...

* * *

«Что такое деньги? Деньги - это то, что деньги делает. Все, что выполняет функции денег, - это и есть деньги». «Общее согласие о применении денег, а не сами отдельные общепризнанные средства обмена, - вот источник огромной ценности денег для общества». Цитаты вроде совсем давние. Распечатка была сделана еще на матричном принтере. Откуда я их вырвал - уже и не помню. Было время, когда я тщательно собирал всякую глупость. Даже такую: «Деньги - это также естественно, как и воздух. Воздух обеспечивает нашу жизнь. Без него мы умрем. И деньги обеспечивают нашу жизнь. Без них мы тоже умрем. Воздух - это жизнь. Деньги - это жизнь».

Впрочем, такая глупость уже далеко не столь безобидна, поскольку написана под воздействием очень сильного импульса. Так что я откладываю листочек в сторону - на выброс...

Странно, что Вероника хранит мой архив. От удивления я так растерян, что не могу заниматься ничем другим, кроме как перебирать эти обрывки из отрывков, отпечатанные на пожелтевшей бумаге. Вот еще один пассаж про деньги. Именно они, по мнению автора, определяют для людей количественные границы возможного.

Деньгами, мол, устанавливаются пропорции обмена, в основе которых лежит принцип эквивалентности отчуждаемых благ, поэтому деньги - это порядок из хаоса. Однако деньги, благодаря своей всеобщей ценности, выступают стимулом и для антигуманной деятельности. То есть делают привлекательной любую работу - и даже направленную против человека, поэтому они могут превратить любой порядок в хаос...

Выдергиваю еще один пожелтевший листок из середины стопки. И читаю, как деньги с одинаковой добросовестностью обслуживают и разрушительные, и созидательные действия человека. Они разрушают человека как личность, влияют на формирование его системы ценностей, на расстановку его личных приоритетов, но одновременно способствуют развитию «общественного интеллекта». И если деньги - это продукт, который порожден обществом, то и общество должно нести за него ответственность, а не сваливать все проблемы на свободную игру рыночных сил.

С последней мыслью автора не могу не согласиться. Кажется, это выдержки из работ Святослава Каменского, молодого философа в Екатеринбурге. Он отирался одно время при Уральском госуниверситете. Куда он делся потом - не имею представления. Но лет десять или двенадцать тому назад Святослав выдавал вполне внятные тексты на тему денег в социуме. Именно Каменский, насколько мне помнится, первым предположил, что общественная воля, создавшая деньги, наплатила определенной волей и свое творение. Ему же принадлежит гипотеза о том, что деньги, как продукт этой совокупной воли, посылают особые сигналы каждому конкретному человеку, формируя тем самым его первичные поведенческие реакции. Конечно, Каменский имел в виду не физические, а метафизические сигналы, тем не менее мы тогда все поняли правильно. И долго потом хохотали над собой. Вроде бы суть лежала на поверхности, и я эти сигналы ощущал каждый раз, когда брал в руки очередную купюру, но ведь никак не могли додуматься сами...

Запаковав архив, я потерянно брожу по квартире. И в который уже раз перечитываю короткую записку от Вероники. Она давно на работе. Ее бизнес не прогорел, но расширяться никак не хочет. И все еще требует длительного личного присутствия. Мне оставлен старый комплект ключей. Вместо фотографий, где мы с Вероникой вместе, по всей квартире расставлены фото сильно вытянувшейся вверх Ксюши. От них у меня на сердце становится беспокойно. Сейчас Ксюша гостит у бабушки. С одной стороны, мне жаль. С другой - и к лучшему. Мало ли как все повернется. Вдруг мои планы пойдут коту под хвост, так и незачем лишний раз травмировать неокрепшую психику подростка. Не нужен ей внезапно объявившийся папочка, который скоро опять исчезнет в неизвестном направлении...

Заварив себе крепкий кофе, я безжалостно удаляю все неотвеченные вызовы на коммуникаторе. Таковых накопилось семь штук. Восьмой - от Геры. Ему я перезвоню чуть позже, а пока отправляю СМС с докладом, что у меня все в полном порядке. Мне уже давно пора вырваться на оперативные просторы улиц родного города, но я никак не могу решить, с чего начать. Впрочем, в любом случае, начинать придется с прогулки к банкомату, где нужно разжиться наличными. А потом, прежде чем перейти к основным пунктам моей туристической программы, приобрести местную сим-карту...

Банкомат для чиповых карточек стоял когда-то в торговом комплексе «Берег». Туда я и направляюсь, сильно мучимый совестью. В памяти не вовремя всплывает вчерашний разговор с Вероникой. Ну а что делать? Без наличности в моем любимом городе не выжить. А наличность обитает в банкоматах. Надеюсь, русские банкоматы не будут возмущены перепрошитыми лично мной «чурочками». Так и есть, программа подбора пин-кодов запускается без напряжения. Теперь нужно дважды нажать клавишу ввода, потом ввести программный код, и у меня появится доступ к пятнадцати толстым кошелькам. Главное - не переборщить. Поэтому я буду снимать с каждого счета всего по пять сотен. Пока банкомат отсчитывает в гулких недрах наличность, я привычным движением натягиваю на руку нитяную перчатку (рубли голыми руками лучше не брать), небрежно выдергиваю купюры, сую их в задний карман брюк и таким же быстрым движением освобождаюсь от перчатки.

Теперь мне - в центр. Там я переседаю на очень старый красный трамвай, где полчаса буду вдыхать запах застарелого пота, слушать скрип ржавых дверных механизмов и перестук колес на рельсовых стыках. Городские трамваи давно опустились, обнищали и скатились на самую нижнюю строчку в рейтинге городского транспорта. Но без них на улицу Ремесленную, к моему бывшему другу Паше Дудкину, никак не попасть. Про Дудкина я давно ничего не слышал. Знаю лишь, что после развала нашей компании у него в мозгах что-то сильно заискрило, и ударился Паша в откровенную мистику. Понемногу пророчил, слегка шаманил, а в свободное время разоблачал мировые финансовые заговоры. Из той оперы, где доллар - валюта мистическая. Мол, кто посмотрит на него внимательно, тот сразу увидит, что доллар намертво прикручен к нехорошему числу тринадцать: у пирамиды ровно тринадцать ступенек, в словах над пирамидой тринадцать букв, орел в одной лапе держит тринадцать стрел, в другой лапе - ветку с тринадцатью листочками...

Вываливаясь из трамвая, вдыхаю полной грудью запах гари и навоза и отсчитываю пятый домик с краю. Он ничем не отличается от остальных. У него такие же саманные стены, обшитые крашеными досками, такая же дырявая крыша, крытая кусками рубероида. Я

намеренно громко топаю под низкими окнами, несколько раз открываю и закрываю скрипучую дверь в заборе. Во дворе - трава, на траве - дрова. Паша признаков жизни не подает. Тогда я громко стучу в окошко и шумно топчусь на крыльце. Дверь приоткрывается. За ней Паша в синей майке и трусах в горошек. Вид у него заспанный.

- Ты чего? - испуганно хрипит Паша.

- Ничего, - говорю я. - Выползай, Большой Змей. Разговор к тебе есть.

- Погоди, оденусь только. - Дверь закрывается.

Меня в дом никто не приглашает. В этом смысле мой бывший друг почти не изменился. Он все такой же негостеприимный. Разве что лицо еще сильнее округлилось, да лысина стала более обширная...

- Вот уж кого не ожидал увидеть, елки зеленые, так это тебя, Евгений, - первым делом сообщает Паша. - Ты же вроде в заграницы подавался? Не понравилось?

- Я по тебе и там скучал, Паша, не поверишь...

Мы рассаживаемся на разных концах серого от времени деревянного крыльца, долго молчим и смотрим в разные стороны заросшего сорняком огорода. Паша вытаскивает из кармана пачку дешевых сигарет без фильтра, добывает огонь из отсыревших спичек и со вкусом раскуривает помятую сигаретку. Легкий ветерок сносит в мою сторону дымок с ароматами прелого навоза.

- Тебе от Алика привет, - с намеком говорю я.

Паша на мой намек не реагирует.

- От Алика? - вяло переспрашивает он. - Спасибо. И как он?

- Средненько. Все еще себя ищет.

- Да, Алик - он странный, - кивает Паша. - Когда же я его последний раз видел, елки зеленые? Кажется, в тот год, когда у нас ураган был, и дом мой чуть не под крышу снегом занесло. Почти неделю пришлось тогда лопатой махать...

Паша замолкает, и я опять забрасываю свой невод.

- А как у Егора дела, не слышал? Говорят, он к тебе иногда заходит.

У Паши от удивления чуть не вываливается изо рта сигарета.

- Женя, ты прикалываешься? Или ты ничего про Егора не знаешь?

- И не думаю прикалываться, - улыбаюсь я. - Я на полном серьезе спрашиваю. А что я такого про Егора еще не знаю? Расскажи же мне поскорее.

- Так умер Егор... - Паша округляет глаза. - От водки угорел...

Вдоль низкого заборчика бредет худая коза, позвякивая колокольчиком. Она останавливается, меланхолично смотрит на нас и начинает важно щипать траву. Я произвольно хмыкаю.

- Да слышал я эту байку, Паша, слышал. Много раз. Ты сам-то на похоронах был? Или тебе про них кто-то рассказывал?

- Нет, сам я не был, - после некоторого раздумья признается Паша. - Я в запой уходил. А когда вернулся, то поздно было...

- Ну а на кладбище? - не унимаюсь я.

- Чего я там забыл - на кладбище? - искренне удивляется Паша. - Цветочки на могилку складывать, елки зеленые? Так это не по мне. За меня Райский везде побывал: и на похоронах, и на поминках, и на кладбище...

- Значит, это Райский тебе про Егора напел. Тогда конечно. Тогда никаких сомнений у меня больше нет...

- Не понял. - Пашин взгляд на пару секунд становится осмысленным. - Чем это тебя Райский не устраивает?

- Меня Райский всем устраивает, - отмахиваюсь я. - Но только в том случае, если он не является источником важной информации. Поэтому задаю свой вопрос еще раз: видел ты Егора после его смерти или нет? Дудкин, не тяни кота за хвост, думай шустрее. Это важно. И не только для меня. Лично я не удивлюсь, если скоро на том кладбище, где похоронили Егора, окажется еще кто-то из нашей команды. Может, ты будешь первым, Дудкин. О тебе, надеюсь, будет кому горевать на поминках?

- Опять не понял. - Паша лезет в карман за второй сигаретой.

- А понимания от тебя не требуется, - дожимаю я. - Ты просто вспоминай. Видел Егора или нет? Сгодятся даже призраки. Может, ты был в сильном подпитии, а навстречу тебе шел человек, очень похожий на Егора. Снял он шапку вместе с головой, поклонился тебе до самой земли и растворился в морозном воздухе.

- Было такое дело, - признается наконец Паша. - Я про это еще никому не рассказывал...

Я удовлетворенно киваю. Интуиция меня опять не подвела. Не мог Алик с бухты-барахты броситься на поиски Зародыша. И обо мне вспомнить просто так не мог. Без Егора в этом деле точно не обошлось...

- То ли прошлой зимой дело было, то ли уже позапрошлой, точно не помню. - Паша продолжает бормотать, уже не в силах, видимо, остановиться. - Показалось мне, что кто-то в окно постучал. Вечер, темно... Я пока валенки нашел, пока тулуп набросил - никого уже нет. Только вдалеке, вижу, мужик по нашей улице идет. Я ему: эй, мужик, стой. Ты никого, говорю, под моими окнами не видел? Он остановился, обернулся, посмотрел на меня стеклянным взглядом, рукой махнул и дальше пошел... И так он на Егора был похож, веришь, что мне даже нехорошо как-то сразу стало. Жуть взяла офигенная. Понимаешь? До мурашек на затылке. Как в детстве. Даже не помню, как домой вернулся... А потом лег на диван и все время про Егора думал. Вот не хочу, а все равно думаю. Зациклило, елки зеленые! До утра еле дотянул и сразу в церковь побежал. Свечек поставил за упокой, с отцом Арсением поговорил, святой водой углы в доме окропил...

- Отпустило? - нетерпеливо перебиваю я.

- Отпустило, да. И тебе советую, Евгений: сходи к отцу Арсению...

- Мне только и осталось, что к попам...

- Напрасно ты так, - осуждающе качает головой Паша. - Отец Арсений - он святой, точно говорю. С ним побеседуешь, и к тебе Егор тоже приходить перестанет...

- Да нет, Паша, мне святая вода без надобности, - морщусь я. - А когда Егор к тебе опять придет...

- Не каркай, елки зеленые! - пугается Паша.

- А ты не паникуй, - успокаиваю я. - Если будешь меня слушать, он никого не тронет. Только не забудь ему про меня рассказать. Что приходил, мол, Титов. Говорил, что уезжает в Бодайбо. Не забудешь? Как увидишь человека, похожего на Егора, сразу говори. И Райского проинструктируй. Если и ему Егор почудится, пусть тоже расскажет про Бодайбо.

- Да-да, - с отчаянной готовностью кивает Паша.

- Дудкин, не трясись, - сурово говорю я. - Сделаешь, как я сказал, и будешь дальше посещать свою общину, лясы точить с отцом Арсением и спокойно размещать в Интернете статьи, разоблачающие финансовые махинации жидомасонов. Последний вопрос - и я уйду: ты о Зародыше с кем-то посторонним говорил? Может, случайно, в блоге своем, например, с кем-то поспорил, а эта тема просто к слову пришлась.

- Зародыш? - Дудкин впадает в ступор. - Это что?

- Паша, не тупи!

- Говорю же: я про этого Зародыша и забыл совсем...

Поднимаясь с крыльца, я автоматически отряхиваю джинсы.

- Забывчивость - это очень здоровое свойство организма. Так и живи, Паша. Не переживай. В голову лишнего не бери. Для всех лучше будет...

Уже на остановке вспоминаю, что забыл уточнить у Дудкина название кладбища, где похоронен Егор. Но возвращаться не хочется. Плохая примета. Буду думать, что вспомнил правильно - Старо-Северное. С этой мыслью и запрыгиваю в вагон. Через пять остановок пересаживаюсь на маршрутку, которая за полчаса доставляет меня прямо к центральной аллее, где вдоль разворотной площадки странные люди торгуют венками и бумажными букетами. У разошедшегося от времени существования неопределенного возраста и пола приобретаю букет из шести бумажных георгин.

- Не подскажите, где здесь администрация?

Бесполое существо машет рукой в сторону крепкого на вид кирпичного домика.

Дверь в домик не заперта. Я решительно ныряю в душный сумрак и нахожу в большой комнате крепкого на вид мужчину в жарком вельветовом пиджаке. Крепыш отдувается и жадно глотает фанту.

- Вы директор?

- Директор скоро будет, - равнодушно роняет он. - Ждите.

Ядвигаю к себе крайний стул и сажусь так, чтобы видеть в окно разворотную площадку, куда прибывают новые маршрутки. Пока хозяин кабинета внимательно изучает глянцевый журнал, я копаюсь в памяти своего коммуникатора. Минут через двадцать на стоянке тормозит новенький «форд-фокус», из которого с трудом выбирается еще один крепыш в вельветовом пиджаке. Судя по тому, как уверенно он движется к конторе, это и есть директор.

- Петрович, меня никто не спрашивал?

Мой молчаливый визави отрывается от журнала и кивает в мою сторону. Я отворачиваюсь от окна, приподнимаюсь и слегка развязно говорю:

- Здас-с-сьте...

Директор переводит удивленный взгляд с меня на Петровича. Тот пожимает плечами, как бы говоря: «А кто его знает, кто таков, сам пришел, сам сел, ничего не объяснял, ни о чем не спрашивал».

- Чем обязан, молодой человек?

Эта фраза произносится мягко. На всякий случай. А вдруг потом окажется, что я из органов. Но я, конечно, не из органов. О чем и сообщаю директору приветливой улыбкой. И сразу перехожу к делу. Говорю, что мне необходима его помощь. Не бесплатная, разумеется. Мой друг умер несколько лет назад и похоронен где-то здесь. Но где именно - неизвестно...

- Отчего же не помочь? - директор еще больше смягчает тон и смотрит на меня уже с намеком. - Оплата у нас по тарифу. Пишите заявление прямо сейчас, и через неделю будет справка. Такие справки неделю готовятся...

Я понимаю намек правильно и в заполненный бланк заворачиваю две тысячерублевые купюры.

- Петрович, надо помочь, - удовлетворенно кивает директор. - У человека большое горе.

- В каком году осуществлялось захоронение? - уточняет Петрович и тянется к шкафу.

- Не знаю, - развожу руками я. - Но несколько лет точно прошло. В смысле, после осуществления...

- Значит, по базе будем искать...

Петрович косится на директора. Тот кивает. Я уже начинаю готовиться к самому худшему. Если этот Петрович сейчас нацепит очки, залезет в кипу grossбухов и начнет их все перелистывать, вода пальцем по каждой строчке, то это затянется часов на пять. К счастью, я ошибаюсь. Из шкафа Петрович достает вполне современный ноутбук, и спустя всего три минуты я получаю на руки бланк, где говорится о том, что разыскиваемое мною захоронение находится в семнадцатом

ряду сорок девятой аллеи. А еще через пятнадцать минут я уже стою на этой аллее. Вот и она, могила Егора. Даже не сразу и заметишь. Нет ни ограды, ни памятника, ни фотографии. Есть только покосившийся крест, к которому прибита металлическая табличка с фамилией. Табличка ржавая, но буквы еще читаются: Кузьмин Игорь Васильевич. И годы жизни.

- А ты, типа, хитрец, - улыбаюсь я, раскладывая бумажные цветы на просевшем от многочисленных дождей холмике. - Ну, как говорится, пусть земля будет пухом!

* * *

У остановочного павильона с надписью «Сад Комиссарова» ветрено. В принципе, от непогоды можно спрятаться в будку, где есть остатки лавки, но от покосившейся железобетонной конструкции тянет пряным духом нечистот, поэтому прятаться там мне не хочется. И я неспешно прогуливаюсь вдоль обочины. Жду, когда примчится Г.В. и заберет меня отсюда. Я знал, что он построил себе жилище где-то неподалеку от города, но не ожидал, что добраться туда будет очень нелегко. В сторону Ачаирского монастыря пролетают машины. Меня они не замечают и регулярно обдают колючей серой пылью. Я отворачиваюсь, отплеываюсь, поднимаю воротник рубашки, но все бесполезно - пыль повсюду. И самыми сильными источниками пыли оказываются изрядно подержанные иномарки, за рулем которых очень сосредоточенные и чем-то озабоченные мужчины. Все они примерно моего возраста. И настроение у них, сразу видно, отвратительное.

Да и у меня, впрочем, настроение никакое. Я сейчас словно размазан по глухой стенке бытия. После посещения родового гнезда со мной такое бывает часто. Уже много лет общение с родителями происходит по одному и тому же, однажды утвержденному в каких-то высших инстанциях, сценарию, который называется «Возвращение блудного сына». Несколько первых минут родители всегда радуются, что я нашел время и заглянул к ним «на огонек», задают пару дежурных вопросов, потом мама начинает хлопотать, что-то разогревать, пытается меня покормить супом, рассказать необязательные новости, а папа важно кивает, как бы подтверждая правоту ее слов. Вот зачем, спрашивается, я приходил сегодня? Узнать подробности о ремонте квартиры тети Любы из Воронежа, о скандалах соседней и об изменениях в жизни моего младшего брата Аркадия, который работает аудитором в консалтинговой фирме? Да, теперь я в курсе, что у Аркадия появилась девушка, с которой они живут в гражданском браке, а ребенок у них пока не намечается. Ну и что? Мог просто позвонить родителям и получил бы аналогичный набор новостей. Мне даже

кажется иногда, что я и сам Зародыш, а моя мама - вовсе не моя. Ведь могла же она тридцать семь лет назад, возвращаясь вечером с работы, услышать сдавленный детский писк из мусорного бака? Могла. Могла, увидев выброшенного младенца, подобрать его и унести домой? Конечно. Хотя бы из банальной жалости. И не сдала малыша в приют, а усыновила его и воспитала вместе со своим настоящим сыном, который появился позже. Но она никогда не забывает, что ее старший - подброшенный. Не забывает, что он - чужак...

- Здоров, Евгений!

- И вам не хворать, Георгий Валентинович!

Передо мной гостеприимно распахивается передняя дверь глубоко-черного «рэнджровера», где на водителском месте я вижу своего давнего приятеля Георгия Чёрного.

- Сколько же мы не виделись, мил человек? - Г.В. растягивает губы в приветливой улыбке. - Лет сто, не иначе!

Я забираюсь в просторный салон и откидываюсь в кресле из пепельно-светлой кожи.

- Не оторвал отдел, Георгий Валентинович?

Г. В. лихо разворачивается на узкой дороге и резко набирает скорость.

- Какие дела, слушай? Ко мне же лучший друг выбрался. Раз за сто лет. Так что лично у меня сегодня праздник.

Конечно, Г.В. несколько преувеличивает и свою радость, и масштаб нашей дружбы. Он старше на одиннадцать лет, и мы живем с ним в разных координатах. Но поправлять Г.В. я не стану, разумеется. Многолетнее общение многие искренне принимают за дружбу. Главное, что мы никогда не доставляли друг другу хлопот. И даже когда работали вместе. Компания, где Г.В. был единственным учредителем, замутила лет десять назад большую тему по информационной безопасности, и я подрядился поучаствовать в разработке уникальной системы кодировки для сверхбольших баз данных, которой Г.В. дал название «Черный Квадрат». И результатами своих трудов я остался, в принципе, доволен. Примечательная получилась у нас штукавина, хотя склепали мы ее за неимением времени почти наспех. Однако до сих пор никто не может переплюнуть «Черный Квадрат». Другие разработчики лишь тупо копируют этот «движок»...

Г.В. с нескрываемой гордостью распахивает створки ворот.

- Ты же здесь у меня впервые. Вот и не торопись. Мы сейчас откушаем, потом экскурсию устроим по латифундии, а затем всенепременно в баньку заглянем. Банька у меня отменная. С прямой поставкой пара из Финляндии. Ты как относишься к легкому пару, Евгений?

- Отрицательно, - морщусь я. - Разлюбил мокрые развлечения...

Мне удастся сократить в нашей программе и торжественный ужин. В итоге, мы ограничиваемся тарелкой бутербродов и бутылкой «Джека

Дэниелса» на открытой веранде.

- Вижу, время ты даром не терял, Георгий Валентинович.

Г.В. довольно смеется и щедро разливает виски.

- Я так тебе скажу: финансовый кризис - это фуффло! Не нужно было жульничать и жрать в три горла. Когда все честно работают, тогда и кризиса нет. Вот мы, например, немного в прайсах поджались и опять вышли на прежние объемы. Если бы не эфэсбэшники, так и совсем было бы хорошо...

- А что эфэсбэшники? - как можно небрежнее интересуюсь я. От спецслужб я стараюсь держаться в сторонке.

- Наехали они на нас, Евгений, - Г.В. огорченно вздыхает. - Видать, конкуренцию почувствовали. А я на принцип пошел. Надоело, понимаешь, постоянно прогибаться. Короче, они нас промурыжили несколько месяцев с лицензией, а мы их судебными исками забросали по поводу упущенной выгоды и все такое. Теперь вот судимся. Уже, считай, второй год пошел...

Воспользовавшись паузой, сворачиваю на главную тему, ради которой и приехал.

- А как мой багаж? Не затерялся при переезде?

- Обижаешь! - Г.В. фыркает. - «Объект номер один» после переезда сразу же был спрятан в надежном месте. Хочешь взглянуть? Заметь, я даже не интересуюсь содержимым твоего чемодана...

Мы заходим в дом, спускаемся на цокольный этаж и довольно долго плутаем в темноте. Г.В. несколько раз останавливается, шарит рукой по стенкам, чертыхается, и мы опять движемся дальше. Наконец в одном из углов Г.В. находит фальшивую стенку. За ней - небольшой стеллаж. Сверху - ряды винных бутылок, внизу - разный хлам. Свой упакованный в мягкую ткань и обмотанный скотчем чемодан я узнаю мгновенно и вздыхаю с облегчением.

- Отлично. Прямо сейчас и заберу!

- Нет проблем, - подмигивает Г.В. и обводит широким жестом помещение подвала. - Хоть все здесь выноси. Даже святых. Тебе можно. Но ты признайся: ведь было там что-то незаконное, да?

Я продолжаю улыбаться.

- Абсолютно ничего незаконного, Георгий Валентинович. Всего-то пара килограммов пластита, ампулы со спорами сибирской язвы, флакончик боевого отравляющего вещества - аналога зарина, а еще небольшой арсенал огнестрельного оружия...

Добродушное выражение с лица Г.В. исчезает.

- Не шути так, Евгений...

И хотя я потом долго заверяю Г.В. в своей лояльности официальным властям, обещаю, что больше таких глупых шуток не допущу, и мы даже выпиваем еще по сто граммов «Джека Дэниелса», но механизм уютной встречи старых друзей уже дает сбой. Г.В. становится

задумчив, неразговорчив, часто погружается в себя и на мои расспросы реагирует вяло. Мне даже кажется, что он чувствует облегчение, когда вызванное к его дому такси увозит меня в сторону заката. Да я и сам не особо огорчаюсь, оттого что уютные мужские посиделки вышли скомканными. Надеюсь, Г.В. меня простит. Всю эту коллекцию редкостной дряни, что хранится в чемодане на «болванках» домашней нарезки, я собираюсь завтра уничтожить. Там много чего есть. И даже существенно худшего, чем тротил, гексоген и боевые отравляющие вещества, которых так опасается старый мир. У нового мира - новые опасности.

Из всего содержимого чемодана я оставляю себе только один гаджет - «Глок 17». Магазин у него на семнадцать патронов калибра девять миллиметров, и такого боезапаса вполне достаточно, чтобы выпутаться из любых неприятностей. Еще я люблю свой «Глок» за неприхотливость. Он действительно не боится ни воды, ни мороза. Причем мне удалось в свое время найти изделие из ограниченной серии, которое на девяносто процентов состоит из сверхпрочного карбонового монокока. Полимер снижает вес изделия в разы и при всей своей несерьезности выдерживает температуру нагрева до двухсот градусов. А еще карбоновый «Глок» легко разбирается на тридцать две составные части и прячется в багаже, после чего не привлекает внимания даже служб авиационной безопасности...

Таксист по моей просьбе тормозит у супермаркета, где я нагружаю корзинку апельсинами, яблоками, киви и бананами. Сверху набрасываю сыра и ветчины. С полка снимаю наудачу две бутылки незнакомого белого вина. На тот случай, если у Вероники будет вечером нормальное настроение. Но у кассы почему-то теряюсь, начинаю перекидывать пакеты из рук в руки, путаюсь в руках и бутылках, а в довершение хватаю рукой без перчатки стопку тысячных купюр. И тут же получаю хороший урок. Через меня проходит сигнал такой силы, что от боли я на некоторое время теряю сознание.

Человек с небольшим порогом чувствительности даже такого сигнала, скорее всего, не заметит. Максимум, почешет в затылке и только на следующий день истратит некоторое количество своих накоплений на очередную ненужную ему вещицу. Человек с нормальным порогом чувствительности потратит все доступные ему наличные в тот же вечер. А у меня разворачивается перед глазами масштабная космическая панорама с миллиардом звезд. Я лечу к этим звездам, раздвигая пространство и время. Я не чувствую себя среди этих звезд совершенно лишним. Я почти такой же, как они. Я тоже наполнен изнутри ярким светом. Я тоже излучаю вокруг себя свет, который виден на многие миллионы километров вокруг...

На самом деле я все это время валяюсь в проходе у кассы и доставляю множество неприятных минут двум охранникам и трем

кассиршам в форменных красных жилетах. Когда я открываю глаза, все они склоняются надо мной и выглядят крайне испуганными.

- Живой, - облегченно выдыхает кассирша постарше. - Слава те, Господи!

Я уже начинаю понимать, где нахожусь, и стараюсь подать своим спасителям хоть какой-то знак. Улыбнуться, например.

- Все равно нужно «скорую» вызвать, - нерешительно произносит кто-то, кого я пока не вижу.

Мне очень не хочется в больницу, и я с усилием приподнимаюсь с пола.

- Не надо «скорой», - говорю я. - Огромное спасибо за помощь. Мне уже легче. Я вполне смогу доехать домой, честное слово. Меня на улице такси дожидается...

Мне не верят и снаряжают одного из охранников, чтобы он проверил все лично, а при необходимости проводил меня до такси. Охранник прихватывает и пакет с покупками. Таксист так удивляется сопровождению, что оставшуюся часть дороги мы проезжаем вдвое быстрее, денег он берет с меня по минимуму, а у подъезда выходит из машины, чтобы лично подать мне в руки чемодан и покупки. Все складывается удачно, и до прихода Вероники я успеваю не только спрятать подальше чемодан, но и накрыть стол - вино и легкие закуски...

- По какому поводу торжество? - подозрительно интересуется Вероника с порога. - Учти, я с чужими мужчинами без повода не пью.

- А давай тогда знакомиться, - предлагаю я. - Меня зовут Евгений. Вынужден сразу предупредить: я женат, не богат, не знаменит и абсолютно бесперспективен. У меня есть почти взрослая дочь, которая проводит каникулы у бабушки, а еще у меня имеется хорошее вино, которое называется... э-э-э... Не успел, к сожалению, запомнить. Но я надеюсь, что оно самое белое из всех мне известных!

Вероника смеется, присаживается за стол и тянется к сыру и нарезанной ветчине.

- Проголодалась, если честно...

Для закрепления успеха я зажигаю свечи и быстро разливаю вино в высокие бокалы.

- За что пьем? - игриво интересуется Вероника. - Требую тост!

- За продолжение нашего знакомства!

Интуиция мне подсказывает, что если я не буду угрюмо молчать, то рано или поздно мы настроимся на одну волну, а вечер пройдет тихо и спокойно. Но нужная волна все как-то не находится, и через двадцать минут я и сам не выдерживаю тяжести своих натужных острот.

- Шут ты, Титов, - говорит со вздохом Вероника и делает большой глоток из бокала. - Ну как ты мог так уехать, даже не предупредив? Я целый год после этого редела ночи напролет. Спать не могла. Все

ждала, ждала... Думала, опомнится. Вернется домой. Извинится, в конце концов. И что? Вот он ты. Появился, как здрасьте. Со своими шуточками и прибауточками. По пути из ниоткуда в никуда. Я даже не знаю, где ты на самом деле был, Женя. А с кем ты там был - это уже другой вопрос... Может, ты мне вообще наврал про Берлин? Может, ты жил себе спокойно все это время у какой-то девки на соседней улице, а когда она тебя выгнала, ты загрустил и вернулся ко мне. А теперь сочиняешь тут разные небылицы... Я даже не понимаю, о чем нам с тобой теперь говорить. Ну что ты молчишь? Скажи хоть что-то!

- Разве я молчу? Я постоянно пытаюсь что-то сказать. Но проблема в том, что сказать мне нечего... - Я коротко пожимаю плечами и допиваю вино. - Ты совершенно права. Во всем права. И я это без всякой иронии сейчас говорю. Мне бессмысленно тебе что-то доказывать. И убеждать тебя, что я говорю правду, тоже бессмысленно. Вся правда в том, что я неудачник, ничтожество, недоразумение, бездельник, лодырь, лох. Нужно подчеркнуть. И живу я только потому, что кто-то недосмотрел за тем, чтобы я не появился на этом свете...

- Женя, перестань! - Вероника шмыгает носом и вытирает его бумажной салфеткой. - Не говори так. Я просто хочу понять. Для себя хотя бы. Хочу понять, что теперь со всем этим делать. Вместе мы жить не можем. Порознь - тоже. Мы ведь даже не попытались найти решение. Мы его только отложили.

- Ну а если нам ничего не искать и дать мне еще один шанс?

Вероника нервно вздрагивает.

- Титов, ты вообще меня слушаешь? Вот ты приехал, упал мне как снег на голову, живешь целую неделю, а я каждый день жду, когда ты опять от меня сбежишь. Завтра, например, ты мне скажешь, что у тебя есть одно срочное дело, от которого зависит очень многое, а потом пропадешь еще на два года. Что, я не права?

- Нет, ты в очередной раз права, - вздыхаю я. - У меня осталось одно очень важное дело. И мне нужно срочно уехать в Бодайбо. Но это всего на неделю.

- Куда уехать? - искренне удивляется Вероника.

- В Бодайбо, - покорно повторяю я. - Это город в Иркутской области. Там золото добывают.

- Зачем? Ты уже и незаконной торговлей золотом промышлять стал?

- Не злись, очень тебя прошу. Золото тут совершенно ни при чем. Дело очень старое, гнусное, но мне его обязательно нужно завершить. И как можно быстрее. Это как заноза. Если ее не вытащить вовремя, она будет долго гнить и болеть. Ты потерпи одну неделю. Хорошо? Я когда вернусь, то все у нас будет нормально. И все тебе расскажу...

- Нет, Титов, я ждать не стану, я тебе прямо сейчас все расскажу, - обрывает меня Вероника. - Катись ты хоть в Бодайбо, хоть в Монако, а захочешь, так мотай в Гондурас. Я совершенно не возражаю. И решай

любые дела: важные, неважные, новые, старые - мне все равно. Только назад не возвращайся...

* * *

Заместителя главы администрации Бодайбинского района на рабочем месте нет. Есть его секретарь, Елена Алексеевна, молодая и рыжая, как львица. У нее примерно пятидесятый размер и почти два метра в холке. Надо полагать, чья-то родственница, поскольку работа в администрации - это синекура по местным меркам. В приемной пусто. Я похоже единственный посетитель за весь день, поэтому львица откровенно скучает. Одним глазом и одним пальцем она контролирует клавиатуру, а вторым глазом косит в мою сторону. Львице любопытно. Новые лица в Бодайбинской администрации - редкость. Начальство из Иркутска прилетает нечасто, а старатели, регулярно пополняющие вакансии в артелях, в здание администрации не попадают. Им по рангу не положено. Но я не желаю удовлетворять любопытство секретарши, поэтому с важным видом поправляю пиджак и продолжаю изучать выпуски местной газеты, разложенные на столике для посетителей. Пусть львица поволнуется.

За окном ничего интересного. Там застыла неприглядная картинка города Бодайбо, в котором с самого раннего утра моросит совсем не летний дождь. Город одноэтажен, изрядно потерт, а дороги его изъедены рытвинами, словно их ежегодно подвергают массивной бомбардировке. Не лучше выглядят и окрестности. Ревущие и завывающие драги давно превратили территории многочисленных приисков в неземные пейзажи. Отвалы переработанного щебня тянутся от Бадайбо до самого горизонта, а между ними петляют дороги, густо испещренные метеоритными кратерами. Когда-то старатели разъезжались по берегам окрестных рек, оседали, мыли золото, потом золотодобыча ушла дальше - по руслам, а оставленные поселения так и стоят. Стоит и город-призрак Вачинск, брошенный строителями еще двадцать лет назад...

- Я думаю, Иван Сергеевич сегодня уже не появится, - говорит львица со значением. Видимо, я лишаю ее законной возможности покинуть рабочее место пораньше.

- Неужели? - удивляюсь я.

- Обычно Иван Сергеевич меня предупреждает, если собирается вернуться, а сегодня не предупредил...

- Это плохо, - равнодушно роняю я и неторопливо разворачиваю следующую газету. И опять натываюсь на слово «золото». На днях, оказывается, местным управлением по борьбе с экономическими преступлениями был арестован криминальный дуэт из рабочего и

охранника. Они выносили с территории артели промышленное золото в сигаретных пачках и прятали его под мусорным баком в общежитии. Своим преступным промыслом дуэт занимался несколько месяцев и успел реализовать более килограмма золота. Еще почти килограмм был изъят у них в ходе оперативных мероприятий. Не теряли времени даром и сотрудники местного ФСБ, арестовавшие безработного, у которого обнаружилось более трех килограммов золота. Уже установлено, что молодой мужчина входит в преступную группировку, которая организовала незаконный канал вывоза драгметаллов из Бодайбинского района.

Единственную заметку, где золота нет впрямую, я нахожу в разделе «Культура». Она про поэтический вечер в киноконцертном зале «Витим», приуроченный к изданию сборника стихов местных авторов - «Бодайбинской земли голоса». Я представляю себе эти голоса и не могу сдержать улыбки. Бодайбо - это город, который строился на костях. Кстати, вовсе не фигура речи. Минимум треть местных жителей - это очумевшие и отощавшие от изнурительной работы старатели. Кроме как золотодобычей, заниматься в Бодайбо просто нечем. И даже думать о чем-то, кроме золота, здесь не получается. И если бы свободный оборот золота был неожиданно разрешен, то старожилы Бодайбо вытащили бы из своих закромов далеко не одну сотню килограммов драгоценного металла...

- Простите, вас к телефону. - Львица робко протягивает мне телефонную трубку.

- Алло, - говорю я сдержанно. - Титов слушает.

- Евгений, дорогой мой человек, - доносится в ответ знакомый басок заместителя главы. - Ну не маячь ты на ветру. Где остановился?

- Как обычно, - говорю, - в «Угрюм-реке». На улице Первомайская.

- Да знаю я, где эта гостиница, - ворчит мой собеседник. - Давай сделаем так. Ты сейчас пообедай и возвращайся в номер. А ровно в пять я за тобой заеду.

Я небрежно кладу трубку на стол и смотрю на львицу строго. Она заискивающе улыбается. Видимо, подслушивала наш разговор. Впрочем, мне их местные дела - до фиолетовой звезды. Я хотел разворошить этот муравейник, чтобы все фигуранты стали совершать хаотичные движения с нужными мне результатами, и своего, похоже, добился. У Ивана Сергеевича сдают нервы. Значит, мне уже можно с холодной улыбкой покинуть здание администрации, взять такси и спокойно возвращаться в гостиницу.

Вчерашнюю встречу с директором бодайбинского детского дома я тоже оцениваю высоко. Даже к гадалке не ходи, Семён Валерьевич Самосудов испугался. И своему покровителю бросился звонить сразу после моего ухода. На редкость трусливый и мерзкий тип этот Самосудов. Но выбирать не приходится. Я работаю с тем материалом,

который есть. И все равно приятно вспомнить, как позеленела вчера рожа Самосудова, как заерзал он по стулу задницей, как стал елозить по столу своими потными ладонками. У него директива из района, ему спустили циркуляр, он ничего не мог поделывать. Врал, тварь продажная. Как Самосудов любит деньги - это отдельная тема. Впрочем, в Бодайбо деньги любят все. Вот и Иван Сергеевич их тоже любит. В Бодайбо, пожалуй, вообще нет такого человека, который бы не любил деньги. Альтруисты сюда не попадают. Так что лучшее место для Зародыша даже и придумать-то трудно...

Иван Сергеевич, как я и ожидал, в номер подниматься не спешит. Но я не гордый. Я сам спускаюсь на улицу и падаю на заднее сиденье большого джипа с госномером. Руки не протягиваю. Впрочем, Иван Сергеевич делает вид, что моего хамства не замечает. Сегодня он живое воплощение гостеприимного хозяина бодайбинской тайги. Заботливо интересуется, как я устроился, как долетел. Беспокоится о моем самочувствии. Мол, может, помощь требуется?

- Это вы меня спрашиваете про самочувствие? - нервно вопрошаю я. - У меня сейчас самочувствие человека, который притащился за семь тысяч километров с несколькими пересадками в самую глубокую задницу своей страны, а теперь узнает, что его здесь и не ждали. Или я что-то не так понял? Иван Сергеевич морщится.

- Не надо все так драматизировать, Евгений. Ничего непоправимого не случилось...

- Да? - удивляюсь я. - А что тут у вас вообще могло случиться? Поясните, будьте так любезны... Или мне напомнить о наших договоренностях? Так это нетрудно. Три года назад я предлагал вам чистое и совершенно безопасное дело. Здесь, на вашей территории, под вашим контролем работает некий детский дом. В этом учреждении есть мальчик - Александр Немченко. Он хоть и круглый сирота, но мой дальний родственник, поэтому мне небезразлична его судьба. А от вас я хотел только гарантий. Я просил, чтобы с этим мальчиком ничего не случилось. И за это три года добавлял к вашей немалой зарплате приличную сумму. А теперь директор этого детского дома меня уверяет, что я не смогу увидеть Сашу. Я интересуюсь: почему? А потому, говорит он мне, что мальчик Саша два месяца назад был переведен в один из детских домов города Иркутска, где сейчас готовятся документы на его усыновление семьей Шишкиных, проживающих в том же Иркутске.

- Не волнуйся, Евгений. Думаю, что в ближайшее время мы во всем разберемся, - пытается успокоить меня Иван Сергеевич. - Мальчику потребовалось, насколько я знаю, комплексное медицинское обследование. У нас такого оборудования нет, поэтому его и перевели временно в Иркутск. Временно - я подчеркиваю. Так что это недоразумение...

- Недоразумение?! - Я взрываюсь. - Вы тут оглохли все? Ау! Меня кто-то слышит? Мне наплевать на ваши местные недоразумения. Но я очень сильно расстраиваюсь, когда меня держат за баклана. Какие обследования понадобились мальчику Саше, которые нельзя сделать в Бодайбо? В поликлинике артели «Голец Высочайший» вполне современное оборудование. Но у них, насколько я знаю, нет только хорошего томографа. Так?

- Ну, я не врач, - смущенно бормочет Иван Сергеевич.

- А кто решил, что Саша болен? Где его медицинская карта? Кому понадобилась его томограмма?

- Да на кой всем сдался этот пацан? - не выдерживает моего натиска Иван Сергеевич. - Его что, из золота слепили?

- А вот это уже другой разговор. - Я придвигаюсь ближе. - Смотрите мне в глаза и рассказывайте, кто еще проявлял интерес к мальчику? Говорите, не стесняйтесь...

Иван Сергеевич начинает понимать, что сболтнул лишнего, и сразу сникает. Смотрит в пол, достает из кармана пиджака платок и нервно вытирает рот.

- Мы разберемся... А ты, Евгений, послушай моего совета, ты уезжай сейчас, да. А через три месяца опять приезжай. Если не исправим ситуацию, половину денег сразу отдам, а вторую половину тоже верну, но чуть позже...

Я демонстративно вздыхаю.

- Напрасно вы упрямитесь, Иван Сергеевич. Вы мне расскажите, что знаете. Вам даже ничего делать не придется. Только фамилии назовите. Неужели мы наступили на хвост авторитетному золотодобытчику Савельеву, в определенных кругах более известному под кличкой Сильвестр?

Иван Сергеевич испуганно машет головой.

- Хорошо, - говорю я. - Согласен. Приеду через три месяца. Но не позже. И в следующий приезд мне бы очень хотелось получить от вас приятные известия.

Иван Сергеевич сразу оживляется.

- С тобой всегда приятно иметь дело, Евгений. Три месяца - клянусь! Ровно три. День в день. А о билетах не беспокойся. Мы тебе их завтра с утра в гостиницу доставим с курьером. На вечерний рейс. Из брони администрации...

Мы прощаемся, усиленно делая вид, что остались довольны друг другом. Но он прекрасно понимает, что я недоволен. А я понимаю, что чиновник просто пытается оттянуть время. Он обо мне ничего не знает, поэтому на всякий случай побаивается. Но Сильвестра он боится гораздо больше. Он, как никто другой, понимает справедливость местной поговорки: «Что хорошо для Сильвестра, то хорошо для Бодайбо». Зато я знаю, кто и зачем заручился поддержкой Сильвестра,

чтобы вытащить из детского дома мальчика Сашу. Прости меня, Саша. Надеюсь, когда все успокоится, а про тебя все забудут, ты хотя бы не вернешься в приют...

Улыбаясь пожилой администраторше, я возвращаюсь к себе в номер. Запираю дверь на засов, снаряжаю запасной магазин для «Глока». Сегодня я еще в относительной безопасности, но лучше быть готовым к неожиданностям. В восемь мне предстоит еще одна встреча. Потом я хочу немножко помотаться по городу и поздним вечером поужинать в ресторане «Самородок». Возвращаться в гостиницу буду поздно. А вдруг какие-то хулиганы на выходе из ресторана или на входе в гостиницу захотят проверить карманы приезжего лоха? С местных-то что взять - они в большинстве своем бедны, как церковные крысы.

Перед уходом я притормаживаю у стойки администраторши, небрежно перебрасываюсь с ней свежими новостями, почерпнутыми из передач единственного местного телеканала, как бы невзначай предупреждаю, что собираюсь посетить «Самородок», и уже со спокойной душой направляюсь к магазину в трех кварталах от гостиницы и набиваю сумку подарками: апельсинами, конфетами, пряниками, печеньем и вафлями. В ближайшей к магазину подворотне нахожу фамильный УАЗ братьев Максимовых. За рулем самый младший, Кеша. А старший, Пётр, уже ждет меня в приюте, где он за копейку трудится истопником, а по совместительству подрабатывает разнорабочим и ночным сторожем. Пётр - соль бодайбинской земли. Его я очень уважаю. За три года у нас ни разу не возникало разногласий...

- Сторов, Еня! - искренне радуется мне Пётр, сильно шепелявя и улыбаясь беззубым ртом. - Как ывес?

- Да твоими, понимаешь, молитвами! - Я охлопываю по плечам низкорослого якута. - А как там мой паренек? Не скучает?

- Номально, номально, - кивает головой якут. - Сасись, сисяс посову!

Пётр ненадолго исчезает, а когда возвращается в кочегарку, то ведет за руку слегка прихрамывающего шестилетнего мальчишку по имени Боря. В этот момент мое сердце начинает подавать сигналы уже откуда-то из области желудка.

- Сасись, Боя! - Пётр подставляет табурет.

Но мальчик не торопится. Он останавливается на пороге и смотрит на нас исподлобья. Судя по грязным штанам со следами чужих ботинок, рваной женской кофте, свисающей почти до колен, синим кругам под глазами, зеленой скуле и треснутым стеклам очков, жизнь его воспитывает исключительно в строгости.

- Привет, Боря, - говорю я намеренно бодрым голосом, а сам в это время выкладываю на кривоногий столик сладости. - Кто это тебя так разукрасил?

- Пасаны, - коротко комментирует Пётр и гладит нахмуренного Борю по голове. - Ты не бойся! Ты сасись, кусай!

- Дело, как говорится, молодое, - киваю я. - Ты, Боря, не теряйся. Все, что видишь на столе - твое. Что не съешь, то с собой унесешь, с пацанами поделишь. А меня ты совсем не помнишь?

- Ты мой папа? - с надеждой поднимает брови Боря.

- Ну, можно и так сказать. Не в буквальном смысле, конечно, но все равно...

Боря моих слов не понимает. Да они ему и не требуются, собственно. Он уже услышал в моем ответе желаемое слово «папа», и его уже все устраивает. Он охотно забирается на табурет и жадно набрасывается на конфеты «Полет».

- Ты это, парень, так плотно не налегай, - запоздало спохватываюсь я.

- Иначе на неделю в туалете поселишься...

Боря замирает и непонимающе смотрит на старого якута. Но тот лишь гладит Борю по голове и шепчет:

- Пасаны, да...

- Петя, оставь меня с ним на полчаса, ладно?

Якут бросает взгляд на Борю и исчезает. Мы остаемся одни.

В кочегарке зябко. На закопченных стенах проступает влага, с потолка сурово взирает голая лампочка в сорок свечей. Пока мальчишка занимается пряниками, я рассматриваю небольшое хозяйство Петра - стол, стул, два табурета, старый крашенный шкаф с железной посудой и топчан, накрытый жестким шерстяным одеялом, - и вспоминаю кандидата медицинских наук Райского, над которым когда-то потешались все нейробиологи России. Юный Райский занимался исследованиями гиппокампа - парной структуры в толще полушарий головного мозга. И даже выстроил собственную теорию, которой по молодости и глупости пытался поделиться с умными коллегами. Как предположил Райский, у некоторых младенцев этот самый гиппокамп на стадии эмбрионального развития при определенных условиях не формируется, зато вместо него в мозгах могут образоваться две области с более сложной структурой, чем даже у коры.

В нейробиологии я ничего не понимал ни тогда, ни теперь, и мы с Пашей Дудкиным над Райским тоже посмеивались поначалу. Но когда по настоянию Егора я сделал несколько математических моделей этого теоретического умозаключения, а потом внимательно изучил результаты, то посмеиваться перестал. А после того как у Райского начисто снесло крышу, я вообще разучился смеяться. Что хотел доказать всему миру Райский, я не знаю. Лично я никому и ничего доказывать не намерен. Я просто знаю, что Зародыш - это не теория, поскольку он сейчас сидит прямо передо мной. Мальчик по имени Боря. Живой, теплый и несчастный. Поедает пряники и печенье, закусывая конфетами. К апельсинам даже не притрагивается. Видимо, не может понять, что с ними нужно делать. А я не могу понять, что нужно делать с ним: обнять несчастного сироту или свернуть шею будущему монстру.

Сейчас биография Бори состоит всего из одной строки: в возрасте двух недель обнаружен на пороге роддома, по заявлению правоохранительных органов и органов опеки принят в Дом малютки, а в возрасте трех лет переведен в Бодайбинский детский дом номер один. И выглядит он пока как обыкновенный шестилетний сирота, то есть нелепое создание с огромными оттопыренными ушами и непомерно тонкой шеей, вечно голодное, затравленное, забитое и напуганное до икоты. Но очень скоро этот запуганный мальчишка вырастет, окрепнет, покинет детский дом или приютившую его семью и превратится в бойкого юношу, которому будет сопутствовать успех во всех его деловых начинаниях.

Боря будет не просто успешен, а феноменально успешен. Он будет играючи и с выдумкой подавлять все живое, до чего дотянется, пройдет бульдозером по жизням миллионов нормальных людей и станет в итоге обладателем огромных капиталов, размер которых даже представить себе сложно. Возможно, Боря не забудет про свой детдом и даже его как-то облагодетельствует. Построит, например, для новых воспитанников особняк из желтого кирпича, а на месте старого здания возведет хоккейный стадион с трибунами, куда одновременно смогут поместиться все жители города Бодайбо.

Какие процессы происходят сейчас в голове у мальчика Бори, я не знаю. Могу только предполагать. Но они не человеческие - это точно. Развитие патогенного новообразования, по мнению Райского, всегда происходит по одному сценарию: в этой патогенности со временем формируется ряд сенсорных зон еще более высокого порядка, они получают, фильтруют и интегрируют информацию от различных органов чувств, постепенно подавляя все области коры и все подкорковые структуры. А существо с таким строением мозга уже трудно назвать человеком. Райский пришел к этим выводам в своих последних работах, а когда сошел с ума, то сам же их уничтожил.

* * *

Дорога ныряет в глубокую ложбину, где еще с ночи залег густой туман. УАЗ младшего Максимова продвигается вперед почти шагом. Боря спит на заднем сиденье, подложив под голову кроличью ушанку. На нем теплые брюки, зимние ботинки и прожженное в нескольких местах пальто на ватине. Пальто из толстого драпа в коричнево-серую клетку - это вечная тема. Что-то похожее я видел на детских фотографиях своего отца. Да и сам еще успел в детстве его поносить. Я пытался, конечно, убедить Борю в необходимости оставить все свое имущество в наследство детдому, поскольку передвигаться летом в зимней экипировке непросто. Но время поджимало, а Боря отвергал все мои

предложения так категорично, что я вынужден был отступить. Видимо, зимние вещи были для него символом будущей стабильности. Что бы, мол, ни случилось, но лето неминуемо закончится. А когда наступят морозы, то хотя бы мерзнуть не придется. И наличие глубокого философского смысла в его логическом построении я не могу не признать...

- Притормози! - прошу я Максимова и внимательно вглядываюсь в лобовое стекло. Нет, не показалось. Впереди нас небрежно припарковавшийся вездеход. Это тоже УАЗ. Только из новых.

- Сиди на месте! - останавливаю я Максимова и оглядываюсь на спящего Борю. - Никаких резких движений. Просто присмотри за парнем. Я узнаю, что там произошло.

Чужая машина торчит в тумане мертвой глыбой. Стоит с заглушенным двигателем и потушенными фарами. На подножке кто-то сидит. На всякий случай я достаю из сумки свой «Глок» и прячу его за брючный ремень. Размахивать оружием вовсе не обязательно, но лучше пусть оно будет в доступности. В окрестностях Бодайбо далеко не все случайные встречи заканчиваются благополучно...

При моем приближении человек встает, сплевывает на дорогу и идет навстречу. Его походка кажется мне знакомой. Да и лицо тоже. Я останавливаюсь. Чего-то подобного я ожидал, если честно. Но не сейчас. Несколько позже...

- Привет, Егор, - говорю я, стараясь выглядеть растерянным.

- Не делай вид, что сильно удивлен, - веселится Егор. - Давай обнимемся, Женя. Мы же давно не виделись!

Я непроизвольно отступаю на шаг.

- Нет? Не желаешь? - демонстративно удивляется Егор. - Или ты не рад старому другу?

- С такими друзьями и враги не нужны...

Из машины выглядывает Кеша. Я машу ему рукой, чтобы он оставался на своем посту.

- Не желаешь прогуляться? - ехидно интересуется Егор.

- Можно и прогуляться, - мирно говорю я.

- Да, места здесь знатные. Жаль, туман не успел рассеяться, а так бы мы полюбовались настоящей тайгой. Если подняться из низины, то вид будет просто изумительный. А воздух! Чувствуешь, какой свежий?! Это потому что река рядом. Не бойся, я не кусаюсь.

- Да я и не боюсь. Просто немного растерялся. Впервые вижу ожившего покойника.

Пока Егор смеется, я быстро осматриваюсь. Похоже, кроме нас, здесь никого нет. Видимо, он рассчитывал на внезапность, поэтому приехал один.

- Наш мальчик с тобой? - как бы невзначай интересуется Егор.

- А я думал, что с тобой.

- Не надо меня парить, Женя. Я не про Сашу говорю, которого ты мне подставил, а про другого мальчика.

Я пожимаю плечами.

- Не понимаю, о чем ты...

- Ну и ладно, - примирительно говорит Егор. - Не понимаешь и не надо. Чего нам с тобой теперь делить, да? Зародыш у нас, и это главное. Мы же интеллигентные люди, Женя. Пора нам забыть о наших творческих разногласиях. Если ты не ошибся - а я надеюсь, что ты не ошибся, - то денег хватит всем. Не об этом ли мы с тобой когда-то мечтали? О временах, когда о проклятых деньгах можно будет наконец не думать...

- О деньгах с моей стороны речь не шла вообще, - перебиваю я. - Моей единственной целью, если помнишь, было уничтожение Зародышей.

- Я все помню, - морщится Егор. - Но что-то я не заметил, чтобы ты сильно торопился с уничтожением. Сколько лет уже прошло, а?

- Извини, раньше все недосуг было.

Мы поднимаемся из низины. Туман немного рассеивается. Скоро должен показаться и берег Витима. Я здесь еще не бывал, но знаю, что Пыхти-гора со стороны реки заканчивается почти вертикальным обрывом...

- Нет, Женя, уничтожать ценный для науки объект - это варварство! - заходится Егор в порыве благородного гнева. - Это какое-то средневековье, в конце концов. Мы сделали открытие, которое тянет на три Нобеля, а ты ведешь себя как полный идиот и собираешься уничтожить единственное на сегодняшний день доказательство нашей теории.

- Нашей? - удивлюсь я.

- Нашей, не нашей - какая уже разница. Райский на нас не обидится, я тебя уверяю. Просто я пытаюсь уберечь тебя от ошибки. Я не дам тебе совершить очевидную глупость. Я тебя спасу. Хотя, конечно, дураком ты всегда был изрядным. Но талантливым дураком. Не таким, как Алик или Дудкин...

- Ну и что мы будем делать с Зародышем? - интересуюсь я. - Приложим к заявке в Нобелевский комитет?

- Не сразу, дружище, не сразу. Сначала мы проведем серию экспериментов с объектом.

- А потом? Ты хоть представляешь, что будет? Или ты собрался вот так запросто объявить на весь свет, что самые богатые люди планеты - это мутанты и всех их нужно сунуть головой в ядерно-резонансный томограф?

- А вот умничать не надо, - отрезает Егор. - Мы же в лоб действовать не собираемся. Если бы ты был таким умным, как пытаешься казаться, я бы тебя не вычислил. Не хочешь, кстати, узнать, как я это сделал?

- Не хочу. Не люблю пафосных детективов с двумя героями, которые стоят в финале друг напротив друга и долго рассуждают о том, кто кого переиграл.

Егор усмехается и небрежно цепляет носком остроносого ботинка небольшой камушек. Тот взлетает высоко в воздух и беззвучно исчезает в близком уже обрыве.

- А ведь это было нелегко, Женя. Но я спинным мозгом чувствовал, что ты не отступишь от Зародыша, поэтому до упора искал твой сервер. Почти два года на это убил. Еще год ушел на то, чтобы незаметно к нему подобраться. Он ведь физически у тебя в Сайгоне, да? Ладно, хотя бы сейчас расслабься. Ты везучий, Женя. И я этого не отрицаю. Но твое везение кончилось. Твои поисковые роботы выдают себя слишком большой аккуратностью. Они так дотошно и тщательно шарят по всей Сети и так аккуратно замечают за собой хвосты, что я сразу их заподозрил. Понимаешь, надеюсь, к чему я клоню? Не нужно быть таким педантом!

Егор хохочет и панибратски хлопает меня по плечу.

- Остальное элементарно. Мне оставалось просеять все маломальски подозрительные транзакции, которые проходили в последнюю пару лет через РКЦ нашего милого Центрального банка, и выйти на Бодайбо. А потом уже следить за этим городком внимательно. Ты не мог платить здешним чиновникам наличными. Да и не любишь ты наличные, об этом я тоже помню...

Егора завораживают обертоны собственного голоса, и он не успевает среагировать на мой шаг в сторону. Слишком поздно он замечает движение моей руки. И пока его рука тянется за пазуху - к «Стечкину» (почему-то я уверен, что у Егора именно «Стечкин»), я успеваю восемь раз нажать на курок «Глока». Восемь пуль диаметром девять миллиметров с интервалом в четверть секунды проникают в мягкие ткани груди, шеи и живота Егора, не оставляя ему ни единого шанса. После восьмого выстрела Егор валится спиной на камни с грацией подпиленной сосны. И хотя он все еще пытается мне что-то сказать, я слышу только хрипы.

Когда на лице моего бывшего друга навсегда застывает маска безмерного удивления, я проверяю его карманы. Под курткой действительно нахожу «Стечкина» в элегантной наплечной кобуре из тонкой кожи. С ним и возвращаюсь на дорогу.

Кеша Максимов открывает дверь и бросается мне навстречу.

- Я слышал выстрелы, - шепчет он.

- Показалось, - отмахиваюсь я, маскируя «Стечкина» полый пиджака. - Но ты молодец. Хорошие нервы - залог долголетия. Подожди меня еще пять минут. Мальчишка так и не проснулся?

- Спит, как бурундук, - смеется Кеша.

Я возвращаюсь через туман к берегу. От обрыва до того места, где

лежит Егор, меньше десяти метров. Я подтаскиваю грузное тело волоком и без особого труда спихиваю с обрыва вниз. Егор исчезает в туманной дымке над рекой почти беззвучно. Следом за ним отправляются и камни, на которых я нахожу следы крови. Теперь пусть поработает старина Витим. В Бодайбинском районе люди исчезают часто. А если потом и находят труп, то поспешных выводов не делают. Часто обнаруживают здесь и останки старателей, которые получили расчет в конце сезона, но до Большой Земли так и не добрались. На Крайнем Севере на многое привыкли смотреть спокойнее, чем на Большой Земле.

И даже если кто-то установит каким-то чудом личность очередного погибшего в перестрелке бандита и все узнают, что убитого звали Игорь Васильевич Кузьмин, который постоянно проживал в городе Омске, то все еще больше запутается. Хотелось бы мне увидеть лицо того следователя, которому в ответ на его запрос поступит из Омска официальная бумага, где черным по белому будет написано, что Игорь Васильевич Кузьмин никак не мог быть убит в Бодайбо, поскольку давно скончался от инфаркта.

Жаль ли мне Егора? Конечно, жаль. Любого человека жаль. Но лучше я буду оплакивать Егора, чем он меня. И хотя бы изредка стану приносить цветы на его могилку. Мог бы я рассчитывать на такую же любезность с его стороны? Едва ли...

- Так, Кеша, наши планы меняются, - говорю я, возвращаясь к машине. - Прииск «Кучерявый» по боку. Нам с Борей нужно срочно выбраться из города. Самолет не годится. Самый реальный вариант - паровозом из Таксимо. На нем мы легко доберемся до Тайшета. Но проблема в том, что у парома нас могут ждать люди, с которыми мне бы не хотелось встречаться... Отсюда следует вопрос: как еще можно добраться в Таксимо, если не на машине? По реке можно?

Кеша пожимает плечами.

- Можно и по реке. Если на катере, то меньше чем за полдня...

- Отлично, - говорю я. - Тогда мне требуется водный транспорт. Плачу двойной тариф за срочность. Ты сможешь найти катер?

Несколько секунд Кеша думает, после чего утвердительно кивает.

- У Пахомова есть катер. Хороший. Быстрый. Но все Пахомовы очень жадные...

- Кеша, времени в обрез. Давай к твоему Пахомову, - решаю я.

А жадности неизвестного мне Пахомова я даже рад. С жадными людьми всегда проще договориться. Их почти не приходится упрашивать. За деньги они готовы рисковать, быстро думать, корректировать свои планы и подстраиваться под заказчика. И Пахомов меня не подводит. Подумав всего минуту, сморщенный якут называет сумму. Я сразу соглашаюсь. И обещаю ему еще столько же, если он доставит нас в Таксимо не позже шести вечера. Спустя

полчаса Пахомов уже находит бочку бензина и спускает катер на воду, а я успеваю только попрощаться с довольным Кешей, которому кроме денег достается и трофейный «Стечкин».

Еще через час речной ветер уже начинает выдувать из меня остатки тепла и хорошего настроения. Укрываясь мокрым брезентом, я начинаю понимать Борю, который не захотел расставаться с зимним пальто. Спустя еще несколько часов, когда за плоской стрелкой Витима показываются первые дома бурятского поселка, где советская власть успела проложить в свое время Байкало-Амурскую магистраль, холод уже скручивает меня так, что я не могу даже обрадоваться по-настоящему.

- Прибыли, - кричит довольный Пахомов. Ему хорошо. У него есть ватник. И черная вязаная шапочка.

- Т-т-лич-ч-чна! - выжимаю я из себя, натягивая на негнущиеся пальцы нитяные перчатки и пытаюсь отсчитать Пахомову нужное количество купюр. Боря поправляет ушанку, постоянно спускающуюся ему на глаза, и косится на меня. Наконец не выдерживает и задает прямой вопрос:

- Папа, это деньги?

- Д-д-да, - киваю я. - Д-д-дрянь!

Боря удовлетворен. Я тоже. Это первые его слова с момента отъезда из детдома. И меня радует хотя бы то, что мальчик готов к контакту. Я не хочу постоянно влипать в разные неприятные истории. Одиноким мужчиной с маленьким мальчиком и так-то вызывает ненужные вопросы, а с Борей, у которого ко всему прочему нет никаких документов, трудно даже надеяться на поездку без приключений...

К счастью, на вокзале в Таксимо мы долго не ждем. Нас подбирает до Усть-Кута почтовый вагон, где мне удастся пристроить Борю подремать на мягких мешках с письмами. От Усть-Кута до Тайшета цепляемся к вагону-ресторану. У директора передвижного пищеблока Севана Арутюновича имеется малолетний внук Севанчик, поэтому с добродушным Севаном мы находим общий язык довольно быстро. Мы с ним даже по рюмке коньяка успеваем опрокинуть за знакомство. Продолжается наше везение и в Тайшете. Мне удается заболтать пожилую кассиршу, и до Красноярска мы отправляемся почти с комфортом - в общем вагоне. Долго пьем чай, разговариваем, смотрим в окно. Боре все в диковинку. И от окна его не оторвать. Он даже соглашается на радость снять пальто. Но шапку пока не отдает.

- Да, не сладко вам пришлось, - сетует проводница, внимательно разглядывая то Борю, то меня.

Я не возражаю. Нам действительно никто дорогу не сахарил...

В Красноярске мы довольно легко отбиваемся от дежурного лейтенанта на вокзале, которого сильно смущают синяки на Бориной физиономии. Сначала лейтенант пытается вытребовать у меня

доверенность на перевозку несовершеннолетнего сына, но в нужный момент Боря так яростно виснет на моей руке и так отчаянно вопит: «Дяденька, не трогайте моего папу», что доблестному сотруднику транспортной милиции не остается ничего другого, как отпустить нас на все четыре стороны. В одной из этих сторон я покупаю дешевую пудру и пытаюсь решить вопрос с синяками кардинально. Боря морщится, но пудру терпит.

- А ты молодчага, парень, - говорю я, когда мы устраиваемся на нижней полке плацкартного вагона пассажирского поезда «Иркутск-Казань». Боря смотрит по-прежнему хмуро, но прижимается ко мне теснее.

Так мы и едем с ним весь день. Вместе истребляем копченую курицу и консервы «Сайра». В промежутках опять пьем чай и смотрим в окно. Ближе к Новосибирску Боря разрешает снять с себя не только шапку, но и зимние ботинки, после чего мгновенно засыпает. Накрывая его чуть влажной простыней, я ловлю себя на странной мысли. Мне уже не первый раз кажется, что какими-то отдельными штрихами, какими-то неуловимыми элементами, случайными и неловкими движениями этот затюканный детдомовский мальчик напоминает меня в далеком детстве. Но такие мысли я прогоняю. Они высверливают мозг не хуже советской бормашины...

В Омск мы прибываем утром и долго прощаемся со всем вагоном. Сердечно машем рукой проводницам. Потом долго машем всему вагону с перрона, а весь вагон - нам в ответ. В Омске установилась какая-то совсем тропическая погода с влажной жарой и плавящимся асфальтом. Я вызываю по телефону такси, и мы, отдуваясь, бредем в сторону привокзальной площади. Боря тащит свое пальто сам. Он плавится от жары вместе с асфальтом, но мужественно терпит.

Таксист оглядывает нас с ног до головы и требует оплату вперед. Я без возражений отдаю последние две сотни, и через двадцать минут мы с Борей уже стоим перед подъездом Вероники. Оба задираем головы и смотрим на два крайних окна.

- Там живет моя мама? - интересуется Боря.

- Надеюсь, что да, - вздыхаю я. - Давай мы с тобой присядем на пару минут. Смотри, какая лавочка удобная!

Теперь вздыхает Боря, но послушно пристраивается рядом.

Пауза мне нужна как воздух. Я еще не уверен в том, что все сделал правильно. Но при этом я прекрасно понимаю, что иначе поступить не мог...

В кармане оживает телефон.

- Привет, - говорю я в трубку. - Извини, Гера, совсем забыл тебе позвонить.

- И ты называешься друг? - смеется он в ответ. - Ты получил свой новый паспорт?

- Упс, - говорю я. - Паспорт... Совершенно вылетело из головы...

- А что ты сейчас делаешь?

- Культурно отдыхаю. У нас в Омске тоже имеются места, где можно отдохнуть. Есть даже целый Парк культуры и отдыха... Гера, извини, я сейчас немного занят. Я тебе позже перезвоню...

- погоди, не отключайся. Я тебя вчера во сне видел. Вроде мы были вместе на каких-то похоронах. А кладбище под горой. Все спускаются по дороге, а внизу река. Очень странная река. Вода в ней ледяная, почти черная. Я веду за руку какого-то мальчика. А ты в одиночку гроб несешь... Евгений, ты меня слышишь? Ты когда в Берлин возвращаешься?

Но на этот вопрос у меня пока нет ответа. Я делаю вид, что связь прервалась, и отключаю мобильник...

- Папа, смотри - это деньги? - задумчиво интересуется Боря, демонстрируя мне грязную сотку.

- Ты где это взял? - удивляюсь я.

- Под лавочкой, - признается Боря.

- Вот и положи обратно, - требую я. - И не хватай всякую гадость. А лучше кинь эту бумажку в урну. Понял?

- Понял, - говорит Боря и послушно избавляется от купюры.

- Ну что, потопали домой? А то наша мама уже заждалась, наверное...

Удивленная Вероника застывает в двери. У нее за плечом я вижу свою не менее удивленную дочь Ксюшу. Немая сцена длится не меньше минуты. Все это время Боря переминается с ноги на ногу рядом со мной, но потом не выдерживает и прячется у меня за спиной.

- Титов, ты что?.. - вздыхает Вероника. - У меня даже слов никаких нет, одни звуки. Это, конечно, не твой сын?

Я отрицательно мотаю головой.

- И тебя не смущает, что вы похожи?

Я опять мотаю головой и вытаскиваю Борю из-за спины.

- Вика, посмотри внимательнее. Разве мы похожи?.. А можно мы зайдём? Мы очень устали. Как-то все сумбурно вышло... Ксюша, отомри. Поздоровайся с папой и, если тебе не трудно, помоги этому бойцу раздеться.

Недоумение на лице дочери сменяется любопытством. Первую часть моей просьбы она игнорирует, но на вторую откликается: забирает у поникшего Бори пальто и быстро уводит его в комнату.

- Вот и славно, - оживляюсь я. - Вика, это действительно не мой сын. Клянусь! Это просто мальчик из детского дома. Мне пришлось его выкрасть.

- Зачем? - ошарашенно спрашивает Вероника. Глаза у нее становятся большими, как две мишени игры «Дартс».

- Ты не поверишь: я хочу, чтобы мы его усыновили.

- А кто его родители? Вдруг они алкоголики?

- Нет, они точно не алкоголики, - успокаиваю я жену. - С родителями у него запутанная история, но об этом чуть позже. В двух словах не расскажешь.

- Титов, я тебе честно скажу: от твоих выходок я в шоке. Я даже не знаю, что в таких случаях следует делать...

- В таких случаях следует жить, - уверенно говорю я. - Шить сарафаны и светлые платья из ситца...

- Вы полагаете, все это будет носиться? - слегка подыгрывает мне Вероника.

- Я полагаю, что все это следует шить. Проблемы, конечно, могут возникнуть, поскольку у мальчика нет документов. То есть вообще никаких. Но я обязательно что-нибудь придумаю. Если ты, конечно, дашь мне еще один шанс...

Я улыбаюсь.

Мне удается наконец ухватить за хвост мысль, которая изводит меня уже вторые сутки. И теперь я отчетливо понимаю, что смогу многое. И справиться с Борей я тоже смогу. Справились же как-то с Зародышем мои родители. Значит, смогу и я.

ТОМ ЛИГОН
ВСТРЕЧА В НЕБЕСАХ

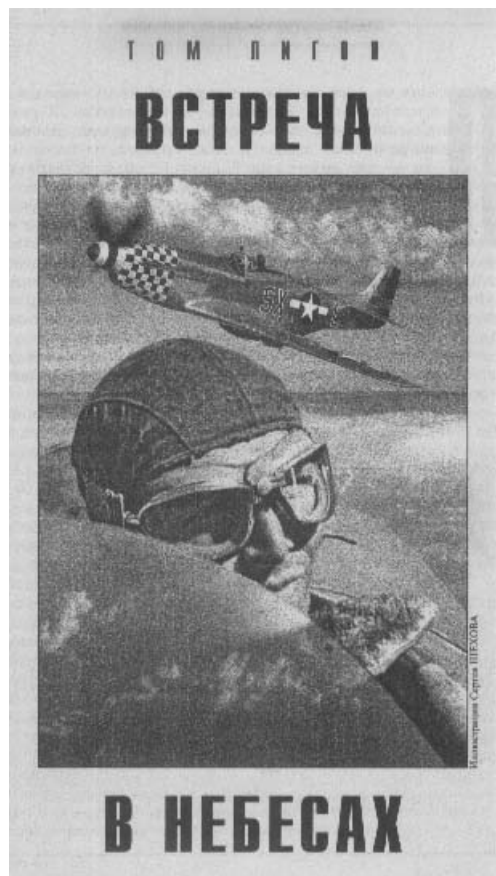

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Летающий передо мной «мессершмитт Bf-109» продолжал судорожно метаться, пытаясь сбить мне прицел. Я плавно выходил на позицию стрельбы, игнорируя его ведомого, который хотел проделать то же со мной, но безнадежно отстал. Оба пилота явно были неопытны и растратили кинетическую энергию своих аппаратов на резкие маневры. Самолет за спиной не представлял немедленной угрозы - и не будет представлять, если я не дам ему приблизиться на дистанцию стрельбы. Я атаковал ведущего в своей фирменной манере «переменные ножницы» - по сути, это преследование по спирали, позволяющее мне поддерживать нужную скорость, не обгоняя противника. Тот попытался сделать реверс, и я тут же оказался над ним, перевернувшись - идеальная позиция для противодействия такому маневру. Слегка шевельнув ручкой управления, я очутился у него за спиной, оценил упреждение, выпустил короткую очередь и был вознагражден небольшими вспышками на его крыльях и фюзеляже. Я использую в пулеметах комбинацию БЗ: заряжаю в ленту два бронебойных патрона, потом один зажигательный, но не трассирующие. Трассеры выдают твою позицию, а зажигательные вспыхивают при ударе и поджигают горючее, вытекающее из дырок, проделанных бронебойными.

Его самолет превратился в факел. Это четвертый.

Быстрый взгляд через плечо подтвердил расположение его ведомого.

Я позволил ему приблизиться, но не на дистанцию уверенного огня. У меня есть собственный Vf-109, и я тренировался на его симуляторах. Этот поджарый самолет со зловещим акулообразным фюзеляжем и «тепличным» фонарем кабины архетип немецкого истребителя своей эры, и без него никакая коллекция не может считаться полной. Я совершенно точно знаю, где расположены «слепые зоны» для сидящего в нем пилота. Легкое движение руки - чуть перемещается руль, и мой «мустанг» плавно переворачивается, потом я слегка тяну ручку на себя и падаю противнику под нос. Он наверняка ожидает, что я выполню половинку S-образной «змейки», но, едва скрывшись с его глаз, я делаю широкую «бочку». Он столь же предсказуемо переворачивается на спину, собираясь зайти мне в хвост, но мой маневр держит меня вне поля его зрения. Левая рука автоматически регулирует обороты двигателя, газ и угол атаки: я сбрасываю скорость ради высоты. Через несколько секунд я - все еще на спине - уже выше и чуть позади него. Я почти ощущаю его недоумение - куда подевался? - чуть беру ручку на себя и всаживаю ему в крыло сорок восемь пуль в секунду калибра 12,7 миллиметра, пятисантиметровой длины, летящих со скоростью три тысячи футов в секунду. Лонжероны крыла у него изрубают в труху, и оно чистенько отваливается. В отличие от первого пилота, этот ухитряется прыгнуть и раскрыть парашют. Так, это пятый.

Существует множество мифов о воздушных боях. Большинство людей думает, что тут все решают молниеносные рефлексы и способность выполнять маневры с большими перегрузками. А лучше всего такое удается молодым. Но я утверждаю противоположное. Если пилот полагается на рефлекс, то просто реагирует на ситуацию, вместо того чтобы ее контролировать. Хороший пилот будет оставаться намного «впереди самолета». Если вы полагаетесь на резкие маневры, то начинаете быстро терять скорость. А скорость - это жизнь. Суть воздушного боя - придумать способ, как навести свои пулеметы на другого парня, не дав ему прицелиться в тебя. А такое требует терпения, понимания маневров и стратегии. Это проблема, которую нужно решать, а не отчаянная и непредсказуемая дилемма. Для этого и требуется опыт.

Я убавил газ, сбросил обороты пропеллера и отрегулировал дифферент, возвращаясь в горизонтальный полет и сканируя при этом небо. Если не считать звена «мустангов» примерно в миле позади, небо осталось за мной.

- Отличная работа, Адский Огонь, - раздалось в наушниках. - Ас за день!³

³ * Выражение «Ас за день» использовалось для обозначения пилота истребителя, сбившего в течение дня пять и более самолетов противника. Наиболее известны немецкий пилот Ганс-Иоахим

- Да ну, все равно что стрелять по рыбе в бочке, - небрежно отозвался я. - Возраст и вероломство побеждают молодость и мастерство. Ладно, конец симуляции.

Изображение вокруг кабины симулятора растворилось. Я снял кислородную маску, разблокировал и сдвинул назад фонарь и начал отстегиваться и отключаться. Последние наноботы, создававшие эту симуляцию, растворились в квантовой пене или отправились туда, где они исчезают, когда не нужны, и я увидел стены камеры симулятора. Отворилась дверца, в камеру вошла Венди Тейлор.

Интересно, как бы она выглядела, если бы ее пепельные волосы не были стянуты на затылке в этот жуткий пучок? Большинство молодых женщин упорно стараются привлечь мое внимание, но не потому что я какой-то там сексапильный красавчик, а из-за моих денег. Венди же больше интересовало практическое воплощение обещаний ее компании о возможностях симуляционной технологии. И мне приходилось это уважать. Я стараюсь не судить о людях по их внешности, но трудно не оценить по достоинству здорового представителя противоположного пола. Венди не подошла бы под голливудское определение красавицы, но у нее было необычное и интересное лицо, а энергичность взгляда усиливала общее впечатление о ее уме. Удивительно привлекательная комбинация.

- Ну, мистер Дойл, что вы думаете? - спросила она.

Я выбрался из кабины, изображая беззаботность. Если честно, то тело немного затекло, а одна нога онемела.

- Я уже со счета сбился, сколько раз летал на эту миссию Йегера «ас за день»^{*4}. Пилоты неопытные, самолеты устаревшие. Детская игра да

Марсель, сбивший за три боевых вылета 17 истребителей союзников над Северной Африкой 1 сентября 1942 года. Во время Первой мировой войны прославился немецкий пилот Фриц Отто Бернерт, сбивший 24 апреля 1917 года всего за 20 минут 5 самолетов противника, хотя он носил очки и пользовался практически одной рукой. (Здесь и далее прим. перев.)

⁴ * Чарлз Элвуд Йегер (Charles Elwood Yeager), более известный как Чак Йегер (Chuck Yeager, также встречается вариант написания Чак Йегер) - американский летчик-испытатель, в дальнейшем генерал военно-воздушных сил США. 14 октября 1947 года Йегер на самолете Bell X-1 стал первым человеком, превысившим скорость звука в управляемом горизонтальном полете. Йегер отличался выдающимся зрением (на что автор ссылается далее по тексту) - однажды смог подстрелить на охоте, оленя с 55 метров, - летным мастерством и талантом командира. Он стал первым «асом за день» в своей авиагруппе, сбив пять вражеских самолетов во время одного боевого вылета, и закончил войну с 11 официальными победами, включая одну из первых побед в воздухе над реактивным

и только.

Венди закатила глаза:

- Ладно-ладно, крутой пилот, вы ведь поняли, о чем я спросила. Какие были ощущения? Самые реалистичные из всех, что вы когда-либо испытывали в симуляторе, не так ли?

Я показал на левую ногу:

- Обогреватель грел хорошо только правую. А левая едва не окоченела.

- Мы можем это исправить, если хотите, но...

- К черту исправления! - Я указал на свой «мустанг», стоящий на другом конце ангара. - Все было как настоящее - во всех отношениях. Перегрузки, вибрация, температура... даже запахи у вас получились правильные. Но у той «трости» нет настоящих пулеметов. Я десятки лет летал на симуляторах - и на гражданских, и на военных. У большинства, когда нажимаешь на спуск, раздается такое приятное «тра-та-та-та», и кабина слегка трясется. Но у этого... невероятно! Я ощущал себя богом! Тором, мечущим молнии. Это было потрясающе!

Венди просияла и с восхищением посмотрела на мой «мустанг». Я наклонил голову, приглашая подойти к самолету. «Мустанг Р-51» нравится всем, а многие считают его лучшим и самым красивым истребителем Второй мировой, а возможно, и лучшим истребителем всех времен. Плавные обводы самолетов оказали влияние на арт-деко, но я до сих пор гадаю, не повлияло ли и арт-деко на чудесное изящество «мустанга», включая характерный воздухозаборник под фюзеляжем, где находятся радиаторы. К тому же моя «трость» - это модель D, с обтекаемым фонарем кабины, который можно воистину считать завершающим штрихом его облика. Фюзеляж моего самолета - полированный алюминий с голубоватым оттенком, и даже не представляю, какой иной отделкой можно лучше оттенить его красоту.

- Можно потрогать?

Я кивнул. Она погладила блестящий бок. Когда она уйдет домой, я его снова отполирую.

- Этот все еще летает? Это оригинал? Вы меня на нем прокатите?

- Да, репродукция, и нет, не смогу, - извинился я. - «Трость модель III» - это точная репродукция, а значит, одноместный. У меня есть два других, и это летающие оригиналы, но они теперь слишком драгоценны, чтобы ими рисковать. А если вы действительно хотите на нем полетать, то в Киссимми есть двухместный учебный. Могу договориться.

истребителем (Me-262). Две его победы «аса за день» были сделаны без единого выстрела - Йегер зашел на позицию стрельбы по «мессершмитту-109», пилот которого запаниковал, резко ушел в сторону и врезался в своего ведомого.

- Здорово!

- Ага, здорово. Если сможете заставить этот симулятор работать так, как пообещали, то вы этот полет заслужите. И уж поверьте, если нет, то он вам будет просто не по карману... Итак, в какой срок вы сумеете встроить снимки с «машины времени»?

Ее энтузиазм сразу угас:

- Несколько месяцев. Для этого вам понадобится Ростов.

Я рассмеялся и изобразил свой наилучший русский акцент:

- Что там говорил Ростов? «Нет вставлять хай-фай исторический энграммы в симы. Пытались. Нет этично».

Венди пожала плечами:

- Наверное, я и сама могла бы это сделать, но я выполняла лишь стандартные процедуры. Так что понятия не имею, что в результате получится. Насколько мне известно, никто прежде не пытался вставлять энграммы квантовых фотографий такого высокого разрешения в симулированную личность, не говоря уже о звене из восьми пилотов. И уж совершенно точно мы не сможем работать на таком уровне с десятью бомбардировщиками и экипажем по десять человек в каждом. Или с экипажами противника.

- А я полагал, что мы можем задать необходимую высокую плотность нанитов, - возразил я. - В чем проблема?

- Да, эту плотность мы можем сделать какой угодно, но есть фундаментальный предел пропускной способности лазера, создающего голограмму симуляции, - объяснила Венди. - Поэтому их придется создавать с меньшим разрешением, но они все равно останутся очень реалистичными.

- А вы можете хотя бы добиться полной реалистичности пилотов и радистов бомбардировщиков?

Она покачала головой:

- Для конкретного самолета - или все, или ничего. Даже при чуть меньшей реалистичности работать с качественными симами страшновато. Они замечают все, что не является реальным. Они почти живые, и у них большой запас воспоминаний и восприятий личности, которую они копируют. Если сделать пилота бомбардировщика таким достоверным, а его экипаж менее достоверным, то он решит, что летит вместе с зомби. Экипажам бомбардировщиков и вражеским пилотам придется быть стандартными симулированными персонажами-искинами, чья личность доработана на основе квантовых снимков, которые вы предоставили. Вот на что уйдет столько времени. Мне надо создать статичный персонаж для каждого из них, пикселизировать их личности до приемлемой полосы пропускания, а затем вручную скопировать эти личности в аватары. Кстати, а вам по карману тратить такие огромные деньги? И зачем вам все это.

- Я унаследовал очень неплохое состояние. И вложил его в

космическую добывающую промышленность и перевозки еще задолго до бума. Да и фондовый рынок оказался для меня благоприятен.

- Ладно, - сказала она, глядя на меня примерно так, как учительница смотрит на разбалованного ребенка, - пусть вы настолько богаты, чтобы оплатить проекту по Второй мировой расходы по нацеливанию «временного бура» на точку, где находилась Земля в тот день и час, когда произошло сражение, на получение необходимых квантовых снимков, а затем еще на оплату почти года работы широкополосного лазера, чтобы передать снимки сюда из далекого космоса. Но почему такая мелкая стычка? Почему бы не вложиться в нечто иное, с более серьезным коммерческим потенциалом? Например, сражение в Арденнах, нападение на Перл-Харбор или, может быть, «Марианский отстрел индеек»?⁵

- Потому что я не стремлюсь заработать, - я покачал головой. - Причина личная. Командир того звена капитан Винс Дойл - один из моих предков. Через несколько минут после того, как были сделаны снимки, все его звено исчезло. Никаких следов так и не нашли. Первоначальное расследование предположило большое столкновение в воздухе. Какой бы ни была причина, они так и не встретились с бомбардировщиками, которые должны были сопровождать, и тех парней тоже посбивали. Кажется, только четыре бомбера кое-как дотянули до родного аэродрома. У бомберов погибли шестьдесят восемь парней, и приплюсуйте к ним ребят из звена моего прапрапрадеда.

- И, полагаю, такое объяснение вас не устроило?

- Черта с два! Они действительно взлетали в низкую облачность, и это часто было причиной столкновения двух самолетов в воздухе, но обычно возле базы. В таких условиях стандартной процедурой было

⁵ * Сражение в Филиппинском море (также называемое «Большой Марианский отстрел индеек» - *The Great Marianas Turkey Shoot*) между американским и японским флотами стало одним из решающих морских сражений Второй мировой войны и крупнейшим в истории - между авианосцами. Оно происходило 19-20 июня 1944 года в районе Марианских островов, поэтому в нем участвовали и японские самолеты аэродромного базирования. Сражение обернулось катастрофой для японского флота, потерявшего три авианосца и около 600 самолетов (отсюда и второе название). Такие огромные потери объясняют тем, что к тому времени японские самолеты технически устарели, а пилоты с авианосцев были неопытны (большинство опытных пилотов погибло во время предыдущих сражений), в то время как на вооружение американского флота поступили новейшие палубные истребители F6F Hellcat, а обнаружение противника обеспечивали снабженные радаром воздушные патрули.

разворачиваться веером сразу после отрыва от полосы, при этом каждому самолету назначался свой курс. А уже потом, над облачной кашей, они собирались в боевое построение. Мы отыскивали их над Ла-Маншем, они шли в строю и по курсу, приближаясь к побережью Дании, но под ними мы заметили реактивный истребитель - полагаю, в этом и кроется ответ. На повторном снимке через несколько минут их уже не было... Наверное, все они упали в пролив, и я намерен выяснить, как это произошло. Против прадеда не выдвинули официальные обвинения, но все случилось, когда он командовал группой, и его можно было заподозрить в роковой оплошности, а это скверно пахнет и до сих пор не дает мне покоя. Хотя до этого теперь никому уже нет дела. Я хочу выяснить, что произошло, попытаться это предотвратить и увидеть, как бы они поступили, если бы получили шанс сделать свою работу.

- Знаете, это можно проделать и с помощью симов с более низкой достоверностью.

Я кивнул:

- Но еще я хочу узнать этого человека. Полеты у меня в крови, я унаследовал их не по одной семейной линии. Мне эта страсть досталась и от матери, и от деда. - Я улыбнулся. - Кстати, парни его именно так и называли, потому что он в их эскадрилье был самый старший. Ему было двадцать два.

- Вы серьезно полагаете, что сможете узнать его таким образом? Мы ведь никак не сможем продолжать эту симуляцию, когда вы вернетесь в Англию и сядете, потому что симы высокой реалистичности сразу заметят, что это фальшивка. Одно дело - симулировать восемь парней в воздухе. Но на фальшивый аэродром с сотнями людей на фальшивом острове никто не купится.

- Вы удивитесь, сколько можно узнать о характере другого человека, когда он сидит в кабине.

- И еще одно, - продолжила Венди. - При такой высокой плотности нанитов может произойти следующее: если вы слишком приблизитесь к тем парням, когда вокруг летают пули, то пули окажутся для вас реальными. Некоторые из них. Это будет уже не какая-то там лазерная голограмма, тут имеют значение синт-пространство и синт-масса. Виртуальные частицы будут обладать большинством свойств реальных предметов. Вы можете погибнуть.

- Да, я об этом читал. Полагаю, что в грубом приближении опасный объем представляет собой сферу радиусом примерно с размах крыльев их самолетов. А я не планирую сидеть у них на коленях.

Венди покачала головой:

- При таком уровне реализма я бы этот радиус как минимум удвоила - и это при условии, что у нас на этом уровне будет всего один самолет. А при восьми, плюс еще и ваш, я понятия не имею, как поведет себя

сим. Пространство искажается, чтобы уложиться в вашу перспективу и объем камеры. А я и при более низком разрешении видела области высокого реализма, соединяющие две соседние зоны большой достоверности.

Я со значением посмотрел ей в глаза:

- Я мечтал о таком годами. Это риск, на который я готов пойти, но у меня нет привычки разрешать плохим парням нацеливать на меня пулеметы. В воздухе я очень хорош.

Она ответила мне таким же взглядом:

- Да, мне известна ваша репутация. Джеральд «Адский Огонь» Доил, чемпион мира. Один из пятерки лучших в мире пилотов на симуляторах. Более двадцати тысяч побед. Что ж, суперпилот, технически это, может быть, и симулятор, но фактически вы будете сражаться против реальных противников. Насколько мне помнится, у некоторых немецких асов было по несколько сотен побед, верно? Настоящих побед, а не на симуляторе.

- Все верно, - согласился я. - Но подумайте и о том, что на моем счету больше полетных часов на реальных боевых самолетах, чем у большинства этих пилотов. Кроме нескольких «мустангов» и «спитфайра», в моей коллекции есть «мессершмитт Вf-109» и «фокке-вульф-190», репродукция «Ме-262» в летающем состоянии и «В-17». Я тренировался или на настоящих самолетах, или на их качественных симуляторах. Я побывал почти в любой мыслимой боевой ситуации, включая одиночного «мустанга» против стаи современных реактивных истребителей, и обычно оставался последним человеком в небе. Да, у меня около двадцати четырех тысяч побед на симуляторах, некоторые над искинами, большинство над пилотами-людьми, но чтобы добиться такого счета, я смирился с тем, что меня могут сбить тысячи раз. Никакой пилот в реальной боевой ситуации не смог бы такое повторить и выжить. Я учился на тысячах ошибок, которые стали бы фатальными для пилотов в реальном бою. Следовательно, ни один действующий пилот, не тренировавшийся на симуляторах, даже теоретически не может достигнуть моего уровня боевого опыта.

Вот что я вам скажу, - подзадорил ее я. - Создайте для меня боевую ситуацию. У вас ведь наверняка есть симы всех тех парней. Бросьте против меня в бой Вальтера Новотны, Генриха Эрлера, Генриха Баера, Эриха Рудорфера, Вальтера Шака и Эрика Хартмана. По-моему, у каждого из них более двухсот побед. Посадите их в любые немецкие истребители времен Второй мировой. Исходная позиция - все они позади и в миле надо мной. И давайте проверим, чем дело кончится. Вы займитесь этим, а я переоденусь в комбинезон потеплее и натяну унты.

Признаюсь, что на этом наносимуляторе немецкие асы оказались круче, чем я ожидал. Мне пришлось немного сжульничать и

переместить бой на высоту чуть выше деревьев, где оставалось беспокоиться лишь о самолетах в верхней полусфере. Когда бой закончился, мой самолет превратился в решето, но я все же оказался последним парнем в небе.

* * *

Месяцы тянулись медленно. Мне понадобилась вся сила воли, чтобы вновь не погрузиться в анализ снимков, сделанных «временным буром». Мне чуть ли не до зуда хотелось выяснить побольше о том вражеском самолете далеко внизу, но я и так уже знал слишком много об опасностях, с которыми мы столкнемся. У меня имелось нечестное преимущество, и это не давало мне покоя. Оно повлияет на реализм симуляции.

Я раздобыл еще несколько кусочков информации, прояснивших историю того вылета. Один факт стал ясен: первоначально вылет был запланирован как отвлекающий маневр. Чуть позднее взлетела гораздо более многочисленная армада бомбардировщиков и истребителей, немного другим курсом, и свою цель они разбомбили основательно, причем с минимальными потерями. Несмотря на катастрофу, постигшую отвлекающую группу, свою задачу она выполнила, поэтому серьезное расследование никогда не проводилось. Они стали расходным материалом.

Судя по снимкам того района, злосчастные экипажи бомбардировщиков отвлекли на себя львиную долю немецких истребителей. Учитывая, в какой передрыге они оказались, парни хорошо постояли за честь нашего воздушного флота. И если предположить, что я смогу провести Деда и его восемь самолетов мимо того, что их погубило, им все равно придется сражаться против значительно превышающего их по численности противника, и лишний самолет в этой ситуации явно не помешает.

Я проглядел личные дела из архива. Секция была частью эскадрильи, пилоты которой называли себя «Даксфордские шельмецы», в честь их бывшего командира по прозвищу Задира, погибшего в бою за два месяца до этого полета. Командир секции Винс «Дед» Дойл, летавший на оригинальной «трости», одновременно командовал и «зеленым звеном» из четырех истребителей. На носу его самолета был изображен сгорбленный старикан, лупящий Гитлера тростью, отсюда и название. Остальными пилотами его звена были Чарли «Болтун» Пауэр, Джей «Бугер» Симпсон и «Чокнутый Джо» Уокер.

Командир «желтого звена» Соломон «Проповедник» Роупер летал на «Драчливой кафедре». Тернер «Реб» Эшби, названный в честь предка, воевавшего в гражданской войне, летал на «Черном рыцаре»

конфедерации». Компанию им составляли Билл «Грубиян» Макнэйр и Джон «Дружбан» Хоттл.

Я уже начал желать, чтобы законы физики допускали путешествия во времени, а не только лишь снимки квантовых эхо прошлого. Мне страстно хотелось спасти тех парней, но я мог лишь переиграть их последний полет - в надежде изменить его ключевое событие.

Никто из них не был настолько стар, чтобы умереть. Мне вспомнились слова, произнесенные вождем моговков Хендриком, когда он посмотрел на своих воинов перед сражением: «Если они здесь, чтобы сражаться, то их слишком мало. Если они здесь, чтобы умереть, то их слишком много».

* * *

Великий день настал. Симулятор был настроен на запуск с момента, заснятого перед тем как исчезли Дед и его звено. Более медленные бомбардировщики летели где-то на юго-востоке - над контролируемой союзниками территорией Франции, без эскорта, потому что им пока не угрожали истребители. Эскадрильи немецких истребителей будут готовы взлететь на перехват бомбардировщиков, когда мы достигнем определенных точек маршрута.

Я подогнал снаряжение и уселся в симулятор кабины. Нынешний симулятор был, по сути, всего лишь кабиной, со всеми органами управления и приборами, накрытой обтекаемым фонарем. В кабине пространство было нормальным, а ее поверхность изолировала меня от причудливой физики камеры симулятора, внутри которой она располагалась. Частично кабина стала репродукцией, но многие ее детали были оригинальными. Некоторые сняты как устаревшие или ненужные при конверсии «мустангов» в гражданские самолеты в далекую послевоенную эру, другие извлекли из разбившихся самолетов. Виртуальный самолет, который нанитовый симулятор создаст вокруг кабины, будет иметь опознавательные знаки истребительной группы с базы в Лейстоне, но без картинки или имени на носу. Дед и его эскадрилья базировались в Даксфорде. Мне надо искать «мустанги» с носовыми обтекателями, разрисованными в шахматную клеточку.

Кислородная маска сидит плотно и подает хороший воздух. Я проверил радио на нужных частотах, установил газ, обороты двигателя, дифферент и турбокомпрессоры на нужные значения воздушной скорости и высоты и показал Венди два поднятых больших пальца. Она закрыла дверь симулятора, а я еще разок пробежал глазами приборы.

Воздух наполнился узорами интерференции: запустилась лазерная

голограмма, программирующая начальные условия. Стены камеры начали таять, по мере того как наниты, крошечные виртуальные частицы синт-пространства, порождающие симуляцию, материализовались из какой-то таинственной точки с нулевой энергией и объединились, создав невероятно мощный параллельный процессор, способный симулировать материю, гравитацию, да чуть ли не что угодно.

Вот только не спрашивайте меня, как это происходит. До тех пор пока я понимаю, как работает фондовый рынок, я нанимаю людей наподобие Венди Тейлор и эксцентричного доктора Ростова делать черновую работу.

В кабине резко похолодало, когда крошечные процессоры воссоздали условия на высоте в тридцать тысяч футов. Усиленный рев рвущегося шелка наполнил воздух и сотряс кабину - это ожили симулированные двигатели «мерлин». Не знаю, как Венди этого добилась, но я даже ощутил запах авиационного керосина и горячего масла. Вокруг кабины материализовался симулированный «мустанг», и стрелки приборов ожили. Пока я пробежал их глазами, периферийному зрению открылись материализовавшееся синее небо вверху и розовато-белые облака с просветами серого моря внизу. Раннее утреннее солнце светило впереди справа, и примерно через час оно станет раздражающей помехой. Одним глазом я поглядывал на часы, вторым обводил небо - истекла последняя минута до момента, когда был сделан квантовый снимок. Когда секундная стрелка приблизилась к отметке, симуляция обрела неотличимую от реальности четкость. За несколько оставшихся секунд я дал короткую очередь из пулеметов, отстреливая клейкую ленту, прикрывающую оружейные порты. Плохо, если новые товарищи упрекнут меня, что я забыл проверить оружие.

Момент настал, и самолеты появились по курсу на десять часов, в десяти милях впереди и на тысячу футов ниже. Для тех, кто не знает: пилоты описывают ситуацию в горизонтальной плоскости по принципу старинного циферблата. Двенадцать часов означают направление точно впереди, шесть - точно позади, а десять - впереди и чуть левее.

- Что за чертовщина? Кто-нибудь еще видел эту вспышку? - послышалось в наушниках.

- Я видел. Как будто небо внезапно слегка изменило цвет.

- Я тоже видел. Эй, отметка на четыре часа, десять миль!

- Спокойно, Бугер. Похоже, это один из наших.

- Ничего себе! Как он ухитрился так подкрасться? Наверное, мы дрыхли.

Я включил свой микрофон:

- Командир зеленого звена, это Адский Огонь из Лейстона. У меня утром забарахлил мотор, и я вылетел с опозданием. Мне велели попробовать отыскать вас, ребята. - Я нервно следил за облаками

внизу, высматривая противника: по моим предположениям, им окажется реактивный «Me-163 Комета»⁶, самолетик с пулеобразным фюзеляжем и скошенными, как у ласточки, крыльями. Эти мелкие гады очень быстрые и способны взлетать почти вертикально. Обычно они легко вооружены и не могут оставаться в воздухе долго, но в этом районе они составляли единственную угрозу. Я читал рапорты о «Комете» с особым типом вооружения, которое могло стать причиной внезапной гибели целой эскадрильи. - Я все гадал, когда же вы, ребята, меня заметите. Вы уж шевелите головами. Мы во вражеском небе.

- Привет, Адский Огонь. Знаешь парня по имени Билл Блайстон? Он был у нас техником, а потом его перевели в Лейстон.

И ведь не могу сказать, что Венди меня не предупреждала. Эти парни были ближе к реальным пилотам, чем к искинам, и у них наверняка есть знакомые по всей Англии и в Штатах. Увертываться от подобных вопросов нелегко.

- Кончайте треп, парни. Такой информацией не обмениваются по радио во вражеском воздушном пространстве. - Взгляд уловил выскочившую из облаков внизу черную точку - в нескольких тысячах футов под Дедом и его товарищами. - Зеленое звено, уходите влево, желтое звено, уходите вправо. Противник прямо под вами, быстро поднимается из облаков. Me-163. - Выкрикивая предупреждение, я уже прибавлял обороты двигателя.

Зеленое звено выполнило четкий разворот влево, а желтое - столь же четкий разворот вправо, и одновременно нос «Кометы» выстрелил столбом плотного серого дыма. То была не пушка с низкой скорострельностью, а ракетный залп. Я с облегчением увидел, как этот столб, распавшийся на сотни дымных струй с искорками на переднем конце, пронзил воздух там, где должны были оказаться «мустанги». Я проверил давление и обороты мотора, прибавил газ и опустил левую руку на колесо поворота руля направления, чтобы компенсировать возросший крутящий момент пропеллера. Мой самолет начал разгоняться.

- Ни хрена себе! Что это было?

- Не знаю, но... слышишь, Адский Огонь? Можешь летать с моим

⁶ * «Мессершмитт Me-163 Комета» (Messerschmitt Me-63 Komet) - немецкий ракетный истребитель-перехватчик времен Второй мировой войны. Первый полет совершил 1 сентября 1941 года. Выпускался небольшой серией. К концу 1944-го был поставлен 91 самолет. Первый боевой вылет выполнен 14 мая 1944 года. Эти самолеты произвели лишь несколько вылетов, при этом было сбито 11 машин, они же смогли уничтожить лишь 9 американских B-29. После взлета самолет сбрасывал шасси, а приземлялся на выдвигную лыжу.

звеном когда угодно!

Я нажал тангенту микрофона:

- Что ж, ребята, подозреваю, что он мог сделать только один залп, а сейчас у него уже кончается горючее. Давайте проверим, сможем ли мы помешать ему вернуться домой.

«Комета», наверняка ослепленная дымом собственного оружия, промчалась сквозь просвет между двумя звеньями «мустангов», позиция которых не благоприятствовала началу преследования, да и времени на разгон у них наверняка не оставалось. Реактивный самолетик по дуге уходил на запад, прочь от истребителей. Его пилот сделал правильный выбор, но, очевидно, не заметил меня. Когда он перешел с дуги на горизонтальный полет и нацелился в сторону датского побережья, чтобы планировать домой, я пристроился ему в хвост. Короткая очередь отыскала его топливные баки, в которых, должно быть, оставалось достаточное для последнего короткого разгона количество чрезвычайно огнеопасного самовоспламеняющегося двухкомпонентного топлива. Взорвался он мгновенно. Самолетик полностью развалился, а корчащийся пилот вывалился из огненного шара, объятый пламенем. За все годы полетов на симуляторах я ничего подобного не видел. Да, мне доводилось наблюдать вблизи пилотов-искинов, но никто из них никогда не демонстрировал, что испытывает боль или мучения. Я проследил, как он падает к слою плотных облаков, но парашюта так и не увидел.

Мне еще не требовалось сбрасывать дополнительные топливные баки, а быстрый взгляд подтвердил, что и у остальных самолетов они все еще висят. Наша миссия продолжалась.

- Адский Огонь, это зеленый лидер. Хороший был отстрел. Жаль только, что ты сбил нечто такое, чего, как говорят, у фрицев нет. А так получилось бы неплохое пополнение твоего счета. Но мы рады видеть тебя рядом.

С моей дополнительной скоростью я догнал их быстро.

- Зеленый лидер, меня перед вылетом проинструктировали. Похоже, нас ждет серьезная драка, и я немного удивлен, что вы так много переговариваетесь.

- Не бери в голову, Адский Огонь, это наш стиль. Черт, да мы надеемся, что фрицы будут знать о нашем приближении! Они ведь сразу на нас напали, но мало того что промахнулись, так у нас стало одним самолетом больше. Пусть продолжают в том же духе, и домой мы вернемся уже целым авиакрылом!

- Хватит трепаться, Болтун. Адский Огонь, я - Дед. Сегодня я командир эскадрильи. Рад видеть тебя в нашем строю.

Сближаясь с ними, я оценивал ситуацию. Это было звено, а не полная эскадрилья, и я задумался, не является ли подобное частью уловки.

Дед не мог этого сказать, но, учитывая отвлекающую суть задания, пилотам могли приказать не соблюдать радиомолчания и трепаться сколько угодно. Кстати, отчасти из-за этого они и могли погибнуть во время реальной миссии. А может быть, их как раз и выбрали потому, что с ними полетит Болтун Чарли. Возможно, летчики не просто летели навстречу проблемам. Возможно, они и были *магнитами* этих проблем.

Говорят, что задания по сопровождению бомбардировщиков - это несколько часов скуки, прерываемой секундами ужаса, но для меня первая часть полета оказалась даже приятной. Облачный покров закончился как раз над материком, и вид был впечатляющим, но больше всего я наслаждался общением. Долгое время я в основном помалкивал и просто слушал веселый треп, не забывая осматривать небо в поисках неприятностей.

Первым заметил бомбардировщики Проповедник:

- Дед, Большие Друзья на два часа - там, где и предполагалось. Я с минуты на минуту ожидал их увидеть. Странно: секунду назад их не было и вдруг раз - и появились.

О, здорово! Они заметили еще одну границу симуляции. До бомбардировщиков было еще миль сто. И коли Проповедник их заметил, то зрение у него должно быть не хуже, чем у Йегера и Андерсона.

- Проверь подачу кислорода, Проповедник, - посоветовал Дед.

Вскоре после этого я заметил первые вражеские истребители:

- Противник на девять часов, около тридцати миль.

Дед взглянул налево:

- Ату! Взять их! Ладно, парни, приготовьтесь к драке.

Я смотрел на немецкие самолеты и, хотя мне страстно хотелось завалить парочку, ощутил подвох:

- Ну, не знаю, Дед... Это «Vf-109», и не очень-то похоже, что их интересуют наши Большие Друзья.

- Бэ-эф? А по-моему, «мессершмитты».

Я тряхнул головой. Черт, как легко облажаться с терминологией той эпохи. Исторически правильное обозначение этого самолета - «Bayerische Flugzeugwerke» - редко использовалось во время войны.

- Они и есть, Дед, но мне кажется, что это ложная атака. Готов поспорить, что в них сидят неопытные пилоты, которым поручено связать нас воздушным боем, чтобы «фокке-вульфы» смогли без проблем заняться бомберами.

- Понял тебя. - Долгая пауза. - Ложная атака. Согласен. Так, парни, помните о нашем задании.

- Маленькие друзья, говорит Милашка Рози О'Грэди. Вы наш эскорт?

- Слышу тебя, Рози. Будем с вами через пару минут.

- Эй, кто-нибудь видит что-нибудь красное у них на хвостах?

- Не-а, это драчуны с шахматными носами.

- Да, непруха. И не очень-то их много.

Похоже, экипажи бомберов не были в восторге, увидев нас. Мне пришло в голову, что Красные Хвосты сопровождают основную группу бомбардировщиков - тех самых, для которых мы стали отвлекающим маневром.

- Ребята, вы не знаете, почему они высматривают красные хвосты?

- Надеялись, что им придадут 337-ю эскадрилью, а не нас, - ответил Дед. - Я знал кое-кого из этих парней, когда они служили в 99-й. Их присоединили к моему полку в Анцо.

- Этих цветных ребят? И с какой стати им так хочется в эту компанию темнокожих?

- Эй, Реб, ведь твой самолет называется «Черный рыцарь»? Я всегда предполагал, что ты хочешь сойти за одного из них.

- Ты меня достал, Дружбан. Я сокращаю твою норму бурбона.

- Эй, я слышал, что они не дали вражеским истребителям сбить ни одного бомбера из тех, что сопровождали.

Это было не совсем правдой, но легенда успела окрепнуть и не очень отличалась от реальности. Очевидно, экипажи бомбардировщиков в нее верили - скорее всего, благодаря собственному опыту.

- Я тоже про это слышал, - прокомментировал я. И тут мне пришла идея. Для меня симулированный воздушный бой всегда был игрой - тем, чем я занимался для личного удовольствия и накручивания впечатляющего счета побед. Тогда зачем я потратил состояние, чтобы попасть сюда и на своей шкуре испытать все опасности ужасного времени? Почему только что отказался от возможности сбить несколько пилотов-новичков в ситуации, почти неотличимой от классической миссии «Ас за день»? Мне никогда не нравились симуляции по сопровождению бомбардировщиков: они отнимают кучу времени, трудны, выматывают нервы, и к тому же меня всегда грызет совесть, если кто-то облажается и мы потеряем несколько бомберов. Но даже если теряем, что с того? Всего лишь симуляция.

Но сейчас у меня было четкое ощущение, что никакая это не симуляция. Я остро сознавал, что в каждой из находящихся перед нами «летающих крепостей» сидит по десять человек, которым предстоит сделать свое дело, и если мы не сможем их защитить, большинство погибнет или попадет в плен. А навстречу уже вылетели десятки немецких самолетов, и в каждом из них пилот, у которого на земле тоже остались те, кто ему дорог. Они могут быть нацистами, а могут и не быть. Сейчас они мужчины, защищающие свои дома от тех, кто намерен сбросить на близких им людей огромные железные бутылки, наполненные мощной взрывчаткой.

И эти тонны взрывчатки - надежда поразить какую-то стратегически важную цель и тем самым приблизить конец войны.

И у меня, и у нас есть дело, которое надо сделать.

- Ребята, хотите узнать, как парни из Таскиги добились такого рекорда? Они не гонялись за славой и плевать хотели на то, какой у них счет сбитых фрицев. Дисциплина, понимаете? Они знают, что их работа - держаться возле бомберов и охранять. И не бросать их, чтобы гоняться за истребителями!

Когда несколько раций работает одновременно, точно сказать трудно, но мне показалось, что я услышал радостные вопли наших Больших Друзей. Чертовски сложное и достоверное поведение для искинов. Хотел бы я знать, какую долю персональности Венди ухитрилась скопировать с их оригиналов.

- Даксфордские шельмецы, говорит Дед. Адский Огонь попал в самую точку. Так давайте покажем бомберам, что шахматный нос ничуть не хуже красного хвоста. Фрицы любят атаковать строй спереди или сверху. Если они нападут сбоку или сзади, то плотный строй «крепостей» порвет их в клочки... Желтое и синее звено, займите позицию перед бомберами и рассредоточьтесь парами. Зеленое и красное звено, следуйте за мной. Рассредоточиться вправо и влево.

Значит, у нас есть синее и красное звено? Никто не стал ему возражать, так что, возможно, болтовня по радио все-таки входила в инструктаж. Или так, или в нашей эскадрилье половина самолетов - фантомы.

- Адский Огонь, раз уже ты забыл прихватить ведомого, не хочешь присоединиться ко мне?

- Буду держаться поблизости от тебя, но ведомый мне не нужен.

- Гордыня предшествует падению, - вклинился Проповедник.

- Не хочешь дать мне адресок своей вдовы, пока не началась пальба? Обещаю ее утешить. - Это предложил, кажется, Болтун.

И что я мог им ответить? Что число моих зарегистрированных одиночных побед приближается к численности люфтваффе? Что я учился сражаться на штуковине, называемой компьютер, против симулированных пилотов, которые были тупее пней, и с ведомыми, которые были не лучше? Хороший ведомый способен едва ли не читать твои мысли, и для работы с ним хватает минимального и очень простого общения. Но простые симуляторы, на которых начинал учиться я и на которых учится большинство пилотов-любителей, делают ведомых бесполезными, а то и хуже. Поэтому я разработал тактику одиночных полетов, в том числе умение анализировать ситуацию и знать, где находятся все самолеты вокруг меня и что они собираются сделать. С тех пор я научился летать с ведомым, но в мире найдется лишь с десяток пилотов, которых я счел бы достаточно надежными, чтобы доверить им свой хвост, а если честно, то эти парни (ни у одного не было еще и шестидесяти вылетов) в мой список не входили.

- Я слишком многих потерял. Не хочу за кого-то отвечать. Я сам могу о себе позаботиться.

Даже сквозь рев «мерлина» я сумел ощутить наступившее после моих слов ошеломленное молчание.

Еще со времен Первой мировой полеты с ведомым стали для американских пилотов-истребителей неоспоримой доктриной. Эта тактика хорошо себя оправдала. Она спасала жизни и повышала успешность нашей авиации. Поэтому пилоты верили в нее душой и телом. Но многие известные асы, особенно немецкие, по необходимости отточили мастерство воздушного боя в одиночку. Счет побед лучших американских асов не шел ни в какое сравнение с числом побед пилотов наподобие тех шестерых, что я назвал Венди, когда захотел доказать свою точку зрения. Я превосходил любых пилотов, которых мог выставить противник. Ах да, кстати: я еще и волшебный человек из будущего, вряд ли погибну, что бы там ни говорила Венди.

Я прикинул их вероятную тактику. В отличие от фильмов, в которых лучший пилот возглавляет атаку, умные лидеры обычно принимают роль ведомого на себя. А новичков, только что прошедших тренировки и привыкших стрелять по буксируемым мишеням, выпускают вперед, где они могут бесхитростно сосредоточиться на противнике. И старые профи, достигшие такого статуса за счет умения внимательно следить за всем, что происходит вокруг, защищают задницы агрессивной, но беспечной молодежи. У стариков обычно всегда хватает шансов подражаться. Новички - хорошая приманка.

Примерно так я и задумал. Стану запасным ведомым для двух верхних истребителей. Но я не могу находиться везде одновременно и не хочу, чтобы они полагались на меня. Подобно Рихтгофену, стану держаться на краю драки, ныряя в нее, чтобы спасти товарища или сбить зазевавшегося врага.

- Противник сверху на двенадцать часов, - объявил Проповедник. - Пятьдесят миль, быстро приближается. У меня на радаре их двенадцать... нет, шестнадцать. «Фокке-вульфы». Судя по скорости, длинноносая модель.

Скверные новости. Ненавижу «фокке-вульфы», особенно поздние длинноносые модели, разработанные для больших высот. Они такие же крутые противники, как и «тандерболты Р-47», и почти такие же уродливые - тупоносые, с круглым носовым обтекателем, как и у всех истребителей с радиальными моторами. Толстый фюзеляж с маленьким обтекаемым фонарем кабины придает самолету мускулистый вид. «Тандерболт» за внешность прозвали «кувшин», и, полагаю, немного меньший FW-190 можно было бы назвать «сифон для содовой». Как и танки, они вооружены несколькими скорострельными пушками, предназначенными разносить в клочья

бомбардировщики, они быстрые и маневренные, и в них, как правило, сидят превосходные пилоты. Честно говоря, я предпочел бы сразиться против равного количества реактивных самолетов. А если кто захочет возразить по поводу того, что я назвал их уродливыми самолетами, то пусть попробует обернуться и увидеть «фоккера», нацелившего на него те самые крупнокалиберные пушки, и он очень быстро согласится с моим мнением.

В нашу пользу - только одно обстоятельство. При первом сближении вражеские самолеты навалятся на бомбардировщики и поначалу станут игнорировать нас. Нам предстояло сближение в лоб с суммарной скоростью более восьмисот миль в час. И для выстрела по цели, да еще по тонкому лобовому профилю, времени будет немного. У нас слишком мало истребителей, чтобы связать боем всех противников, и даже если наша меткость и везение окажутся идеальными, половина этих гадов все же прорвется к строю бомбардировщиков.

Однако В-17 - тоже очень крутой самолет, и быстрое сближение не даст немцам больше времени для стрельбы^{*7}. Если мы сумеем заставить их отклониться, то можем сбить им прицелы. После этого нам останется ждать, что сделают немцы во время второго захода. Они могут совершить круговой разворот и снова зайти спереди, где пулеметный заслон «крепостей» самый слабый, но на это уйдет много времени. Или же они могут использовать набранную скорость и сделать вертикальный разворот по петле назад, после чего атаковать сверху, где им будут противостоять лишь верхние стрелки бомберов. Нам следовало быть готовыми к любой из этих тактик.

- Слушай, Дед, - спросил Проповедник, - насколько близко нам держаться к Большим Друзьям? Они меня нервируют. Иногда они палят по всему маленькому.

- Эй, умник, уж мы-то умеем отличить толстого волка от худого маленького пони. Так что можешь не дергаться, пока не появятся маленькие тощие «мессершмитты».

- Вот вам и ответ, Шельмецы. Оставайтесь достаточно близко, чтобы делать свое дело, и достаточно далеко, чтобы делать его вовремя, - посоветовал Дед.

- Шельмецы, это Роза. Осмелюсь напомнить, что мы не совсем уж беззащитны. Когда будете между нами и противником и ближе чем на милю, постарайтесь не заслонять нам секторы обстрела. А то мы становимся вроде как беспомощными, когда не можем стрелять из страха попасть в своих.

- Вас понял, Большие Друзья. Мы - команда. Шельмецы, пора

⁷ * Лучший фильм про эти бомбардировщики, где снимались реальные В-17, это «Мемфисская красotka» (Memphis Belle, 1990).

сбрасывать внешние баки.

Переключившись на внутренние баки в крыльях и потянувшись к рычажку сброса внешних баков, я успел вспомнить об иронии той войны. По сравнению с немцами союзники просто купались в горючем. У «мустанга» есть бак в фюзеляже, по баку в каждой консоли крыла, и еще ему обычно подвешивали сбрасываемый внешний. Бак в фюзеляже использовался в первую очередь, потому что он утяжелял хвост и затруднял управление во время полета. Это означало, что в подвесных баках на момент сброса обычно имелось еще немало дополнительного горючего. Причем хорошего высокооктанового топлива, а не паршивой синтетической самогонки, на которую немцы были вынуждены перейти в конце войны. Хотел бы я знать, какой психологический эффект оказывало на немецких пилотов зрелище эскадрильи «мустангов», сбрасывающих разом столько драгоценного топлива. Мы могли лететь несколько часов и иметь при этом хороший запас топлива, а им даже при коротких вылетах приходилось экономить каждую каплю.

Мы перестраивались, готовясь встретить противника, когда Проповедник объявил:

- Внимание! К нам идет вторая волна, милях в тридцати за первой.

Пикируя на приближающиеся истребители, я оценил расположение бомбардировщиков у нас за спиной и выбрал пару «фокке-вульфов», которые мог обработать, не перекрывая «крепостям» линию огня. Я дал две короткие очереди и увидел, что попал в обоих. Один задымил, но продолжал лететь. Другому я, похоже, угодил в лоб, потому что его толстое бронестекло внезапно затуманилось. Если так, то ему теперь будет трудно целиться. Сделав заход, я потянул ручку на себя и стал набирать высоту, намереваясь развернуться назад по петле, чтобы остаться рядом с бомберами, одновременно присматривая за вражескими истребителями и сберегая энергию для последующих действий.

Для дымящего «фоккера» война на сегодня закончилась. Он стал терять высоту и вышел из боя после одной безуспешной атаки. Второй, с поврежденным стеклом, принялся палить вслепую и набрал высоту, чтобы пройти над строем «крепостей». Угодив под перекрестный огонь нескольких пулеметов верхних турелей и поясных, он быстро превратился в решето. Пилот выпрыгнул из обломков.

Во время первой атаки были сбиты еще два немецких истребителя. Я увидел, что досталось и бомберам, но насколько серьезно, судить было трудно. Половина оставшихся вражеских истребителей начала круговой разворот для повторного захода спереди, а вторая пошла по петле вверх, чтобы напасть оттуда. В любом варианте им предстояло доставать ушедшие вперед бомбардировщики, поэтому началась игра в догонялки. Для нас это преимущество. Зеленое звено отправилось на

перехват верхних, а желтое начало маневр для перехвата нижних.

Когда «фокке-вульфы» навалились сверху, все еще нацеленные на бомбардировщики, я выбрал один из ближайших и атаковал его, восхищаясь мужеством немецких пилотов - те продолжали игнорировать наши истребители. Немец подставил мне брюхо, и я воспользовался преимуществом такого подарка, изрешетив его полудюймовыми дырками. Его мотор изрыгнул черный дым, и пилот выбросился с парашютом из гибнущего самолета. Затем я пристроился в хвост к ближайшему истребителю и поливал его свинцом, пока тот не прервал атаку, но не стал его преследовать. Вместо этого я выбрал одного из его товарищей, полагая, что тот считает, будто я останусь на хвосте у предыдущего и поэтому не воспользуюсь преимуществом смены цели, а это даст ему возможность зайти в хвост уже ко мне. Уловка сработала, и я проделал несколько дырок и в следующем «фоккере», надеясь, что повредил его достаточно, чтобы заставить выйти из боя.

Я получил несколько секунд передышки для оценки ситуации. После совместных усилий Шельмецов, стрелков «крепостей» и моих количество немецких истребителей первой волны уменьшилось примерно на две трети - превосходный результат. Но нас уже почти достигла вторая волна.

- Желтое звено, займитесь следующими, - приказал Дед. - Зеленое звено, возвращайтесь наверх и атакуйте их, когда они пойдут на второй заход.

Я взглянул на Деда и его ведомого. К ним сзади подкрадывался «фоккер», которого я отпустил.

- Дед, Болтун: один у вас на хвосте.

- Уходим вправо, - приказал Дед. Самолеты начали защитный балет, давая мне время приблизиться и завершить начатое. Я стал было считать свои победы, но остановился на трех. Сейчас для этого не то время и не то место.

В следующие несколько минут все смешалось: карусель самолетов, дым, пламя и пронизывающие небо трассеры. Я сбил еще двух, а Шельмецы и бомберы тоже внесли свою лепту, потому что в конце концов немцы прекратили атаки и улетели, так и не подбив ни одного бомбардировщика. Дальнейшее казалось очень простым, пока вокруг нас черными пухлыми облачками не стали рваться первые зенитные снаряды. Когда на земле взялись за дело большие 88-миллиметровые зенитки, истребители остались без работы.

- До встречи на другом берегу, - вышел в эфир Роза. - Мы над исходной точкой, а тут вы нам ничем не поможете.

Мы перестроились и стали смотреть, как бомбардировщики вышли на боевой курс, двигаясь строго по прямой от исходной точки на цель сквозь невинные на вид облачка разрывов, начинающих воздух

осколками стали. Этим храбрым парням оставалось лишь держаться и принимать трепку, пока бомбардиры не прицелятся и не сбросят на цель смертоносный груз.

- Где Бугер? - спросил Проповедник, когда мы перестраивались. - Кто-нибудь видел Бугера?

- Он ушел вниз, - отозвался Чокнутый Джо. - И парашюта я не заметил...

В наступившую после его слов секунду молчания мы с ужасом увидели, как над целью взорвалась «крепость». Судя по всему, зенитный снаряд угодил им в открытый бомболюк. Выживших с этого самолета мы тоже не увидели.

Меня уже начало мутить от происходящего, когда Проповедник заметил еще одну волну истребителей:

- «Мессеры», подходят с четырех часов, пятьдесят миль.

Бомберы сбросили груз, и я на несколько секунд прервал слежение за небом, чтобы посмотреть, как палочки бомб начали падение сквозь мили воздуха, чтобы в конце концов поразить цель. Это называлось «точное бомбометание». Точностью считалось попадание в пределах полумили от цели, в данном случае небольшого подземного завода синтетического горючего. Ни один из взрывов не породил огненный шар, и мне осталось лишь надеяться, что результат стоил заплаченной за него цены. В наши дни мы послали бы беспилотный истребитель или крылатую ракету и поразили бы цель единственным точным попаданием. Освободившись от груза, бомбардировщики развернулись и начали маневры уклонения от настойчивого зенитного огня, после чего они смогут присоединиться к нам для обратного полета к безопасному воздушному пространству.

Пока к нам приближалась новая волна Vf-109, я надеялся, что это окажутся те самые неопытные пилоты, которых мы заметили раньше. Но когда увидел маркировку самолетов, то понял, что нам не повезло. JG-52 стала ужасом на восточном фронте, где на ее счету было около десяти тысяч побед. В конце войны несколько эскадрилий были переброшены на западный фронт. Я уже сталкивался с этими парнями - они были профессионалами*⁸.

⁸ * *Jagdgeschwader-52 (JG-52, 52-я истребительная эскадра). Истребительная эскадра люфтваффе, добившаяся наибольших успехов во Второй мировой войне. Действовали в основном на Восточном фронте. Общий боевой счет пилотов эскадры превысил 10 000 побед. В эскадре служили три самых результативных аса люфтваффе: Эрих Хартманн (352 победы), Герхард Баркхорн (301 победа) и Гюнтер Ралль (275 побед). Пилоты эскадры летали исключительно на Vf-109. 52-я эскадра состояла из трех групп (Gruppe), каждая из которых включала три эскадрильи (Staffel). В среднем, в составе эскадры было от 100 до 120 самолетов.*

- Смотрите в оба, Шельмецы. Эти парни - проблема.

Теперь, когда бомберы сделали свое дело, правила игры изменились. Немцы больше не кидались столь назойливо на большие самолеты. Они хотели угробить нас всех. И начался яростный воздушный бой. Независимо от моего желания, я стал заменой Бугера, а Чокнутый Джо - моим ведомым. Или точнее, я - его ведомым, потому что он был менее опытным пилотом и нуждался в моем бдительном присмотре, чтобы уберечься от неприятностей. Эта проблема стала теоретической, когда он допустил серьезную ошибку и слишком резко бросил свой самолет вверх, догоняя немецкий истребитель. «Мустанг» - машина верткая, но не любит резкие маневры, и это вдвойне справедливо для тяжелой и бронированной боевой птички. У него оторвался горизонтальный стабилизатор, и самолет завертелся, потеряв управление. Я проследил, как Чокнутый откидывает фонарь и вываливается из кабины. У него получилось, но мне показалось, что он ударился о хвост. Затем раскрылся его парашют, и Чокнутый полетел вниз, навстречу судьбе.

Именно тогда на меня навалились эмоции, которых я никогда прежде в симуляциях не испытывал. Я разозлился. Черт, да какая там злость - я был в ярости! Я только что потерял того, кого должен был защищать, и предотвратить это оказалось не в моих силах. Меня буквально раздавила вся эта ситуация, и я желал только одного - смерти наших мучителей. Я набросился на них с такой прямолинейной сосредоточенностью, какой у меня доселе не бывало. Вскоре я сбил еще двух и приближался к третьему, как вдруг заметил, что у моего противника что-то не в порядке. Скорость его внезапно упала, и тут я увидел, что его пропеллер крутится вхолостую, за счет встречного воздуха. Это меня поразило, потому что немецкий самолет выглядел неповрежденным. Отказал двигатель? Скорее всего, кончилось горючее.

Жалости во мне не нашлось, и я всадил в него убийственную очередь, чтобы он никогда больше не потревожил наших пилотов.

И тут мой самолет издал странный звук - словно по металлическому мусорнику принялись часто колотить ломиком. В фонаре появились две дыры, а по спинке сиденья что-то шарахнуло не хуже кувалды. Осознав, что перестал следить за хвостом, я сделал «бочку», уходя в сторону. Грохот оборвался столь же внезапно, как и начался. Обернувшись, я увидел, как слева от меня падает горящий «мессер», волоча за собой дымный хвост. Самолет перевернулся брюхом вверх, пилот вывалился из кабины. Сзади неподалеку я увидел самолеты Деда и Болтуна.

- С возвращением, Адский Огонь.

Я осмотрелся. Бомбардировщики уже ускользнули к безопасным небесам над Францией, а оставшиеся «мессеры» повернули к своим

аэродромам, почти наверняка на последних каплях горючего. Небо осталось за нами. Я подсчитал: от девяти наших самолетов осталось шесть. В строю не оказалось Дружбана, и никто не смог вспомнить, что видел, как это произошло. Если учесть, сколько немецких самолетов мы сбили, наверное, мне следовало бы радоваться, что наши потери столь небольшие.

Но небольшими они мне точно не показались.

На обратном пути к побережью мы поддерживали радиомолчание. Не хотелось ни шутить, ни хвалиться. У меня было время подумать о том, что благодаря моему своевременному предупреждению Шельмецы потеряли лишь троих, а не сгнули полностью, и в результате мы спасли все бомбардировщики, кроме одного, уничтоженного зениткой. Пятьдесят пять спасенных жизней... на скольких людей это повлияет к тому времени, когда я появлюсь на свет?

Но в действительности ничего ведь не было. Каким бы реальным мне все ни казалось, это лишь симуляция. Я не возвращался во времени, чтобы спасти этих храбрых парней. Я лишь создал их снова, чтобы удовлетворить свое навязчивое любопытство. Они добровольно согласились взглянуть в лицо таким опасностям, какие я едва мог вообразить, зная, что рискуют при этом своей жизнью и будущим, потому что у них есть долг перед страной и необходимость остановить диктатора-убийцу. Они думали, что именно этим занимались в том аду, через который я их только что провел. На самом деле они сражались ради моего развлечения. А еще хуже: я знал, что хотел блеснуть перед своим предком летным мастерством, обретенным с помощью технологий, неизвестных этому поколению. И уже совсем скоро я велю Венди отключить симуляцию, и все эти замечательные призраки снова растают в синт-пространстве, такие же несуществующие, какими они были эти полтора столетия.

В тот момент меня поразила мысль, что я возродил их к жизни только для того, чтобы снова убить.

В далекой дымке впереди показалась Англия.

- Почти дома, Адский Огонь, - сообщил Дед. - Я знаю в городе симпатичный паб. Наверное, ты сможешь получить разрешение посидеть там с нами сегодня вечером? Тебя здорово изрешетили - это можно будет считать аварийной ситуацией.

- Подумать только, еще утром это был новенький самолет, - добавил Болтун. - И аварийная ситуация начнется, когда начальство увидит, что ты с ним сделал. Так что садись лучше с нами, а самолет мы тебе поменяем.

- Хотел бы... - ответил я с гораздо большим сожалением, чем мог предполагать. - Очень хотел бы! Но должен вернуться.

- Высота двенадцать, - объявил Проповедник. - Можете снять эти паршивые маски.

Я подтвердил, что наша высота теперь менее двенадцати тысяч футов, отстегнул крепления кислородной маски, дал ей повиснуть сбоку на ремешке. Затем повернул голову и посмотрел на Деда, которого до сих пор видел лишь как пару глаз под кожаным шлемом, над маской и за очками. Лицо на немногих сохранившихся черно-белых фотографиях... но сейчас я увидел его живым, реальным и совсем близко - только руку протяни. Мне хотелось обнять его и угостить пивом, пусть даже теплым.

- Черт побери, Адский Огонь, тебе сколько лет?

- Не знаю... а на сколько я выгляжу?

- Лет на сорок. А то и пятьдесят. Учился летать на «спадах»?⁹

У меня появилось искушение сказать ему, что в моей коллекции есть такой самолет, но я предпочитал свой «Сопвич Пап»^{**10}, да и лет мне было больше, чем он предположил.

- Сейчас я чувствую себя намного старше.

- Знаешь, я тебе вот что скажу, старина: летаешь ты точно как одержимый. И если захочешь перевестись к нам, возьму тебя с радостью. Кстати, сколько ты сегодня завалил?

Я покачал головой:

- Кто их считал? И какая разница?

- Скажи хотя бы, как тебя зовут, чтобы я смог тебя отыскать.

- Адский Огонь. Просто Адский Огонь. Но для меня было честью летать с тобой, капитан Винсент Дойл.

Потом я отдал ему честь и вышел из строя, взяв примерный курс на Лейстон.

Когда самолеты растаяли вдаль, в наушниках послышался голос Венди:

- Время возвращения приближается. Они уже рядом с домом и вот-вот начнут замечать, что здесь что-то не так.

- Еще хоть пару минут! - взмолился я.

- Две минуты, не больше.

- Значит, две. И сразу отключай.

Через две минуты мир начал растворяться.

* * *

⁹ * *Французские самолеты, выпускавшиеся фирмой Луи Блерио SPAD (Societe Pour L'Aviation et ses Derives) в 1911-1921 годах. В годы Первой мировой войны истребители SPAD составили более 20% всего выпуска самолетов во Франции.*

¹⁰ ** *«Sopwith Aviation Company» (авиационная компания «Сопвич») - британская компания-разработчик и производитель самолетов, в основном для британских ВВС, в Первую мировую войну. Основание 1912-м, прекратила существование в 1920 году.*

Когда дверка в камеру симулятора открылась, я сидел в кабине, по щекам у меня текли слезы, я рыдал как мальчишка, только что потерявший лучшего друга. Венди дала мне еще несколько минут, чтобы прийти в себя. Увидев, что я более-менее успокоился, она подошла и сунула палец в одну из пулевых дырок в фонаре кабины.

- Кажется, вы обещали, что не будете приближаться к ним слишком близко. Как такое произошло, черт побери?

Я посмотрел на дырки и вспомнил об ударе по креслу. Шок хотя бы на несколько секунд отвлек меня от скорби, и я перестал рыдать. Я отстегнулся, выбрался из кабины, вытащил из кармана фонарик и осмотрел заднюю часть кресла. Изготавливая симулятор, я использовал все доступные запчасти. Поскольку буквально с каждого гражданского «мустанга» сняли броневые пластины, чтобы снизить вес и улучшить маневренность, то пластин этих у меня имелся солидный запас. Они оказались очень удобны для монтажа деталей кабины. В броневой пластине спинки сиденья толщиной в полдюйма я увидел огромную вмятину - точно напротив затылка.

- Когда это произошло, до ближайшего из наших самолетов было не менее двухсот ярдов.

- Ярдов? Это что, длина розового пальчика короля?

- Ярд - это примерно метр. Двести метров... возможно, больше.

Она немного смутилась и наклонила голову, размышляя.

- Надо будет просмотреть запись. Готова поспорить, что вы находились между двумя самолетами. Сложность взаимодействия между нанитами трудно предсказать. Они наверняка создали между собой область высокой достоверности. Я ведь вас предупреждала: никто еще не запускал подобные симуляции.

- И, если мудрость возьмет верх, никто повторять не станет. Дед и Болтун находились у меня за спиной, атакуя того, кто меня продырявил. А тот, которого атаковал я, направлялся к Проповеднику и Ребу. - Я помолчал, вспоминая. - Эта область могла оказаться еще шире. Я видел там такое, чего никогда прежде не видел. Думаю, для других персонажей все тоже оказалось реальным. Я-то отлично знаю, что все стало *слишком* реальным. Ростов был прав.

- Знаете, они ведь не погибли. - Она протянула мне платок. - Все в порядке, просто я ближе к концу тоже немного прослезилась. Я записала симуляцию. Но мне нужно стереть ее из компьютера.

- Дайте мне поговорить с вашим коммерческим директором. Я куплю симулятор или возьму в долгосрочную аренду. Что-нибудь придумаю. Хотя сам не знаю зачем. Я никогда не смогу вернуть их к жизни. Мир, который они знают и за который сегодня сражались, давно исчез. И наверное, лучшее, что я могу для них сделать, это устроить вечеринку в их любимом пабе.

- Сомневаюсь, что мы сможем подделать такое достаточно хорошо.
Я пожал плечами:
- А может быть, я должен им объяснение. Может быть, им надо все это понять. Но это лишь усугубит мой грех, так ведь?
- Венди обвела взглядом ангар:
- А может быть, вы сможете возвращать их время от времени. Превратить это место в музей. Они могли бы в нем работать.
Я задумался над ее предложением.
- Надо подумать, - сказал я. - Надо подумать.

**Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ**

© Tom Ligon. Rendezvous at Angels Thirty. 2009. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2009 году.

АДАМ-ТРОЙ КАСТРО ЧИКЕЦ

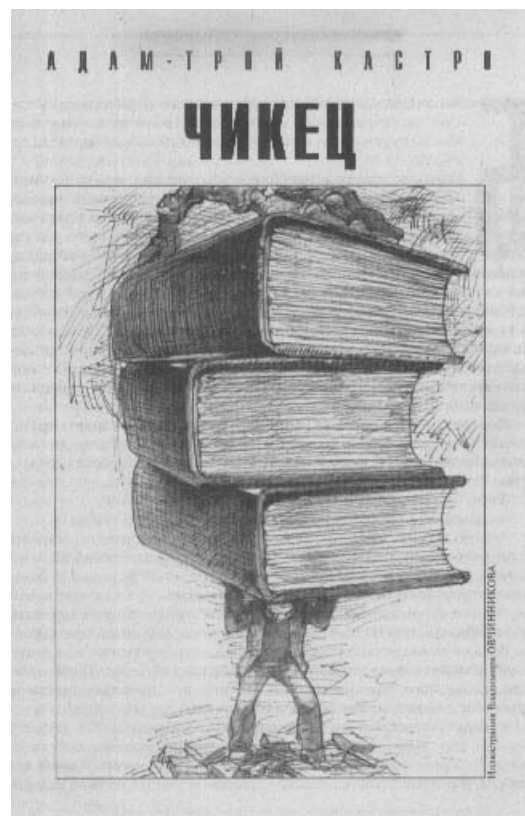

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Брайан Карлсон вышел из транспортного корабля с характерным кислым выражением лица. Еще бы, во время полета он был подвергнут остракизму всеми остальными сорока пассажирами.

Впрочем, для него подобный опыт не был чем-то необычным. Профессиональный романист, он привык к презрению. Можно даже сказать, что оно стало для него естественной средой обитания. Но четыре дня на транспорте чи, где единственными собеседниками были только эти раздражительные и сварливые инопланетяне, оказались слишком большой дозой неуважения даже для автора, чьи последние четыре романа «не оправдали пусть и минимальные, но несомненные ранние обещания» («Литературный журнал Нового Лондона», том XXXVIII, гл. 3, кол. 2). До момента, когда он понял, что эти пассажиры с равной брезгливостью отнеслись бы к любому человеку, независимо от его достижений, Карлсон провел большую часть путешествия гадая, уж не пролил ли он что-нибудь на себя.

Поэтому он с радостью обнаружил у выхода из космопорта другого человека, несмотря на то что им оказался Эверетт Финн, никогда не входивший в его список десяти тысяч персон, с которыми он предпочитал общаться.

Финн был не только романистом, но еще и критиком. Их отношения никогда не были теплыми.

Долгую секунду мужчины буравили друг друга взглядами, стараясь придумать достаточно колкую остроту. То был критический момент. Всякий раз, когда враждующие сочинители сталкиваются на неосвоенной территории, автор самой колкой остроты получает право доминирования. Принцип этот настолько важен, что некоторые личности (наподобие Дороти Паркер^{*11}) запоминаются следующими поколениями больше за их острый язык, чем за любые литературные творения. И поэтому несколько столетий спустя Карлсон не знал о Паркер ничего, кроме того, что она любила выпить, предпочитала сидеть за круглыми столами и что любой, кто осмеливался над ней подшучивать, сильно рисковал своей репутацией. Карлсон желал обрести столь же долгое бессмертие и подозревал, судя по продажам собственных книг и рецензиям на них, что его проза не обессмертит своего создателя. Впрочем, Брайана утешало, что проза Финна, судя по еще более низким продажам и худшим рецензиям, не одарит бессмертием и того.

Остроты так и не материализовались.

Романисты сцепились.

- Финн, - произнес Карлсон с интонацией, приберегаемой для некоего коричневого вещества, налипшего на подошву.

¹¹ * *Популярная американская писательница (1893-1967), известна своим едким юмором. (Здесь и далее прим. ред.)*

- Карлсон, - отозвался Финн тоном захворавшего человека, только что узнавшего название инопланетной болезни, из-за которой у него скоро отвалятся руки.

Состязание завершилось вничью, усложненную отвращением на лицах чи, которые, подобно всем прочим чи, относились к людям примерно как коричневому веществу на подошвах или как к болезням, из-за которых отваливаются руки.

Осознав, что кому-то придется действовать, иначе противостояние затянется на несколько часов, Карлсон взял инициативу на себя, в полном соответствии с давней рецензией в «Неклортан ревью», восхвалявшей его за способность двигаться туда, куда менее способные литераторы опасаются ступить.

- Что ты здесь делаешь?

Финн ответил в смелой и язвительной манере, снискавшей его последнему роману особые похвалы в «Ксананском литературном журнале»:

- А ты что здесь делаешь?

Карлсон гордо выпрямился:

- В этом семестре я приглашен на семинар по прозе людей, организованный Университетом чи.

- А, ясно, - отозвался Финн, не меняя своего роста даже на миллиметр. - Каким уважаемым автором тебя, должно быть, считают...

Шея Карлсона уже достигла максимальной длины, однако он ухитрился задрать нос еще на миллиметр.

- Они оплатили мне проезд, дорожные издержки и выписали щедрый гонорар.

- Больше чем ты получил за оба последних романа.

- Да, - подтвердил Карлсон. - А откуда ты знаешь?

- Мне они заплатили столько же, - сообщил Финн.

Именно в тот момент Карлсон впервые заподозрил, что его новая синекура будет не столь эксклюзивной, как убеждали литературный агент и собственное эго.

- За мной обещали прислать машину с водителем.

- А я и есть твой водитель, - развел руками Финн.

Карлсон все еще старался поддерживать иллюзию большого роста и на секунду-другую ухитрился вытеснить пространственно-временной континуум за пределы его естественных параметров, взглянув сверху вниз на этого выскочку, который по физическим данным был на несколько сантиметров выше него. Попытка завершилась провалом только из-за того, что он не сумел вообразить правдоподобную серию событий, в результате которых Эверетт Финн согласился бы отвезти его куда угодно, если бы в конечном пункте Карлсону не грозила взрывная декомпрессия.

- Вот как? Ты у них работаешь в службе поддержки?

- Я один из приглашенных авторов, высокомерный сморчок, а если хочешь знать, почему я вызывался тебя привезти, то причина в том, что моя самонадеянная гордость за человеческую литературную традицию как таковую пересиливает сокрушительную волну презрения, которую я испытываю к тебе как к конкретной личности. Точка. Необходимо предупредить, что тебя ждет на первой же пресс-конференции.

Сердце Карлсона встрепенулось:

- Предупредить?

- Да, предупредить. Мы все обсудим по дороге в кампус. Потрудись отнести свои чемоданы к машине. Я вестник судьбы, а не твой личный мул.

* * *

Скиммер обладал всеми радостями конструкции, присущими прочим наземным средствам передвижения, созданным чи: в отличие от его человеческих аналогов, имеющих со всех сторон прозрачные окна для поддержания у пилота иллюзии, будто он хоть как-то контролирует направление или скорость полета, корпус скиммера был наглухо закрыт и имел лишь узкую щель на уровне глаз типичного пассажира-чи. Стекло в щели было полупрозрачным и имело тошнотворный янтарный оттенок, из-за чего внешний мир казался погруженным в пудинг.

Архитектурные тенденции чи склонялись в сторону больших надувных конструкций, увенчивающих обелиски. Разумеется, пешеходы на улицах были сплошь чи, и, хотя они никак не могли знать, что именно этот ничем не примечательный скиммер перевозит знаменитых Гомо сап'ов, на лицах всех пешеходов, попадавших в ограниченное поле зрения Карлсона, четко распознавалось какое-то особое презрение, которое никак не могло быть объяснено их отношением к тому, кто программировал для этого скиммера местные правила дорожного движения.

Карлсона предупреждали, что не стоит иметь дело с чи, которые, похоже, были всегда готовы оправдать свою репутацию несносных наглецов, однако искусство романа только что было объявлено умершим в десятитысячный раз за такое же количество лет, и он, подобно любому автору, не числящемуся в священной первой пятерке творцов бестселлеров, ухватился за первую же предложенную ему возможность подработать. Интересно, тяжело ли будет писать на чужой планете целый местный год? Задумчиво почесывать бороду, когда эти инопланетяне станут задавать сотни вариантов вопроса «Где вы берете идеи?», и всякий раз выдавать какую-нибудь версию

классического ответа: «В Скенектади»?*¹² Вести себя с изысканной возвышенностью, посещать приемы, излучать знания и произносить остроумные фразы, а потом приходить домой и трудиться над ежегодной нетленкой, которая-изменит-судьбу?

Не так уж и трудно, решил он. Особенно если учесть, сколько чи были готовы ему заплатить - на порядок больше любых прежних гонораров.

Но, судя по мрачным намекам, брошенным этим ничтожеством Финном, он чего-то не предусмотрел.

- Наверное, я неправильно понял суть программы, - сказал Карлсон. - Я полагал, что буду единственным приглашенным автором.

- Тут тебе не повезло, - сообщил Финн. - Ты лишь один из сорока. Все подписались на год или больше и прибывают сюда по скользющему графику - каждые две недели. При такой системе здесь всегда имеется и новенький самовлюбленный эготист, которого ждет грубое столкновение с реальностью, и очередная пустая оболочка бывшего автора, подсчитывающая последние денечки до возвращения домой. В общем, ты всегда сможешь распознать тех, кто долго здесь пробыл, по их жалкому виду. У меня впереди еще большая часть года, а вид у меня уже такой, словно гремлины пожирают мою селезенку.

- Да что же такого ужасного они с нами делают?

- Ничего из того, что не обозначено в твоём контракте. Ты каждый день пишешь свою обычную прозу, выбрав сюжет и тему на собственное усмотрение. Результаты ты делаешь доступными для факультета. Примерно раз в неделю ты зачитываешь написанное перед слушателями и отвечаешь на их вопросы. Если ты ничего не напишешь - а могу заверить, что некоторые из нас пробовали и такой ход: есть здесь приглашенные авторы, которые поклялись, что больше не напишут ни строчки, - тебе станут задавать вопросы по ранее написанным текстам. Все это повторяется, пока твой срок в аду не завершится.

Карлсон нахмурился:

- Звучит весьма стандартно.

- О, еще как стандартно, - подтвердил Финн с гнетущей окончательностью. - Чи превратили этот стандарт в науку.

- Но если это губит авторов, то как?

- А так, что забивает осиноый кол в любой их творческий импульс. Вот послушай. Помнишь Сандру Джаагин?

¹² * Скенектади, штат Нью-Йорк, США. Этот город играет выдающуюся роль в культурной жизни страны. В нем снималось множество фильмов, в том числе и фантастических, в нем жили и работали американские президенты, а также известные ученые (например, Ральф Альфер, лауреат Национальной научной медали США за разработку теории Большого Взрыва) и писатели (например, Курт Воннегут).

Разумеется, Карлсон ее помнил. Они преподавали и даже какое-то время жили вместе в Университете Нового Канзаса. Именно там она продала свой первый роман, и там же Карлсона, чья карьера в то время продвигалась ни шатко ни валко, обуяла ревность, омрачившая последние несколько недель их отношений. Ему всегда хотелось повстречать ее снова и извиниться.

- Она что, больше не пишет?

- У нее сейчас полный писательский блок. Она уже не берет за перо, а только подолгу гуляет. И еще среди нас Вера Лугофф.

Карлсон помнил Веру по нескольким прежним писательским сборищам. Она была женщиной со странностями, почти ни с кем не общалась и специализировалась на изготовлении эпических «кирпичей» о непорочных женщинах фронта и влюбленных в них мужланах с обнаженной грудью и всклокоченной шевелюрой. Наиболее сексуальным актом для парочек, населяющих любой роман Веры Лугофф, было стояние в обнимку на вершине какого-нибудь продуваемого ветрами утеса и прокламирование своей любви трехстраничными предложениями, настолько густо сдобренными метафорами, что от них слипались страницы. Разговаривала Вера в очень похожей манере и всегда демонстрировала презрение, когда ее пространные декларации не порождали ответов в столь же эпическом стиле. Карлсону еще не доводилось встречать автора, настолько влюбленного в собственные творения или чье эго оказывалось столь невосприимчивым к критике.

- И она здесь? - пискнул он.

- Здесь, со всеми своими прибабасами. Чи привезли ее месяца три назад. И она оказалась вполне ручной: сразу бросилась в бой и зачитала отрывок из нового романа, причем охваченная таким красноречием, что даже самые требовательные слушатели-люди или испытали бы полное удовлетворение, или впали бы в транс от изумления. И угадай, чем все это кончилось?

- Чем же?

- Хватило менее десятка выступлений перед чи, чтобы ее сломить. Она оставила творчество. И теперь сидит в своем бунгало, рыдает и бормочет, что никогда больше не напишет ни слова.

- И это сказала Вера? *Вера*?

- Вера, - подтвердил Финн. - У нас тут были попытки самоубийства, приступы алкоголизма, злоупотребление поп-музыкой и другие пагубные привычки. Некоторые скормили утилизатору отличные готовые рукописи. У одного случился нервный срыв, и бедняга заявил, что он гриб. А не менее дюжины талантливых авторов обнаружили, что уже несколько недель или месяцев не в состоянии добавить к своим файлам ни слова. Одному Всевышнему известно, возьмется ли кто-нибудь из них за перо. Я-то посильнее большинства, но и моя муза

свалилась в колодец навсегда.

Карлсона услышанное одновременно ужаснуло, заинтриговало, потрясло и вызвало протест. Но предупреждение до него не дошло как раз потому, что он был профессиональным писателем, а это означает, что большую часть жизни ему приходилось слушать умных людей - от родителей и бывших жен до седобородых знаменитостей, трудившихся на писательской ниве до него, - которые предрекали ему гибель, если он решит выбрать для себя эту стезю. Поэтому вместо того чтобы расспросить Финна о подробностях, он брякнул:

- Со мной такого не будет.

И Финн взорвался. Почти буквально: еще несколько граммов на квадратный миллиметр внутреннего давления на череп, и его мозги разметало бы по скиммеру. Но голова его все же выдержала, хотя и разбухла.

- А-а, так ты считаешь, что лучше нас?

- Да брось, я никогда такого не говорил. Просто ты всегда был слишком чувствительным к критике...

- О, так вот в чем причина, - расхохотался Финн. - А ты, значит, нет? Прости, что думал иначе! Я знаю: ты лучше нас! И тебя не могут сломить те силы, что погубили нас, простых смертных! Тогда я перестану в тебе сомневаться и позволю войти в логово зверя без иных предупреждений!

- Да я никогда... - поперхнулся Карлсон.

- Да пошел ты к черту! Скоро в одиночку встанешь перед толпой чи и сам все узнаешь. Ведь для нас, бедных писак, здесь других развлечений нет!

* * *

Поначалу пресс-конференция не показалась Карлсону какой-то особенной.

Здесь, разумеется, сидели чи: обычно приводящие в замешательство, когда встречались в человеческом пространстве, где большинство людей, живущих за пределами дипломатических кругов, редко видели их более одного или двух одновременно. Как и на корабле, было нечто такое в их манере приподнимать брови или поджимать губы, услышав хотя бы несколько произнесенных Карлсоном слов, что всегда заставляло его гадать, уж не подвел ли его дезодорант. Когда же такое молчаливое осмеяние происходило публично, у него возникало ощущение, будто по его хрупкому чувству собственного достоинства лупят невидимыми молотками из губчатой резины. Но за свою карьеру Карлсон выступал во многих колледжах, включая такие, что обслуживали исключительно отпрысков титулованных и

привилегированных особ, поэтому ему были хорошо знакомы враждебные тупые взгляды тех, кто о нем ведать не ведал, не имел никакого желания его слушать и презирал уже за то, что их университет полагал, будто у них может возникнуть желание его послушать. И поэтому ряды гримасничающих чи ничем новым копилку его предыдущего опыта не пополнили.

К тому же его утешало присутствие в зале коллег - и не только Финна, стоявшего у дальней стены в ожидании побоища, и Веры Лугофф, прикрывшей лицо вдовьей вуалью в знак скорби о том, что с ней сотворили чи, но и тех, кого Карлсон искренне любил и уважал. Он был особенно рад увидеть Сандру Джаагин. Как и он, Сандра стала на много лет старше, но явно проходила регулярные процедуры омоложения, поэтому выглядела далеко не той сломленной женщиной, какой ее описывал Финн - она даже улыбнулась ему с дальнего ряда кресел. Лишь внезапная тревога, мелькнувшая в ее глазах, когда на подиум вышел чи-модератор доктор Флей Гарх, на миг окатила его страхом.

Гарх облизнул миниатюрные губки с отвращением существа, только что обнаружившего, что по нему кто-то ползает, и произнес:

- Сегодня мы рады видеть среди нас выдающегося Гом сап автора Брайана Карлсона, который являет собой пример состояния писательского искусства в той степени, в какой оно применимо к его биологическому виду. Более того, маэстро - обладатель многих премий, а это показывает, что собственная раса оценивает его как достигшего или почти достигшего вершины шкалы качества - по их версии, разумеется. Карлсон присоединился к нашей программе «Приглашенные авторы», и его регулярные вклады в эту программу обеспечат нас яркими и неоднократными демонстрациями предпочтений Гом сап в области конструирования прозы. Он согласился открыть сегодняшнее заседание чтением типичного отрывка из своей работы. Господин Карлсон?

Последовали ободряющие аплодисменты всех людей, кроме Эверетта Финна, который демонстративно скрестил руки на груди.

Ну и черт с ним.

Карлсон затянул традиционное вступление о том, какая для него честь представлять свой вид разумных существ, об огромной важности межкультурного обмена и о его великой надежде на то, что это может стать фундаментом дальнейшего прогресса в отношениях между двумя великими расами и т.д., и т.п.

Потом он активировал в блокноте гипертекстовую ссылку и начал читать.

Карлсон создал себе репутацию, творя в двух взаимоисключающих жанрах. Первым были межвидовые НФ-триллеры, в которых он описывал высосанные из пальца хитроумные тайные организации,

включающие сложные альянсы между расами как реальных, так и вымышленных инопланетян. Эти тайные организации, если бы им не противодействовали отважные герои и героини Карлсона, грозили устроить кровавую резню с уничтожением целых планет. Вторым жанром были трогательные буколические приключения наивного мальчика, постепенно взрослеющего среди водных пажитей планеты-океана Грив. Оба цикла до предела напрягали доверчивость читателей: в первом случае из-за того, что его гигантские тайные организации никогда не рушились из-за неумелого руководства или внутренних противоречий, подобно большинству синдикатов такого масштаба, а во втором - из-за того, что юный герой из цикла о Гриве, в котором давно распознали самого Карлсона в детстве, не постарел и на день, несмотря на тридцать с хвостиком томов его приключений, примерно по году событий в каждом.

Последний же опус Карлсона, которым он чрезвычайно гордился, не принадлежал к какой-либо вымышленной вселенной. То была основанная на реальных событиях история любви юноши и девушки, познакомившихся в киберсети, соединившихся в новую гештальт-личность и теперь испытывающих общее сильное желание к бывшим возлюбленным каждого из них. И собравшись в зале чи он прочел отрывок как раз из этого новейшего романа, продемонстрировав то присущее ему владение интонациями и идиомами, из-за которого он когда-то даже задумался о второй карьере актера-диктора в кибердрамах.

Карлсон увлекся. Он упивался молчанием аудитории, воспринимая его как признательность. Он затерялся в глубинах написанной им истории, видел рядом своих слушателей и на несколько мимолетных мгновений стал не литератором с несомненной, но печально ограниченной одаренностью, а божеством, наслаждающимся богатством вселенной, которую сам же и создал.

Закончив, он услышал вежливое шипение.

На этот счет его предупреждали - то был местный эквивалент аплодисментов. Он воспринял их как должное и ответил в своей любимой манере, прижав ладонь ко лбу и покачивая головой, думая при этом: «Не понимаю, о чем это болтал Финн, все не так уж и плохо».

Потом начались вопросы.

- Господин Карлсон, на каком расстоянии от планеты вашей героини находится солнце?

Карлсон моргнул:

- Не знаю. Но это теплый мир. Обитаемые регионы там тропические - по человеческим стандартам. Я детально описывал местную погоду...

- Господин Карлсон, известны ли вам погодные системы в горных районах этой планеты?

- Нет. Но и ей тоже. В школах...

- Господин Карлсон, героиня ест с помощью приспособления, называемого вилкой. Это четыре изогнутых зубца на конце рукоятки. Вам случайно не известно, почему стандартом стали четыре зубца, а не шесть?

- Это долго объяснять. Наверное, мне...

- Господин Карлсон, у описываемой вами героини есть веснушки. Это локальные вариации пигментации кожи, усугубляемые ультрафиолетовым излучением. Вы сообщили, что веснушки у нее рассыпаны по обеим щекам. На какой щеке их больше? На правой или на левой?

Только теперь до Карлсона стало доходить, что он попал в ад.

- Обе щеки одинаково веснушчатые.

- Господин Карлсон, подтвердит ли медицинский осмотр точность этого подсчета?

- Люди не подсчитывают свои веснушки.

- Поскольку вы автор, господин Карлсон, то именно вы придумываете черты ее лица. И утверждать, что у нее есть веснушки, но без указания их точного количества - это пренебрежение ответственностью перед вашими читателями. Вы обязаны знать их точное количество.

- Я не знаю...

- И при этом утверждаете, что количество веснушек на каждой из щек одинаково?

- Более или менее...

- «Более или менее» не означает «равное», господин Карлсон. Значит, вы противоречите сами себе.

- Я не...

- Мы отметили сходные несоответствия в воображении и других людей, господин Карлсон: их вымышленные творения при любом строгом исследовании сдуваются, как воздушные шарик. Это справедливо даже для ваших так называемых классиков. Знакомы ли вам работы прославленного землянина Виктора Гюго?

Гюго был одним из тех, кто оказал на Карлсона влияние еще в молодости. Брайан написал несколько статей о творчестве Гюго и даже пару семестров читал о нем лекции скучающим студентам университета, которые нуждались в двух месяцах специальной профилизации, прежде чем могли оценить традиции и нравы глобальной экономики. И ему не требовалось слышать презрительные интонации в голосе чи, чтобы понять - эта сволочь тоже о нем знает.

- Да, и что?

- Какова была влажность воздуха в тот день, когда Жана Вальжана выпустили из тюрьмы?

- Не знаю.

- Точное число насекомых в его одежде?

- Не знаю.

- Каково было состояние его зубов?
- Не знаю! - рявкнул Карлсон. - Это несущественно!
- Существенно, - возразил чи. - Существенно.
- Нет, черт побери! Не нужно знать все, что происходит на каждом квадратном сантиметре тела героя, чтобы погрузиться в суть повествования или понять его основную тему.

Наступила тишина. Чи сидели молча, и коллективная мощь их неодобрения окатывала Брайана приливной волной. Им и не нужно было что-то говорить - слова в этой ситуации стали бы избыточными.

Но предсказуемо, неизбежно, без намека на милосердие эти слова все же прозвучали - одно за другим, придавливая его с безжалостной окончательностью могильной плиты.

- Значит, вы признаете, что человеческие авторы неадекватны? - спросил чи.

Земля остыла. Сформировались континенты. Жизнь поднялась из глубин, была сметена ударом астероида, но затем продолжена отважными новыми видами. Началась и закончилась эпоха Возрождения. Звезды погасли и умерли. Ад наполнился душами и вывесил на воротах табличку «Мест нет». Время остановилось, когда Вселенная сжалась в точку.

Но Карлсону показалось, что вопросы ему задавали еще целый час после этого.

* * *

Для него свет во вселенную вернулся только вечером того же дня, вместе с вином и сыром на вечеринке соблезнования, которую запертые в академическом аду коллеги-авторы устроили в своем поселении, утешая прибывшего в их общий ад новичка.

Для камеры пыток это было неплохое место. Его можно было даже назвать красивым. Чи построили круг из уютных домиков на склонах узкой горной долины, засаженных привычными для людей деревьями так, чтобы создать как тенистые тропинки, так и солнечные полянки. Может быть, они действительно хотели проявить себя заботливыми хозяевами. А возможно, оказались садистами, прекрасно сознающими, что леса, сады и солнце будут пыткой для людей, уже доведенных до полного отчаяния.

Вечеринку устроили на поляне. Карлсон уже вытерпел утешения нескольких детективщиков, мемуариста, сатирика и автора эпистолярной прозы, некогда прославившегося тем, что переделывал письма, которыми обменивались его персонажи, в непере译имый двоичный код.

Карлсону посоветовали не очень-то расстраиваться из-за мерзавцев

чи. До тех пор пока коллеги знают, что он хороший писатель, и он сам знает, что он хороший писатель, и когда-нибудь он обретет свободу, вернувшись в человеческое пространство, где хотя бы одному человеку из двухсот тысяч еще нужны хорошие писатели, ему следует поплевывать свысока на попытки чи уничтожить его как автора, то есть обращать на них внимания не больше, чем на весенний дождик.

Конечно же, ему придется выдержать жестокий шквал таких же вопросов через неделю. И еще через неделю.

И почти каждый из тех, кто его утешал, отводил взгляд, когда он в ответ спрашивал, как им здесь пишется. У всех личные музы пребывали если не в кандалах, то были избиты до такой степени, что попытка поднести перо к бумаге (или прикоснуться к клавишам электронного блокнота, или переслать нервные импульсы в гипертекстовую базу данных, или любой иной импульс творить) причиняла им невыносимую боль.

Вечер не обещал стать намного приятнее, когда он заметил знакомое лицо в очереди сочувствующих. Успев позабыть о том, как они расстались, Карлсон бросился вперед, чтобы поздороваться:

- Сандра!

Она тоже обняла его в ответ:

- Брайан. Мне так жаль. Я предупредила бы тебя, если бы могла.

- Ничего, все в порядке, - успокоил ее Карлсон, искренне улыбаясь впервые после злосчастной пресс-конференции. - Как твои дела?

- Могли быть хуже. Я уже несколько месяцев не могу дописать ничего из начатого, но хотя бы в состоянии относиться к этому с юмором. А ты отлично выглядишь. Поправился, но все еще хорош.

- Ты тоже. За исключением «поправилась».

Давным-давно, когда Брайан познакомился с Сандрой и полюбил ее, она была стройным и хрупким созданием, напоминала эльфийку-брюнетку с короткой стрижкой и обладала присущей некоторым женщинам особенностью перемежать каждое сделанное утверждение смущенным хихиканьем, как будто сам факт высказывания своих мыслей требовал извинений. В те времена она маскировала свою природную застенчивость вызывающими нарядами, из которых ему запомнились платье с анимированными голографическими узорами и костюмчик, подающий звуковой сигнал и становящийся прозрачным через случайные промежутки времени. Сейчас она утратила часть прежней худощавости, но добавочный вес уравновесил округлость лица и сделал ее больше похожей на женщину, чем на беспризорницу, а солнечно-желтая туника, в которой она сегодня щеголяла, скорее подчеркивала фигуру, чем отвлекала от нее внимание, подобно некоторым прежним нарядам.

Карлсон невольно пережил момент глубокой и трогательной ностальгии по временам их совместной жизни.

- Господи, как же я рад тебя видеть!

- Хотела бы я сказать то же самое, - ответила Сандра, отнюдь не прибавив ему оптимизма. Впрочем, следующие слова немного его ободрили: - Ты действительно такого не заслужил. Ты уже догадался, что здесь происходит? Или, может быть, кто-нибудь удосужился тебе это объяснить?

- Гм-м, не совсем. Финн пытался меня предупредить до начала этого кошмара, но мы сшиблись лбами, и он не смог договорить.

- Значит, это придется сделать мне, - решила она и схватила его за руку. - Пошли, найдем тихое местечко.

Когда-то Сандра скорее умерла бы, чем отважилась повести за руку кого-нибудь старше ребенка - ей не хватало самоуверенности или смелости вести кого угодно куда угодно. Теперь же она уподобилась бульдозеру, умело прокладывающему дорогу сквозь нетрезвую толпу в твидовых пиджаках и расталкивающему тех немногих, кто еще не успел выразить Карлсону сочувствие. Последней, кого она ловко избежала, была Вера, похожая сейчас на призрак невесты, выглядывающей в окна верхнего этажа какого-нибудь викторианского поместья. Карлсон лишь порадовался, что Сандра сумела избавить его от этой встречи, потому что в глазах Веры читалось отчаяние, а Карлсон был сейчас явно не в состоянии выдержать еще одну дозу.

Сандра отыскала прибежище на каменной скамье возле узкого ручья. Вода в нем журчала как раз с нужной громкостью, чтобы создавать звуковой фон, заглушающий болтовню остальных приглашенных авторов. Она усадила его, уселась рядом и начала:

- Я и сейчас борюсь с искушением позволить тебе биться головой о стену, пока до тебя не дойдет очевидное. Ты тогда повел себя как ничтожество.

- Знаю. Я ведь собирался встретиться с тобой и во всем покаяться. Она вгляделась в его лицо:

- И что же тебе помешало?

- У меня было оправдание.

- Какое?

Карлсон развел руками:

- Трусость.

Она не удивилась, лишь кивнула и отвела взгляд:

- Нечто такое я и предполагала. Но у тебя доброе сердце, а это большая редкость среди обычных людей, не говоря уже о писателях, поэтому я избавлю тебя от смятения, которое ты сейчас наверняка испытываешь. Ты когда-нибудь читал хоть что-то из литературы чи?

Карлсон со стыдом осознал, что такое ему и в голову не приходило, даже в те несколько месяцев, что разделяли приглашение и посадку в орбитальный челнок чи.

- Э-э... нет.

- Значит, ты не знаешь, что они считают хорошим романом?

- Ну, я предполагал...

- Правильно. Ты предположил, что раз тебя пригласили в качестве почетного гостя, то им захотелось оказать тебе уважение.

- Обычно одно вытекает из другого.

Она вздохнула:

- Ты когда в последний раз ездил выступать с циклом лекций, Брайан? Неужели ты до сих пор не понял, что иногда тебя приглашают, имея в виду совершенно противоположное?

Карлсону припомнился небольшой колледж в космическом поселении Новый Лондон. Его пригласили туда на симпозиум, посвященный его литературным произведениям. Он прилетел, ожидая услышать восхваления, но быстро понял: главной темой дискуссии стала невыразительность и примитивность его персонажей, сформированная психосексуальными проблемами автора. Еще через три часа он стал зримым воплощением популярного стереотипа о том, что писатели - это буйные эгоманьяки, склонные к алкоголизму. С тех пор Карлсон поклялся никогда не откликаться на такие предложения. Но мысль о том, что ему хотят оказать уважение настоящие инопланетяне, пересилила дурные предчувствия, и...

...и теперь впервые в жизни он испытал ощущение, которое романисты называют «внезапной слабостью».

- Что они задумали?

- Чи не любят людей. Они считают нас агрессивными и невежественными обывателями с едва развитыми понятиями об эстетике, но с постпопкультурой, которая унижает и нас, и любую инопланетную расу, когда-либо пытавшуюся оценить любое из наших произведений. Расписание их программы по изучению человеческой литературы целиком посвящено утверждению этого тезиса. Они приглашают сюда наших лучших авторов - во всяком случае, тех, кого не успели предупредить, - и делают это с конкретной целью унижить нас неадекватностью наших литературных традиций, если судить о них по весьма специфическим критериям их местных стандартов. Короче, ты здесь в качестве отрицательного примера. Вроде мальчика для битья. Никакое твоё произведение, независимо от его качества, в принципе не может заслужить их одобрение. Повторю - *никакое*. А особенно им нравится раздирать на клочки наших классиков. С одной только Джейн Остин они проделали *такое*, что даже самая сильная женщина разрыдается.

Карлсон сглотнул:

- Тогда почему мы все еще здесь сидим?

- Потому что у нас нет выбора. Мы подписали контракты. Мы получили их гонорары. Мы согласились приехать и отвечать на их вопросы. Если любой из нас откажется сотрудничать, то ему выставят такой штраф,

что ни один писатель за всю жизнь с ними не рассчитается, и в конце концов они станут владельцами прав на все его уже написанные и будущие произведения. А это даст им право захоронить репутацию писателя в еще более глубокой могиле, публикуя аннотированные издания, единственная цель которых - подтвердить их мнение о том, что он бесчестный, слабоумный, ограниченный, бесталаный и вообще уступает чи во всех отношениях. - Она поморщилась. - Только дернись, и тебя похоронят. Но я скорее умру, чем позволю надругаться над «Холодной победой».

То был первый роман Сандры - портрет персонажа, тайным прототипом которого стал ее далекий и строгий отец. Карлсон вспомнил ее слова о том, как она изрыдалась, пока писала книгу. Вспомнил одобрение, которое получил опубликованный роман, как у него стоял в горле комок, когда он его читал, и то ощущение близости к Сандре, которое роман ему подарил. А потом осознал, что чи наверняка задавали Сандре уничижительные вопросы *об этой книге*, и ей приходилось сидеть и выслушивать их, неделю за неделей. И тогда в нем вспыхнул гнев - всепоглощающий гнев, охватывающий автора в обществе злобных критиков, и он заявил:

- Я не допущу, чтобы такое сошло им с рук!

Она фыркнула:

- О Брайан. Ну как ты сможешь их остановить?

- Еще не придумал. Но я их раздавлю. Не волнуйся. Я еще заставлю их заткнуться и уйду, когда они будут молить о пощаде. Клянусь!

Несколько секунд Сандра лишь смотрела на него моргая, потом рассмеялась:

- Я тебе едва не поверила.

- А ты поверь. Я говорю серьезно.

Она коснулась его губ:

- Знаю. Но это их мир, их правила, их эстетика. Ты не сможешь писать такую прозу, которая им понравится, и не сможешь заставить их полюбить свою. Ты затеваешь дурацкую игру.

- Значит, я дурак, - опрометчиво признал он. - Но я их одолею. Обязательно.

Она вздохнула, посмотрела на него с той особой чувственностью, которая не хочет пересечь границу жалости, и целомудренно чмокнула его в щеку:

- Если когда-нибудь сможешь сделать то, что сказал, то навечно станешь моим героем.

- Правда? И ты согласишься дать мне второй шанс?

Коллебаясь, она все же произнесла:

- Почему бы и нет?

И это, разумеется, стало вызовом, который гетеросексуальный мужчина-писатель не принять не мог.

* * *

На следующий день голова у него трещала после бесчисленных стаканов и бокалов, которые ему подсовывали братья-писатели, с нетерпением желая увидеть, как новичок последует их примеру и напьется в стельку. Тем не менее Карлсон вышел из поселка униженных и отыскал дорогу к главной библиотеке университета, где библиотекарь-чи взглянул на него и спросил, снабдив интонацию должной смесью презрения и снисходительности, не перепутал ли он здания. Разве хранящиеся здесь произведения не отличаются подтекстами и тонкостями, не постижимыми для человеческого существа?

Карлсон лишь улыбнулся и вручил книжному червю список из трех названий, признанных величайшими романами в истории чи. Тот сообщил, что все они имеются в гипертекстовой сети. Карлсон снова улыбнулся и промурлыкал:

- Ах, но какое чувственное удовольствие я испытываю, когда держу книгу и впитываю ее мудрость...

Для решения вопроса потребовалось общение между библиотеками и консультация с директором программы по изучению земной литературы, но уже к концу того же дня чи разрешили напечатать дубликаты всех трех романов в одобренных коммерческих переводах и в формате и переплете, которые Карлсон предпочитал.

Это оказалось ошибкой.

Ни один из романов не был короче трех тысяч страниц.

Скривившись как от веса, так и от мысли о необходимости одолеть эти «кирпичи», но все же радостно предвкушая знакомство с новой прозой, Карлсон приволок книги в свое бунгало и провел вечер за чтением первого и, судя по репутации, самого почитаемого из романов.

После шести страниц он вернулся к началу, не в силах поверить, что сюжет разворачивается именно так, как он только что прочел. Убедившись в этой ужасной истине и испытывая все большее отчаяние к моменту, когда он продрался к сотой странице, Карлсон справился с порывом швырнуть книгу в огонь и заставил себя читать дальше - строчку за строчкой, абзац за абзацем.

Совершив героическое усилие, он в тот вечер добрался до двухсотой страницы и на этом пути едва не вырубался раз десять. Прежде чем рухнуть окончательно, Карлсон пролистал оставшиеся до конца страницы, и ужасная истина подтвердилась.

Утром он постучал в дверь Сандры:

- Не хочешь прогуляться?

Сандра сидела в халатике, непричесанная и пила из чашки что-то

горячее.

- Может быть. Еще не передумал устраивать им трепку?

- Нет. Более того - кажется, я придумал, как это сделать.

Они приподняла бровь и смахнула с щеки прядь волос:

- Я поражена. Героическая фэнтези для тебя новый жанр, Брай.

- Нет, я серьезно. Мне лишь надо кое-что уточнить. Пойдем прогуляемся. - И добавил, когда она замерла в нерешительности: - Но если ты предпочитаешь остаться дома и попытаться что-нибудь написать...

Страшная правда о писателях заключается в том, что лишь очень немногие из них, если им предоставить возможность заняться чем-то иным, предпочтут остаться дома и что-либо написать. И Сандра, получив такую возможность, собралась в мгновение ока.

Час спустя парочка уже сидела на берегу того же ручья и в том же месте, где они разговаривали два дня назад. Они трепались о чем угодно, только не о придуманном Карлсоном плане контрнаступления, но когда Сандра сбросила туфельки, чтобы поболтать в воде ногами, Карлсон, и без того напрягавший всю силу воли, чтобы не любоваться переливами солнечных лучей на ее волосах, окончательно понял: надо или переходить к делу, или умереть на месте.

- Я вчера вечером начал читать «Тысячу тщетностей».

Сандра от неожиданности даже закашляла.

- О, Брайан. Мне тебя так жаль. И сколько ты смог прочесть?

- Двести страниц. Остальное пробежал.

- Больше, чем смогла я. Вера, по-моему, одолела пятьдесят. Бедняжка уже никогда не будет прежней...

- У меня есть и два других классических романа чи, - поведал Карлсон, - но я лишь бегло их пролистал и понял: продолжение грозит мне потерей рассудка. Однако все же есть вероятность, что где-то в рамках литературного канона чи может отыскаться местный эквивалент Диккенса, Дюма, Гюго или хотя бы Квантового Облака, поэтому ты можешь спасти человека от тяжких мучений, если окажешь мне услугу и подтвердишь справедливость моих выводов.

Сандра показала ему два поднятых больших пальца, откинула голову, подставляя лицо солнцу, и бросила:

- Валяй.

- Насколько я могу судить после ознакомления с величайшим романом в истории чи, - начал Карлсон, - а также после консультации с научными статьями об их литературном каноне, написанными в наших лучших университетах - я отыскал их через гипертекстовую сеть, - проза чи всегда пренебрегала сюжетом, персонажами и даже темой. Вся она состоит из сгруппированных пояснительных фраз.

Сандра поболтала в воде ногами:

- Интересная формулировка.

- Исторически сложилось так, что типичный роман чи всегда сосредоточен на проработке самых подробных деталей о предмете, какие только можно вообразить. Например, в вазе стоит один цветок. Какого сорта этот цветок? Они это протоколируют. Где он был сорван? Они описывают район и все его экономическое развитие. Какая это ваза? Они описывают ее форму, а потом на нескольких страницах повествуют о художественной школе, создающей такие вазы. В следующих главах препарируется состав глины, из которой ваза сделана, и указывается, почему гончары предпочли именно этот материал. Затем они переходят к столу. Пропустим этот отчет. Потом начинается описание комнаты и подробнейший рассказ о мельчайших-деталях каждого предмета мебели в ней, и если они хотят продемонстрировать отчаянную смелость, то и персоны, сидящей на стуле где-то в этой комнате. Они живописуют эту персону, не упуская ни малейшей подробности ее генеалогии. Единственное, чего они никогда не сделают - это не позволят подобной персоне встать и участвовать в истории, потому что неприлично, это будет предательством той тонкости изложения, которую предпочитают чи. И кстати, если они все же сделают нечто такое, то наверняка забудут о некоторых более важных деталях, наподобие точной степени вытертости ковра в том месте, где стоит персонаж. Именно подобную многослойность, это навязчивое накопление подробностей - и чем более обыденных, тем лучше - интеллигенция чи и считает искусством. Я пока все правильно излагаю?

Сандру передернуло:

- Правильно. И подумать только, мне когда-то было нелегко воспринимать Джойса и Пруста.

Но Карлсон все еще разогревался:

- Романисты-чи стремятся настолько подробно описать единственный статичный момент, что остальной мир у них может лишь подразумеваться, в то время как даже самый неторопливый писатель-человек движет повествование во времени, а детализацию осуществляет лишь в минимальной степени, только чтобы обогатить рассказ - он описывает самое необходимое, исходя из предположения, что некоторые детали несущественны и потому могут быть опущены. Писатель-чи, приглашенный на симпозиум вроде этого, способен дотошно перечислить все предметы, содержащиеся в ящике стола ученого, живущего напротив дома, в котором разворачивается действие романа. И такое описание нельзя высосать из пальца, потому что если он не приведет его в своей книге, ему будут задавать этот вопрос не один и не два раза, а каждый раз при публичном обсуждении его романа. Вот почему все их самые уважаемые книги достигают объема не менее двух тысяч страниц. Вот почему они становятся еще толще, когда к ним добавляются примечания литературоведов. Короче

говоря, их идеал романа - это неподъемная дубина, которой невозможно кого-то отлупить... Я прав?

Сандра ударила пяткой по журчащей воде, породив серебристую дугу брызг.

- Да, прав. Но с этим ты не можешь сражаться, Брайан. Это их мир, их эстетические стандарты. Если ты когда-нибудь скажешь им в лицо, что их литература - полный отстой, тебя обвинят в грубости человеческих чувств и неспособности оценить изысканные тонкости их текстов.

- Ну, это я и так знаю.

- И подражать их писанине ты тоже не сможешь. Уж поверь, некоторые из нас уже пытались. Напиши десять страниц в истинной традиции чи - и заработаешь косоглазие. Напиши пятьдесят - и захочешь покончить с собой. Напиши сотню - и можешь навсегда утратить способность писать что-либо публикуемое в человеческом пространстве. А если все же ухитришься добраться до конца - кстати, один из нас смог, пару лет назад, - то не сумеешь защитить написанное в той степени, в какой им требуется: как бы ты ни старался, они все равно отыщут противоречия или дыры в описаниях и раструбят о твоём поражении еще громче. И окажется, что ты напрасно занимался самоистязанием.

- Это я уже понял, - сообщил Карлсон. - И совершенно не намерен повторять этот опыт.

Сандра несколько секунд вглядывалась в его лицо, нахмурилась, увидев в его глазах уверенность, и снова подняла фонтанчик брызг.

- Но ты говорил, что можешь их одолеть.

- Уверен, что могу, - ухмыльнулся Карлсон.

- Ради святого Жюля, как?

Карлсон взял камень и швырнул его в ручей, с удовольствием отметив смачный «плюх» и разлетевшиеся брызги, и с особым удовольствием представил, что текущая вода - это литературная традиция чи, а камень - его особый будущий вклад в эту традицию.

- А очень просто: использую их традицию против них же... Давай трогаться. Думаю, настало время поговорить с остальными.

* * *

Через два дня настала очередь Эверетта Финна усесться на горячую сковороду. Как обычно, он не смог написать что-то новое за неделю, миновавшую со дня последнего потрошения, поэтому чи воспользовались пунктом контракта, не дающим приглашенным авторам-людям просто забить на свои обязанности, и запланировали дискуссию по одной из его прежних работ: в данном случае очень милому автобиографическому рассказику о первой космической

прогулке десятилетнего Эверетта. Финн получил за него какую-то мелкую литературную премию и все еще испытывал к нему теплые чувства, хотя и считал теперь подростковой прозой. Битых три часа чи добивались от него полной диссертации по орбитальной механике, вплоть до указания точного объема корабельного воздуха, попавшего в космос, когда открывшаяся дверь шлюза выпустила героя в вакуум. Финн придерживался своей обычной стратегии угрюмых односложных ответов почти до конца публичного избиения - и в этот момент, как было заранее оговорено, позволил голосу дрогнуть и разрыдался, уткнувшись лицом в ладони.

Собравшиеся чи восприняли это с поразительным апломбом: в конце концов, именно такой реакции они и добивались.

- Вы в порядке? - осведомился Гарх.

Финн покачал головой:

- Н-нет. Вы правы. Мой рассказ написан неряшливо и слабо. Он недостаточно хорош. И никогда не будет достаточно хорош.

- Значит, вы изменили свою позицию и признаете неполноценность человеческой литературной традиции?

- Д-да, - пробормотал Финн. - Мне так стыдно. - Всклипнув, он выбежал из зала, прикрывая глаза и размазывая по щекам обильные слезы.

Чи не заметили, как он притормозил возле Карлсона, пронзил давнего соперника взглядом, полным нескрываемой ненависти, и процедил:

- Ну, если ты сплосаешь...

Не заметили ученые-чи подобного контакта взглядов и на следующей неделе, когда и другие приглашенные авторы, подвергнутые допросу во время дискуссий, изобразили аналогичные приступы ошеломляющего отчаяния. Не все эти взгляды были гневными - некоторые из вспышек истерики, которые чи видели, но не смогли распознать, действительно были вспышками истерики, но истерики от неудержимого смеха. Ни один из чи не присутствовал на той прекрасной вечеринке, когда Вера Лугофф немного перебрала и почти час безостановочно хихикала, завывая при этом: «Мне так стыдно!», причем степень ее восторга с лихвой компенсировала степень ее опьянения. Немало голов в течение этой недели трещало с похмелья, да, немало - опять-таки ничего необычного для сборища писателей, но зато сами пирушки уже меньше напоминали траурные сборища в темницах авторского отчаяния, а были, скорее, бесшабашным празднованием возможности нанести своим мучителям ответный удар.

Поэтому чи нельзя обвинить в том, что они ничего не заподозрили и проявили еще большую занудность в вопросах, когда снова настала очередь Карлсона.

Придерживаясь стратегии, разработанной для остальных, Карлсон не написал чего-либо нового к очередному сроку, поэтому ему пришлось вытерпеть разборку своего любимого старого романа и отвечать на вопросы типа: «Сколько волосяных фолликулов было на голове у Сюзи?» и «Какое артериальное давление отмечалось в тот момент у профессора Клампа?».

Карлсону понадобилась вся сила воли, чтобы выдержать допрос, но он справился, удивив аудиторию тем, что не сломался, изобразив нервный срыв.

Вместо этого он задумчиво почесал подбородок:

- Знаете, а вы правы. Вы абсолютно правы. Человеческая литературная традиция уступает вашей. Однако не только ее не мешало бы усовершенствовать.

По рядам литературоведов-чи прокатился ропот.

- Прошу конкретнее, - сказал Гарх.

- Я прочитал несколько ваших знаменитых классических романов, в том числе «Тысячу тщетностей», «Анархию» и «Пыль в уборной фермера, выращивающего пург». И хотя меня поразили их яркость и богатство деталей, мне пришло в голову, что вашему канону недостает свежести, очищающего духа новизны, необходимого для поддержания жизни в любом великом виде искусства. Я считаю, что добавление аллюзий и подтекста, вышедших из-под пера опытного автора, может создать роман столь же детализированный, как величайшие романы чи всех времен, но гораздо меньшего объема. Более того, поскольку у меня теперь открылись глаза, я считаю, что смогу написать произведение не менее достойное, чем бессмертный роман Влурх-Бома «Ноздря», и при этом наполнить его яркостью, эмоциональной правдой и неотразимой значимостью, которые всегда так ценились среди наших великих писателей. Короче, дайте мне неделю, и я обещаю, что поднимусь на этот подиум с творением, которым гордились бы и великие авторы, писавшие в литературных традициях чи!

Зал взорвался. Послышались крики: «Невозможно!», «Всего за неделю?», «Человек?» и так далее. Кое-где заулюлюкали, но Карлсон этого ожидал и стоял твердо, гордо подняв голову и выставив свой довольно слабохарактерный подбородок - насколько получалось. На галерее в задней части зала, где сидели его коллеги, Эверетт Финн нахмурился, Вера Лугофф кашлянула в платочек, а Сандра Джаагин просияла. Ее вера в задуманное Карлсоном была теперь настолько сильна, что с легкостью разгоняла мрачные тучи отрицательных эмоций, исходящие от их патронов-мучителей.

Карлсон справился с почти непреодолимым желанием подмигнуть ей,

и это, возможно, стало наиболее самоотверженным поступком в его жизни.

Шум в зале постепенно стих. Гарх посовещался с кучкой своих коллег, вышел на подиум и презрительно бросил:

- Неделя. Вы сказали, что можете превзойти наши лучшие литературные произведения всего за неделю.

- Да, - подтвердил Карлсон. - Думаю, что смогу.

- Мы не верим, Брайан Карлсон. Никто из авторов-людей не обладает достаточным мастерством и самобытностью, чтобы совершить столь беспрецедентный подвиг. Но вы сами бросили вызов и обозначили условия. Встречаемся здесь через неделю, и вы или прочтете нам произведение, достоинства которого будут соответствовать вашему заявлению, или признаете неполноценность не только ваших повествовательных традиций, но и всего творческого потенциала человеческой расы.

- Согласен, - ответил Карлсон с безрассудной страстностью. - Но при условии, что вы возложите всю ответственность на мои плечи. Независимо от того, добьюсь ли я успеха, вы должны выплатить моим коллегам оставшуюся часть гонорара, досрочно прекратить действие их контрактов и обеспечить обратный проезд.

После нового совещания Гарх вернулся на подиум:

- Мы согласны. Надеюсь, вам понятно, что, прекратив дальнейшие дебаты, вы возлагаете всю литературную репутацию вашего вида на свои слабые плечи?

Карлсон едва сдерживал ухмылку:

- В таком случае, мне лучше начать немедленно. Благодарю за внимание.

Он сошел с подиума, поклонился и зашагал по центральному проходу. У выхода он задержался, чтобы и остальные приглашенные авторы смогли присоединиться к спонтанному массовому исходу.

Эверетт Финн протолкался ближе и повторил:

- Ну, если ты сплошаешь...

- Да заткнись ты, - отрезал Карлсон, ухмыляясь до ушей.

* * *

Следующая неделя прошла в нарастающей напряженности. Люди ждали момента истины, а их хозяева трубили о важности и окончательности грядущего события.

Карлсон не следил за тем, что о нем говорят в местных средствах массовой информации, но случайно кое-что услышал. Похоже, главной темой было то, кто именно из многих суперзвездных академиков препарирует его писанину с самым убийственным красноречием.

Наиболее гнусные из их банды были столь же знамениты, как звезды спорта, и их физиономии продавались на карточках для коллекционеров целыми пачками вместе со скользким гелем, который чи ценили за сладость и приятную консистенцию. Намечающееся уничтожение репутации Карлсона было событием, которого ждали с таким нетерпением, что ради него вспомнили и про нескольких бывших знаменитостей, ныне пенсионеров, и это породило немало предположений о том, кто задаст Карлсону наиболее впечатляющую трепку - такие мастера, как Хлудт и Кьяэль, или выскочки вроде Фиейили.

Похоже, никому из чи даже в голову не приходило, что будущий опус Карлсона может обернуться для приглашенного автора чем-либо иным, кроме катастрофы. А это было именно то, чего Карлсон хотел. Он практически не разговаривал на эту тему с коллегами, если не считать единственной беседы с Сандрой, когда она угощала его на завтрак вафлями.

И говорить на эту тему ему хотелось меньше всего, потому что прошло уже несколько лет с тех пор, как она пекла для него вафли.

Но все же она спросила:

- Ты ведь знаешь, что они для тебя готовят? И прилагают все усилия, чтобы унижить тебя как можно сильнее?

Карлсон в это время поливал вафлю кленовым сиропом, и это действие само по себе приносило ему немалое чувственное удовольствие, потому что он уже несколько лет не потакал своей знаменитой страсти к кленовому сиропу и находил чрезвычайно важным тот факт, что Сандра ухитрилась раздобыть для него сироп здесь, на планете чи.

- Мы об этом уже говорили, любовь моя. Чем больше усилий они вложат в мое уничтожение, тем дальше я смогу их отшвырнуть моим блистательным риторическим джиу-джитсу.

- Я просто хочу сказать, что тебе не обязательно проходить через такое испытание, лишь бы произвести на меня впечатление.

Вилка Карлсона замерла:

- Ты действительно думаешь, что я делаю это, лишь бы произвести на тебя впечатление?

Она покраснела:

- А разве нет? Хотя бы чуть-чуть?

Карлсон положил вилку, так и не наколов вафлю:

- Я от тебя без ума, Сандра. Я всегда был от тебя без ума и всегда считал расставание с тобой второй худшей ошибкой в своей жизни - сразу после пункта с обязательствами в контракте на мой второй роман. А это очень близко, даже по последствиям. Но если ты думаешь, что я делаю это ради тебя, то ошибаешься. Я делаю это ради. Шекспира, Диккенса, Твена, Ибсена, Чехова, Хемингуэя,

Стейнбека, Воннегута, Роулинг, Кс'уффаша, Даунтредера и ради всех тех, перед кем заперли городские ворота и кого забросали отбросами. Я делаю это, потому что хочу пройти через эти ворота, чтобы те отбросы стали наконец-то падать на правильные головы. И потому что не кто иной, как я, сумел построить большого деревянного коня в виде рукописи. А то, что я произвел на тебя впечатление, - это лишь замечательный добавочный бонус.

Губы Сандры шевельнулись, потом она обрела голос и произнесла:

- Ешь. У тебя вафли остывают.

Он снова взял вилку, подавив невольную улыбку. И все было замечательно, пока не настал тот день.

* * *

Когда настал тот день, местом проведения окончательной схватки выбрали не скромный зал для семинаров, где устраивали прежние конференции, а огромную аудиторию за пределами университетского городка, освещенную баллонами со светящимся газом и до отказа набитую литературными светильниками, излучающими волны презрительного неодобрения. На сцене поставили не только кафедру для Карлсона, но и два длинных стола, за который уселись некоторые из знаменитостей, знакомых Карлсону по карточкам для коллекционеров - физиономии у них уже были кислые и напыщенные и намекали на долгую и унылую жизнь, потраченную на соскребание с подошв неких омерзительных веществ.

Гарх подошел к кафедре, где его приветствовали вежливыми аплодисментами два ряда приглашенных авторов-людей и энергичным шипением - остальные собравшиеся в большом зале.

- Уважаемые коллеги, - начал он, - мы собрались здесь сегодня, чтобы оценить работу человека Брайана Карлсона, заявившего, будто он способен исправить небрежную и едва вразумительную прозу, характерную для его вида разумных существ, создав произведение, включающее и превосходящее тончайшие достоинства нашей литературы. Он отказался предоставить свою работу для предварительного ознакомления, сообщив, что сможет прочесть ее целиком только сегодня. Если, подобно мне, вы сомневаетесь, что его заявление может быть чем угодно, кроме доказательства его неадекватности, вызванной самообманом, то можете поприветствовать заявившегося сюда безумца, оказав ему столь же теплый прием, какой оказали мне. Коллеги, перед вами Брайан Карлсон.

Снова аплодисменты, снова шипение. Карлсон занял место на кафедре, дождался, пока возбуждение в зале стихнет, и отыскал в

первом ряду самую важную для него пару глаз.

Сандра показала ему два поднятых больших пальца.

Так же поступил и сидящий рядом с ней Эверетт Финн. Его невысокое мнение о Карлсоне не изменилось, однако он знал достаточно, чтобы выступить на стороне его команды, и утром пожелал Карлсону удачи, с легкой завистью сказал: «Все в твоих руках, Брайан».

Карлсон улыбнулся им, делаясь абсолютной уверенностью, которую испытывал в тот момент, затем изобразил на лице академическую серьезность и начал:

- Добрый вечер всем. Мое имя Брайан Карлсон. Сегодня я здесь, так как считаю, что написал произведение, которое объединяет энергичную повествовательную мощь лучшей человеческой прозы со всеохватывающей детализацией самых ярких произведений чи. Произведение, косвенно описывающее самые яркие черты целого воображаемого мира, от малейшей травинки до зазубренных вершин самых могучих, увенчанных снегом гор. Это мир, изображенный не менее достоверно, чем в таких главнейших произведениях чи, как «Булыжник», «Спящий гриб» и «Желудочное расстройство», и одновременно наполненный драмой и конфликтами на уровне величайших работ, стоящих на книжных полках Гом сап: это книга, сокращенная до наиболее существенных фактов, но тем не менее содержащая и все прочие сведения на уровне подтекста и намеков. Я считаю себя полностью вправе поставить репутацию всех лучших достижений моей расы на это важнейшее из когда-либо написанных мною произведений. Оно называется «Камень», и для меня огромная честь впервые представить его вам, уважаемые коллеги!

Он набрал в грудь побольше воздуха, позволил тишине копиться, копиться, копиться, затем положил перед собой рукопись.

- «Камень». Автор Брайан Т. Карлсон.

Он выдержал паузу.

- Камень, - повторил он и опять сделал паузу, представляя все вероятности, заложенные в этот печальный момент тишины, - лежал в грязи под тусклым сумеречным небом.

Пауза, пауза, пауза.

Карлсон глубоко вдохнул и добавил:

- Конец.

Затем сошел с кафедры и поклонился, дожидаясь неотвратимой волны неверия и негодования.

Она не заставила себя ждать. Аудитория мгновенно взорвалась - благоговейными возгласами людей и беспомощным изумлением чи. Один из академиков на сцене поперхнулся от ярости. Второй столь резко дернулся назад, что ударился затылком о задник сцены. Не готовые к внезапности такой реакции, они пронзили взглядами друг друга, потом Карлсона, потом слушателей, лишь после этого пришли в

себя и начали обстреливать его вопросами.

- Что?
- И это все?
- Это все произведение?
- Это шутка?
- Ты не сошел с ума, человек?
- На какой планете это происходит?
- Она обитаемая?
- Там есть цивилизация?
- Какой там средний годовой уровень осадков?
- Это большой камень или маленький?
- Сколько граммов?
- Это порода вулканическая, осадочная или минеральная?
- На нем есть муравьи?
- Сколько муравьев?
- Каков точный химический состав грязи?
- Какова ее глубина?
- Вода пригодна для питья?
- Вы не ответили на вопрос о муравьях!

И так далее, и так далее - мощный ураган гневных вопросов, окатывающий склоненные плечи Карлсона со всей силой весеннего дождя.

Зная, что его противники уже видят на горизонте свою, победу, хотя он может завладеть призом, когда только пожелает, Карлсон наслаждался моментом, думая о том, что его коллеги должны были сделать то же самое, причем сразу, как только поняли, в какую ловушку угодили. Ведь нет сомнений: рассказчики прибегали к этой уловке еще с того дня, когда первый пещерный человек рассказал первый анекдот про охоту на мамонта возле первого костра, и с тех пор писатели использовали тот же трюк на академических конференциях. Для некоторых он даже стал основой их карьеры. И он должен был стать таким же очевидным для всех, кто застрял на планете чи. Но вместо этого Сандра и другие повели себя как писатели, противостоящие другим писателям, и ни разу не подумали о том, что истинное избавление от их горестей и проблем возможно с помощью традиционного выхода, столь любимого прозаиками, которым противостоят академики и критики.

А решение действительно было простым. К концу этого дня Гарх и остальные чи будут состязаться друг с другом, отвечая на те самые вопросы, которые они сейчас задают ему.

Довольный и уже празднующий в душе победу, он ждал, пока вес всех этих неотвеченных вопросов достигнет критической массы.

И тогда он сделал победный выстрел.

Повернувшись к академикам на сцене, он изобразил крайнее

изумление и спросил:

- Так вы хотите сказать, что вы этого НЕ ЗНАЕТЕ?

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ

© Adam-Troy Castro. Among the Tchi. 2009. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2009 году.

О ДИВНЫЙ СТАРЫЙ МИР...

Кормак МАККАРТИ. ДОРОГА. Азбука-Классика

Кормак Маккарти один из самых именитых писателей современной Америки. Его романы последних десятилетий непременно становились событиями в 'литературном мире. Вот и новая книга культового автора «Дорога» стремительно завоевала статус бестселлера, была экранизирована и отмечена престижной Пулитцеровской премией и менее известной, но столь же престижной Мемориальной премией Джеймса Тэйта Блэка. Между тем действие книги происходит в антураже, хорошо знакомом каждому любителю фантастики: мир после глобальной катастрофы, уничтожившей цивилизацию.

Маккарти - писатель популярный, но к тому же элитарный. Не случайно же первой экранизацией его произведений стал оscarоносный фильм «Старикам тут не место», поставленный записными голливудскими интеллектуалами братьями Джоэлем и Этаном Кознами по одноименной книге Маккарти.

А вот сюжет «Дороги» прост. Даже вызывающе прост. Медленно умирающий мир. Двое, отец и сын, путешествуют по дорогам Америки.

Они направляются к югу - туда, где тепло. Их бесконечно долгие дни складываются из движения, поиска пищи, обустройства ночлега и попыток скрыться от своих уцелевших соотечественников. Последние всегда опасны. В мире после катастрофы человек человеку - волк. Канныбализм, убийства, поедание младенцев являются неотъемлемой частью романной действительности.

К слову, если бы книга вышла в свет во время существования Советского Союза, роман с большой долей вероятности был бы переведен на русский - в качестве образцового произведения, изобличающего ужасы капиталистического мира.

Скупая сюжетная канва возвращает важность самым повседневным вещам. Так, ремонт магазинной тележки, в которой путники везут свои скромные пожитки, становится делом жизненной важности, обычная зажигалка гарантирует тепло и ночной покой, а чудом сохранившаяся банка колы является едва ли не магическим артефактом ушедшего мира.

Маккарти, посвятивший книгу своему сыну, беспристрастно фиксирует события семейной хроники выживания. Повествование, освобожденное не только от длинных описаний и чрезмерных подробностей, но и от авторских комментариев и оценки происходящего, становится своего рода магнитом для смыслов, которые «вчитывает» в текст сам читатель - сообразно своему жизненному опыту и культурному багажу. И все же в трогательной истории отца и сына постепенно проступают более древние паттерны.

Ключ к пониманию происходящего - во взаимоотношениях двух главных героев, их реакциях и действиях.

Для отца движение становится самоцелью. Оно умиряет его тягу к смерти, позволяет продержаться еще немного, день за днем защищая и оберегая сына, позволяя тому вырасти и повзрослеть. По мере продвижения сюжета он все более проявляет качества, облегчающие выживание в этом мире: от эгоизма (оставляет без помощи людей, предназначенных каннибалами в пищу) до жестокости (обрекает на скорую смерть обобрававшего их вора). Такова цена, которую он обречен платить, чтобы сохранить жизнь себе и своему сыну.

Отец истово озабочен проблемой выживания. Но мальчика интересует сама жизнь. Сын милосерднее и добрее отца. С присущим детству любопытством воспринимает он происходящее, ищет общества людей и товарищей по играм, готов накормить случайно встреченного по пути старика. Все явственнее становится неизбежность его избавления от назойливой опеки отца и их будущего противостояния. И также неизбежно, что спустя годы сын обнаружит в себе отцовские черты, казалось бы, не прижившиеся, растворившиеся в прошлом.

Таков закон жизни. Величественная драма, повторяющаяся из

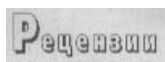
поколения в поколение, снова и снова.

Однако действие этого закона не ограничивается историей семьи, бредущей по исчезающим лесам и покрытым пеплом дорогам Америки. Чей-то финал - это всегда чье-то начало, и совсем неспроста упоминается о том, что мальчик не видел и не знал прежнего мира. Он родился уже на его исходе.

Нарисованные автором картины жестоки и депрессивны (об этом стоит знать особо впечатлительным читателям). Даже деструктивны: по отношению к старому - нашему миру.

В то же время перед нами описание рождения нового мира, в муках появляющегося на свет среди обломков и руин старого. Читатель - и, должно быть, сам автор - еще не знает, каким будет этот новый жестокий мир. Но хочется верить, в этом мире все же найдется место и человеку, и человечности.

Сергей МАКСИМОВ

Джеффри ФОРД
ДЕВОЧКА В СТЕКЛЕ

Москва - СПб: Эксмо - Домино, 2010. - 432 с.

Пер. с англ. Г. Крылова

(Серия «Мона Лиза»).

4000 экз.

Джеффри Форд, шестикратный обладатель World Fantasy Award в разных номинациях, уже вполне может считаться одним из лидеров англоязычной городской фэнтези. В России Форд тоже хорошо известен. На русском языке, помимо опубликованных в «Если» рассказов, вышло и большинство романов писателя.

Роман «Девочка в стекле» издан в той же серии «Мона Лиза», что и вышедший немногим ранее «Портрет миссис Шарбук». Следует, однако, сказать сразу, что едва ли этот текст, сознательно написанный в стиле классического детектива, может быть отнесен к разряду «женской прозы» или дамского романа. Время действия выбрано тоже вполне в духе *hardboiled detective* - Великая Депрессия, то есть та самая эпоха подвигов всевозможных «сыщиков Марлоу». Герой занимается своим делом, ничего необычного не ожидает - и вдруг узнает о страшном преступлении, которое вынужден расследовать. Все так, да вот только занятие героев - спиритизм (правда, фальшивый), а

источник первой информации о преступлении вполне сверхъестественный (по-настоящему).

Форд вновь творит на стыке жанров, связывая мистическую и обыденную реальности, сознательно цитируя и слова, и темы многочисленных предшественников. При желании можно увидеть в романе мотивы не только детектива и фэнтези, но и приключенческой «городской истории» в стиле комиксов 1930-1940-х, и научной фантастики. Трудно сказать, насколько Форд в этом цитировании искренен, а насколько ироничен. Но венчает строение едва ли не политический памфлет, причем на модно рискованную ныне тему «американская олигархия и нацизм» - и тут Форд, похоже, не только искренен, но даже пафосен.

Книга, несомненно, нуждается в комментариях для отечественного читателя - задача, отчасти решенная в российском издании.

Сергей Алексеев

**Эрик Ван ЛАСТБАДЕР
ЗАВЕТ**

Москва: АСТ, 2010. - 672 с.

Пер. с англ. И.Зароченцевой.

4000 экз.

Криптоистория - жанр, не обойденный читательским вниманием. За примерами далеко ходить не надо. Взять хотя бы Дэна Брауна с его «Кодом да Винчи» или оба фильма «Сокровище нации» Джона Тартелтауба. Рецепт успеха кажется весьма простой. Древняя тайна, неугомонный искатель-интеллектуал, яркая напарница и группа влиятельных врагов - безотказная формула успеха. Опытный писатель Эрик Ван Ластбадер не мог пройти мимо столь популярной и простой схемы. Соблазнился лаврами Брауна... и с треском провалился.

В «Завете» плохо все - от набившего оскомину скучного сюжета без изюминки до неряшливого, тяжелого языка. Перевод не скрасил книгу, но лишь подчеркнул ее недостатки. «Освежил» и без того слабый текст словами-паразитами вкупе с бесчисленными деепричастными оборотами.

Согласитесь, не часто можно встретить роман, в котором описание погони вызывает зевоту. С логикой у автора также возникают затруднения. Он явно плохо представляет себе, сколько весит взрослый мужчина, а также, что происходит с человеком, когда ему в руку попадает арбалетный болт.

Опыт написания книг в жанре фэнтези сослужил писателю плохую службу. Персонажи романа ведут себя до смешного неестественно. В

их действиях появился бы какой-то смысл, кабы сюжет развивался в мире меча и магии, однако в современном мире они напоминают бездарных актеров, сбежавших из дешевого театра. Секретная организация на базе Ватикана кажется карикатурой на все известные тайные общества. Образ главного героя схематичен и опять же грубо скопирован с многочисленных литературных прототипов.

Качество издания гармонично дополняет общий нелицеприятный образ. Перед нами тот редкий случай, когда книге можно смело и без всякой жалости поставить большой жирный кол. Печально, что известный автор и журналист опустился до подобного литературного ширпотреба.

Николай Калиниченко

ЦВЕТНАЯ НОЧЬ.

Сборник

Рига: Снежный ком, 2010. -528 с

(Серия «Фантастика»).

2000 экз.

«Цветная ночь» собрала молодые имена, представителей «Седьмой волны». Среди них есть авторы малоизвестные, есть и давно состоявшиеся, знакомые широкому читателю. К числу последних можно отнести Ивана Наумова. В его рассказе «Силой и лаской» фантастический антураж - нанотехнологии, космические грузоперевозки - служит в качестве предлога для разговора «о странностях любви». Автор задается вопросом: имеет ли право на любовь человек, чьи душа и интеллект обращены к небу, человек, у которого практически нет возможности ответить с той же силой чувств?

Этот рассказ можно было бы назвать лучшим, если бы в сборнике не было трех других, равноценных ему. Прежде всего, надо назвать рассказ Анны Семироль «Мари». Он с удивительной точностью укладывается в жанр авторской сказки и даже может служить своего рода образцом: основной художественный смысл, антураж, психология и лексика персонажей - все приведено в строгое соответствие друг с другом. Хорош рассказ Катерины Довжук «Мадам Шатте выходит замуж» - милая абсурдистская вещица в последнем абзаце буквально переворачивается с головы на ноги, превращаясь в тонко сделанную вариацию мифа о Пигмалионе и Галатее. Точно так же до самого финала балансирует миниатюра Анны Игнатенко «Букет для убийцы», посвященная взрослению. Становясь зрелым, человек «расстреливает детство», чтобы расстаться с его милыми миражами и принять на себя ответственность за себя самого, за близких. Выглядит это порой

страшно. Однако... достойно ли осуждать взрослого человека, с кровью выкарабкивающегося из кокона инфантилизма?

Сборник - ровный. Пять безусловно сильных текстов, один или, может быть, два срыва, прочее - крепкие середняки.

Дмитрий Володихин

Рэй БРЭДБЕРИ

ЛЕТНЕЕ УТРО, ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Москва - СПб: Эксмо - Домино, 2010. - 256 с.

Пер. с англ. Е. Петровой.

(Серия «Интеллектуальный бестселлер»).

10 000 экз.

После публикации в 2006 году повести «Лето, прощай» казалось, что Брэдбери навсегда простился с городком Гринтаун, штат Иллинойс, некогда ставшим ареной действия «Вина из одуванчиков» и «Что-то страшное грядет». Однако в 2008-м в США была издана подборка рассказов, связанных с этим вымышленным городом и с героями предшествующих книг. Среди персонажей сборника можно найти и Дуга Сполдинга, и его брата Тома, их дедушку с бабушкой. Некоторые из рассказов были опубликованы в разные годы, другие - прежде не издавались никогда. Любопытно, что лучше всего запоминаются именно эти тексты. Да и в целом рассказы не составляют единого цикла или тем более связного повествования. Это фрагменты мозаики, позволяющие читателю глубже воспринять психологическую атмосферу Гринтауна.

Самой яркой приметой стиля позднего Брэдбери является сочетание лирического и иронического начал. В «Летнем утре, летней ночи» лирика явно торжествует. В отличие от «Лета, прощай», где все события повести связывало чувство ускользающего времени, неудержимого и неостановимого хода жизни, рассказы нового сборника объединяет тема любви. От самого раннего пробуждения этого чувства во «Все лето в одну ночь» и «Всякое бывает» до его закатной вариации, соединяющей стариков, находящихся близ последнего порога в «Туда и обратно».

Перелистнув последнюю страницу сборника, читатель может риторически спросить: «А где же в рассказах фантастика?». Ее там действительно почти нет. Она растворена в атмосфере текстов, создавая легкую ауру нереальности вокруг всего, происходящего в «Летнем утре, летней ночи». Перед нами именно та форма фантастического, которую так полюбили первые читатели «Вина из одуванчиков». Ее легкое присутствие - отличительный знак творчества

великого американского писателя.

Игорь Гонтов

Юрий БУРНОСОВ

РЕВОЛЮЦИЯ. Кн. ПЕРВАЯ: ЯПОНСКИЙ ГОРОДОВОЙ

Москва: АСТ, Популярная литература, 2009. - 256 с.

(Серия «Этногенез»)

70 000 экз.

Настоящий приключенческий роман сегодня большая редкость. Автор, избравших это направление, можно по пальцам пересчитать. Тем приятнее встретить книгу, в которой НФ и приключенческая составляющие образуют вполне гармоничный союз.

В качестве отправной точки для исторической и событийной трассы избрано посещение цесаревичем Николаем загадочной земли Ямато. Автор, оперирующий такими тонкими понятиями, как предопределение, протягивает цепь взаимосвязей между неприятным происшествием, постигшим будущего императора в Стране восходящего солнца и драматическими событиями, потрясшими Россию в начале XX века.

В полном соответствии с идеей проекта силам будущего пассионарного толчка способствуют таинственные фигурки животных. На сей раз это сверчок и скорпион. Неявное противодействие двух насекомых обуславливает индукцию центральных сюжетных линий. На одной дороге стоит бывший японский городской Цуда Сандзо, ведущий незримую войну с далекой Россией, на другой - русский поэт и путешественник Николай Гумилёв. Герои действуют независимо друг от друга и совершенно по-разному. Гумилёв - самостоятельный, волевой и смелый человек, эдакий русский Индиана Джонс. Цуда Сандзо, напротив, похож на пущенную в цель стрелу, послушное орудие в руках неведомых сил. Вместе с тем складывается ощущение, что и поэт, и бывший полицейский обслуживают один и тот же великий механизм, действие которого способствует осуществлению глобальных исторических процессов.

Что ж, альтернативно-историческая игра для Бурносова не внове (вспомним хотя бы его роман «Чудовищ нет»). Будем надеяться, что хороший литературный темп, взятый писателем в стартовой книге нового цикла, сохранится в последующих частях.

Николай Калиниченко

Чальз СТРОСС
ТАЙНАЯ СЕМЬЯ

Москва: АСТ, 2010. - 347 с.

Пер. с англ. О. Колесникова

4000 экз.

Британский фантаст Чарльз Стросс, до этого известный российским читателям по рассказам и двум космическим операм из цикла «Небо сингулярности», после публикации на русском языке романа «Семейное дело» предстал в совершенно иной ипостаси. Здесь он продемонстрировал дар сочинителя авантюрных фантастических историй, основанных на запутанной и мелодраматичной интриге.

Роман рассказывал о группе людей, связанных родственными узами и способных путешествовать между двумя параллельными мирами - нашим и «соседним», застрявшим в вечном средневековье.

Во второй книге цикла «Торговые короли» Стросс попытался усложнить схему фантастического детектива, отработанного в первом романе. Сделал он это, введя в картину смоделированной Вселенной еще один параллельный мир, куда попадает Мириам. Только теперь это уже не просто царство средневековой дикости, а некая альтернативная реальность, в которой не случилось ни Войны за независимость американских колоний, ни Великой французской революции. Поэтому прогресс здесь сильно замедлился, а нынешние США - всего лишь часть обширных владений его королевского величества Джона Четвертого, короля Новой Британии и доминионов. Пережив ряд приключений в новой реальности, Мириам узнала одну шокирующую тайну, касающуюся ее прошлого и происхождения...

Роман не лишен недостатков, к сожалению, присущих многим произведениям, входящим в обширные НФ-сериалы. Углубиться в повествование, не будучи знакомым с первой книгой, достаточно трудно. И несмотря на то, что роман в определенной степени логически завершен, это завершенность отдельной части цикла, а не цельного произведения. Остается лишь надеяться, что российские издатели намерены ознакомить наших читателей и с остальными книгами серии «Князь торговли», состоящей на настоящий момент уже из четырех романов.

Глеб Елисеев

ЧТЕНИЕ - НЕ ИГРА!

Книги на основе компьютерных игр - явление, распространенное на Западе, - в нашей стране прижились далеко не сразу. Однако

сейчас это достаточно заметный сегмент книжного рынка. Вопрос постоянного автора журнала, критика и писателя Николая Калиниченко звучал так: «Последнее время в России приобрели популярность серии книг по мотивам компьютерных игр. Какое влияние оказывает эта разновидность литературы на эволюцию отечественной фантастики?».

Ответы распределились следующим образом:

Никакого; подобная литература представляет интерес исключительно для фанатов компьютерных игр - 47%;

Это явление способствует деградации фантастической литературы - 26%;

Не знал, что существуют такие серии - 5%;

Такие книги позволяют молодым авторам заявить о себе - 15%;

А мне эти книги нравятся - 7%.

Всего в голосовании приняли участие 580 человек.

Отрадно видеть, что большинство проголосовавших относится к людям основательным. Они не питают иллюзий по поводу художественных достоинств новеллизаций компьютерных игр. Перед нами читатели, приобщившиеся к сокровищнице мировой фантастики. Китчевые и откровенно коммерческие проекты не привлекают этих настоящих ценителей литературы непознанного.

Действительно, покупая книги по мотивам, фанфики и прочие работы, интерпретирующие некий первоисточник, мы должны помнить о неизбежной вторичности данного культурного продукта. Паразитируя на исходном произведении, автор заведомо загоняет себя в рамки. Наступая на горло собственному воображению, он идет по пути наименьшего сопротивления и, конечно, проигрывает в сравнении с тем, кто творит оригинальные миры.

В то же время выделять игровую фантастику в отдельную узкоспециализированную формацию было бы не совсем верно. Основной целевой аудиторией для писателей-фантастов всегда являлись подростки и молодые люди. В ту же мишень метят и создатели литературно-игровых проектов. Причем схема «игра-книга» более привлекательна для молодежи, поскольку эффект воздействия на аудиторию удваивается. Этого нельзя утверждать наверняка, но очень возможно, что в будущем значение игровых новеллизаций для фантастики существенно возрастет.

«Это явление способствует деградации фантастической литературы» - еще более категоричны читатели, занявшие по сумме ответов второе место. Такая опасность на самом деле существует. Специфика игровой литературы такова, что авторам не нужно обладать сколько-нибудь серьезными профессиональными навыками, чтобы испечь очередной роман. Достаточно знать выбранную игру и уметь быстро печатать.

Дело в том, что человек, купивший такую книгу, уже «инфицирован» миром игры. Его мозг аккуратно промыт и тщательно настроен на нужную волну. Скажете ему «орк» - и он узрит орка. Такого, как надо, гарантированно, со всеми подробностями. Скажете «эльф» - и перед его внутренним взором мгновенно предстанет указанный персонаж. Просто, быстро, удобно. Слово-ссылка - и незамедлительно картинка, звук, история.

Вместе с понижением планки качества текстов деградирует и вкус потребителей. Они считают, что, мол, так и надо. Бедный, упрощенный язык, картонные образы персонажей и жалкий намек на сюжет - бледная тень настоящего романа.

Однако все не так страшно, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что уже сейчас, привлеченные высокими гонорарами, в игровую литературу потянулись известные авторы. Пишут они в основном под псевдонимами, и в этом случае за них говорит исключительно текст. Чем же отличается сильный текст от слабого? Прежде всего, своей магической увлекательностью. Даже создавая коммерческую литературу, профессионал никогда не опустится до откровенной халтуры.

Довольно внушительный процент читателей считает, что новеллизации позволяют молодым авторам заявить о себе. Это не совсем так. Как уже говорилось, хорошо оплачиваемые игровые проекты вызвали приток профессиональных литераторов. Конкурировать с ними молодому безвестному автору нелегко.

Кроме того, писатель, начинающий свой творческий путь с игрового проекта, должен иметь в виду, что за внешней простотой скрывается большая опасность. Приступив к новеллизации игры, ты словно попадаешь в зону с низкой гравитацией. Все легко, все как будто доступно. Кажется, вот сейчас прыгнешь - и дотянешься до звезд. Только прыгнуть как раз и не дадут. Коммерческий проект подразумевает ряд правил и усредняющих условий. Роман, серьезно выделяющийся из общей массы, снижает популярность прочих книг серии, а это попросту невыгодно. Амбициозный молодой автор от такой «заботы» рано или поздно взбунтуется и, конечно, пойдет искать, где воли больше. Вот только пока он игровые романы писал - отвык от серьезной критики. И конкуренции с теми, кто через эту критику прошел, уже не выдерживает, невзирая на десяток написанных романов и массу геймеров-поклонников. Да и отношение коллег по цеху к товарищам, сделавшим себе имя подобным способом, мягко говоря, холодное. Бывают, конечно, исключения. Маргарет Уэйс и Трейси Хикмен или Роберт Сальваторре, например. Но это все за рубежом. У нас же состоявшийся автор, как правило, стесняется писать игровые романы под собственным именем. И правильно делает. Нет в этом ни славы, ни радости, ни самовыражения. Только деньги.

Четвертое место с очень небольшим числом поклонников занял вариант «А мне эти книги нравятся». Ну что здесь скажешь? О вкусах не спорят. В сущности, игровые новеллизации мало чем отличаются от обычной коммерческой многосерийной фантастики. Эта разновидность литературы давно обрела свою аудиторию.

Меньшинство респондентов проголосовало за пункт «Не знал, что существуют такие серии». Литературные интересы данной группы ограничиваются, как видно, одной лишь классикой. В этом, впрочем, нет ничего плохого. Чтение классики облагораживает душу. На полки со свежими книгами такие читатели, вероятно, предпочитают не глядеть. И в самом деле, зачем? Надо сказать, что подобная позиция наиболее устойчива. Никакие потрясения ее адептов не коснутся.

Итак, о чем же говорят результаты голосования? Прежде всего о том, что проблема, без сомнения, существует. Отношение большинства участников опроса к новеллизациям компьютерных игр колеблется от пренебрежительно-равнодушного, до откровенно негативного. Сравнительно небольшая группа считает новую разновидность фантастической литературы полезной, и лишь единицы получают от нее удовольствие.

Отчего же книги по мотивам игр продолжают выходить с такой завидной регулярностью? Ответ прост. Существует немало людей, которые ничего, кроме игровой литературы, не знали и знать не хотят. Именно такие убежденные последователи схемы play & read и создают главную опасность истощения фантастики. Чтобы расширить фанатский кругозор, необходимо вести подрывную работу непосредственно на территории «противника». Разлагать изнутри. Вот для этого в литературно-игровых «затях» и должны участвовать писатели экстра-класса. Вместе с тем необходимо повышать коммерческую привлекательность неигровой фантастики. Одним из самых действенных приемов в данном случае являются профессиональные межавторские проекты, выходящие в бумажном и цифровом форматах, сопровождаемые массивным рекламным ударом. Такая работа уже ведется и, надеюсь, в скором времени принесет плоды. Нам же остается то, что мы умеем делать лучше всего - с удовольствием читать фантастику.

Николай КАЛИНИЧЕНКО

НАНОФАНТАСТИКА

Эрнест Хемингуэй однажды написал рассказ всего из шести слов: «Продаются детские пинетки. Абсолютно не ношенные» - и назвал

его своим лучшим произведением. В развитие идеи классика американский НФ-журнал «Wired» недавно предложил известным писателям (в основном из числа работающих в жанре научной фантастики) сочинить вещицы такого же размера. Такие сверхкороткие опусы даже язык не поворачивается назвать микрофантастикой - скорее, в духе реалий нашего времени, это нанофантастика! Вот некоторые наиболее удачные образцы творений в «хемингуэвском» формате: всего шесть слов - разумеется, без учета знаков препинания (но с предлогами и союзами!).

Брюс Стерлинг:

Остаться человеком нынче стало слишком дорого.

Бен Бова:

Он опять умер, чтобы спасти человечество.

Грегори Магуайр:

В начале было Слово. Английское: «Word».

Дэвид Брин:

Космическая катастрофа. Разные орбиты. «Прощай, любимая!».
Взрыв произошел, но не Большой. Перезагрузка!

Вернор Виндж:

Эпитафия: «Человечество, вовремя не покинувшее Землю».

Стивен Бакстер:

- Я - твоё будущее, дитя. Не плачь!

Орсон Скотт Кард:

Анализ крови ребенка: в основном человеческая.

Гарри Гаррисон:

- МАШИНА ВРЕМЕНИ - В БУДУЩЕМ!!!.. Никого нет...

Роберт Джордан:

- Рай проигрывает Аду - смотрите вечерний выпуск!..

Уильям Гибсон:

Глобальное изменение климата: Преисподняя покрыта льдом!

Пол ди Филиппе:

Жена мужу: «Твоя трансгенная любовница - корова!».

Марк Миллар:

Женщина с разбитым сердцем ищет донора.

Грег Бир:

Новые гены требуют самовыражения - третьего глаза.

Марк Лейдлоу:

- Помогите, я заблудился в виртуальной реальности!

Нил Гейман:

- Я умер. Скучаю по тебе. Поцелуемся?

Грегори Магуайр:

В сгоревших небоскребах люди отрасли крылья.

Как известно, заразителен не только дурной пример, но и хороший. И поэтому затею американского журнала подхватили писатели и фэны из разных стран, опубликовавшие множество шестисловных (и даже пятисловных) «произведений» в своих интернет-блогах. Вот некоторые примеры, позволяющие составить представление о диапазоне средств и способах решения фантастами этой нетривиальной творческой задачи.

Жоау Вентура (Бразилия):

Этим утром он опять забыл проснуться.

Конец света? Да это уже было!..

Луиш Филипе Силва (Португалия):

- Кнопка самоуничтожения? Вот она! А зачем?..

Стивен Мерецки (США):

Машина времени опять требует код доступа...

Октавио Пас (Мексика):

- Оставь в покое этот изотоп, иначе...

В конце тоже остается Слово: КОНЕЦ!

Риналдо Папой (Бразилия):

Вчера он сменил работу, сегодня - пол.

Продается галактика. Дешево. Межзвездный газ прилагается.

Гомо: «В следующей инкарнации стану сапиенсом!».

Семья нищих продает всё своё имущество.

Гравитация - это всего лишь сверхзвуковая волна.

Серхио Гаут вель Артман (Аргентина):

- Официант! Мясо гуманоидов опять плохо прожарено!
- ФБР? За мной гонится сумасшедший андроид!
- Это же просто манекен, глупый вампир!

Ланика Мун (Бразилия):

Темнота. «Я умер?» Свет. «Родился мальчик!»

Изобретен автоответчик с функцией цензуры речи.

Вальдирди Медори (Чили):

Мазохист:

- Бей, говорю!

Садист:

- Не буду!..

Шейро де Жасмин (Португалия):

Срок годности эликсира вечной молодости - год.

Искусственная женщина долго искала настоящего мужчину...

София Фелизардо (Португалия):

Ищу бессмертного для совместной вечной жизни.

Однажды ночью грабитель похитил мое сердце.

Жозе Мознето (Португалия):

Родился, жил, скончался. Воскреснув, совершил самоубийство.

Алесандро Рейфффер (Испания):

Женщина с крыльями: ангел? Гены курицы?

Эйлин Ганн:

- Компьютер, мы взяли батарейки? Что молчишь?

**Перевел с английского, испанского и португальского
Владимир Ильин**

**журнал
АНТИКВАРИАТ
ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ**
Ваш гид по рынку
Достоверная информация и реальные цены

Подписка:

- по каталогу 000 «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) - индекс 99438;
 - по каталогу «Пресса России» - индекс 45720;
 - в отделе распространения, тел.: (499) 248-7408, факс: (499)248-3811.
- Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9
Тел.: (499) 248-0576 (редакция), тел.: (499) 248-7408, (495) 585-7316 (отдел распространения), www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция), sales@lubkniga.ru (отдел распространения).

УТОЛЕНИЕ ЖАЖДЫ

Ярослав ВЕРОВ, Игорь МИНАКОВ

На атеистический и даже богоборческий характер научной

фантастики указывали многие критики и исследователи. А вот два писателя в новом эссе предлагают взглянуть на это с иной стороны: НФ как своеобразная конфессия.

Феномен фантастики - существует ли он? Или фантастика всего лишь одно из многочисленных литературных течений, которому, конечно, присущи свои специфические черты, но принципиально ничем не отличающееся от того же детектива или приключенческого романа? Этот вопрос занимает нас давно.

Пора бы разобраться.

У фантастики есть странное «сопутствующее явление» фэндом. Вот уж чего у поклонников других жанров днем с огнем не сыщешь! Почему читатели и творцы фантастики образуют сплоченное, не убоимся этого слова, братство, а поклонники детектива, любительницы дамских романов или почитатели мейнстрима - нет? Почему проводятся конвенты, на которых «нет ни эллина, ни иудея», то бишь ни издателя, ни писателя, ни критика, ни простого фэна, где все равны и каждый может свободно и равно общаться с каждым: начинающий автор с редактором издательства, восторженный поклонник с признанным мэтром?

Это не может быть случайным совпадением.

Что же такого есть в фантастике, чего нет в других литературных «цехах»? Ответ столь же очевиден, сколь и банален - элемент чуда! Неважно, к какому из поджанров относится произведение: к НФ, фэнтези или городской сказке - неотъемлемым свойством этого произведения будет именно чудо. При этом автор вполне может обойтись без тайны и достоверности, двух других составляющих знаменитой «стругацковской триады», а вот без чуда - никак. Но ведь вера в чудо - это еще и неотъемлемое свойство религиозного мировоззрения.

Впрочем, мышление человека вообще религиозно - по крайней мере, в том смысле, что люди создают множество культов вокруг чего угодно. И литература обслуживает это множество культов, посвященных делам обыденным, самым житейским. В центре культа может оказаться что угодно: деньги, секс, склонность к насилию, избавление от фобий, любовь к деликатесам... Да практически все, что нас окружает! В подобной литературе тоже есть место чуду. В детективе, скажем, это эффектное раскрытие казалось бы нераскрываемого убийства.

Однако фантастика выводит чудо за пределы круга обыденных вещей. Ибо здесь Чудо с большой буквы - образующее целый мир чудес. И в этом перпендикулярном смысловом пространстве человеческая мысль удивительным образом не теряет опоры и предмета созерцания. Потому что именно здесь, вне обыденности

человеческого бытия, она может сосредоточиться на главном, на смысле жизни. Смысл человеческой жизни оказывается настолько же чудесным, насколько и многогранным.

Фантастика, впрочем, исследует еще и деструктивные смыслы (антиутопии), и внечеловеческие (истории про роботов и инопланетян), и смыслы той или иной меры притягательности. Основной вопрос, который ставит НФ: что есть человек? Но на этот вопрос нанизаны «бонусы»: а что он не есть, чем он не должен быть или, если бы он был тем-то, то что? У нас подсознательные установки - кто мы, зачем живем и как жить невозможно. А в фантастике эти установки вдруг снимаются, все выворачивается. И это тоже кажется чудом.

Выходит, фантастика не столько вид литературы, сколько религия? Будем осторожны с определениями. Разумеется, не религия, а некое массовое явление, обладающее некоторыми признаками религии. И одним из этих признаков следует считать наличие фэндома. Посмотрим на него с этой точки зрения. Самым простым было бы считать фэндом некоей «церковью», но ведь церковь опирается на определенную традицию и канон, а где они у фэндома?

Традиций много, порой забавных, порой даже шокирующих обывателя, но вот канона нет. Нет текстов, которые всеми без исключения фэнами считались бы священными, нет непререкаемых авторитетов. А что есть? Есть общая, иногда доходящая до самозабвения, любовь к фантастике, которая и утоляет ту самую жажду чуда. И есть некое подобие религиозного ордена со своими магистрами, воинами и послушниками.

Итак, квазирелигия Фантастика породила квазирелигиозный орден Фэндом. Есть коллективные «радения» - конвенты. Есть «религиозные войны» - непрекращающееся противостояние фантастов и так называемых представителей «боллитры». Есть «богословские диспуты» - споры о природе, направлениях и перспективах фантастики.

* * *

Попробуем разобраться с фантастикой как конфессией. С какой из существующих мировых конфессий она наиболее сходна? Рискнем предположить, что с христианством.

Факт, что фантастика как явление зародилась именно в христианском мире, - очевиден, однако требует дополнительного осмысления. Предтечей современной НФ справедливо считают романтизм, явившийся реакцией на эпоху Просвещения. Далее, в XIX веке, набрал силу научно-технический прогресс, а позитивистское мировоззрение, если и не овладело массами, то уж, во всяком случае, нанесло серьезный ущерб мировоззрению религиозному. Особенно на Западе.

Не будет преувеличением сказать, что НФ явилась своего рода оправданием позитивизма - нового взгляда на мир, отрицающего любую метафизику, опирающегося только на опыт, на эволюционную теорию, следовательно, выносящего любые высшие силы куда-то за скобки.

В самом деле, перечислим круг тем и вопросов, на которые пытается дать ответы фантастика - в лучших, «предельных» образцах.

Происхождение Вселенной, ее развитие и конец. Происхождение человека. Одиноки ли мы во Вселенной? Конец истории - будет ли он, если да - то каким? Гибель разумной жизни - неизбежна ли она, если да, то как это случится. Допустимость вмешательства в природу человека. Антиутопия как царство Абсолютного Зла. Утопия как царство Справедливости.

Господа, но ведь и христианство дает ответы на те же вопросы! Если же говорить о методе, то «стругацковскую триаду» легко можно обнаружить в... Евангелиях.

Параллели очевидны. Если же вспомнить, что в большинстве своем фантасты (во всяком случае старшего поколения) - атеисты или же агностики, картина становится завершенной. В самом деле, во всех нас с детства живет жажда чуда и вера в чудо. Все мы боимся смерти и хотели бы узнать, наверняка узнать - есть ли что-нибудь ТАМ? Все мы хотим заглянуть в будущее, всем нам «интересно, черт возьми, что будет после нас с людьми»... Мы так устроены. К добру ли, к худу, но мы так устроены.

Религия дает свои ответы на вопросы. Фантастика - свои. Особенно фантастика научная. В этом смысле любая масштабная НФ по-своему теологична. Ибо что такое НФ с точки зрения религиозного сознания? Богостроительство или богоискательство. Ибо, будучи атеистами и агностиками, фантасты все-таки остаются людьми, а людям свойственно искать Бога. И во многих НФ-текстах сквозит: «Если бога нет, то его следовало бы придумать».

* * *

Если основы фантастики - в христианстве, а сама она - суррогат религии, немедленно возникает соблазн сопоставить, с этой точки зрения, фантастику западную и нашу. Потому как западно- и восточнохристианская традиции и, соответственно, мировоззрения, которые неизбежно наследуются даже ярыми атеистами, различаются весьма радикально.

Начнем с фантастики западной. У протестантской этики есть ряд весьма странных для христианства моментов: Бог любит успешных; богатство и сила - мерило богоизбранности; а бедность и слабость -

грех. Соответственно, умение торговать (включая ростовщичество, дотоле полагавшееся в христианстве страшным грехом), воевать и подчинять - благо. Все это нашло отражение на страницах американской НФ в полной мере: везде - в Космосе, параллельных и перпендикулярных мирах - успешно торгуют, воюют и колонизируют, попутно решая проблемы туземцев. Зачастую тем же способом, что и в Северной Америке.

Из протестантской этики следует и обожествление техники и технологии: для западного человека научно-технический прогресс - часть экзистенции, таинственное, хоть и рукотворное нечто, овладение которым дарует силу и земное могущество. Но отсюда же парадоксальным образом возникает и трагичность мировосприятия: бренность земного бытия оборачивается злом, успех и деньги на тот свет не заберешь. Причем если конец света и Страшный Суд в православной традиции - событие радостное, возвещающее сотворение Новой Земли и Нового Неба, то для протестанта суд Божий именно что страшный. А вот прогресс ведет к порядку и всемогуществу... Но и приближает последние времена.

Как ни странно, это позволило англо-американским фантастам широко и мощно ставить в своих произведениях вопросы экзистенциальные, затрагивающие глубинные основы человеческого бытия. В своих лучших образцах западная НФ неизменно обращается к темам вечным: например, «Гиперион» Д.Симмонса - масштабная иллюстрация идей Пьера Тейяра де Шардена, помноженная на колоссальную битву с Антихристом - искусственным интеллектом.

Западные научные фантасты смело оперируют религиозными понятиями, символами и аллюзиями. Из недавних примеров можно вспомнить хотя бы роман П.Уоттса «Ложная слепота», по поводу которого критик В.Иванченко точно заметил: «Роман, замаскированный под вязкую, въедливую сайнс фикшн, на самом деле трактует теологические истины... Космосу наша душа не нужна. Она интересна лишь тому, кто нам ее дал. К нему и вернемся».

* * *

Следуя традициям европейского позитивизма, первые русские фантасты видели в будущем рационально устроенное утопическое общество. Но утопии - это не что иное, как секуляризованные представления о Царстве Божием. Воспитанные в православной традиции авторы XIX и начала XX века поневоле вносили в свои утопические построения, казалось бы, чуждые позитивистскому мировоззрению элементы. Жажда чуда требовала утоления, и полноценно утолить ее могли не технические усовершенствования, а

социальные. Социум будущего в идеале должен быть совершенен столь же, как и тысячелетнее Царство Христа, обещанное Откровением Иоанна Богослова.

С первых шагов советской НФ в 1920-е годы тема Апокалипсиса грозно зазвучала со страниц романов. Речь в них шла о гибели старого мира. Отчетливо слышны апокалиптические мотивы в романе Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Авантюрист Гарин, талантливый человек, но движимый низменными страстями, посредством гиперболоида разрушает экономику старого мира, чтобы создать на его руинах собственное царство. Чем Гарин не Антихрист? Недаром в финале мы видим Гарина и его «божественную Зою» на необитаемом острове, от скуки разглядывающих проекты так и непостроенных дворцов. Царство Антихриста рухнуло, а где-то за горизонтом громоздятся неясные пока очертания утопии - Царства Божия на Земле.

Но апокалиптические мотивы не были самоцелью для советских писателей. Крушение старого мира в их творчестве выступало либо фоном для более яркого выражения экзистенции героя, либо прелюдией или даже необходимым условием для становления грядущего Царства. Причем очень часто авторы делали не всегда осознанный выбор между экзистенциальным переживанием героя и внешним деянием. Строить утопию, осваивать космос и одновременно переживать трагичность собственного бытия могли себе позволить лишь очень немногие. Ведь инженеры, ученые, космолетчики - прежде всего, люди дела, им не пристало сокрушаться по поводу того, что человек смертен. Риск профессии! Примирить героиню созидательного труда и научного поиска с рефлексией в одном непротиворечивом образе мало кому удавалось из советских фантастов.

Дело в том, что, уповая на будущее, они невольно адресовали свои построения власти как единственному действенному рычагу переустройства мира. Известно, что Ян Ларри незаконченную сатирическую НФ-повесть «Небесный гость» адресовал не широкой публике, а лично товарищу Сталину, за что и поплатился. Другие писатели, не решаясь на столь радикальный шаг, не могли не взирать с надеждой в сторону Кремля. Но абсолютное доверие к власти лишало писателей возможности глубокого осмысления путей реализации утопии. Социализм, а затем и коммунизм были предрешены, как многие тогда верили, неумолимой логикой исторического прогресса. Точно так же, как было ранее предрешено грядущее Царство Христово в православном сознании русского человека. Космос интеллигенции окончательно замкнулся на государственной власти. Она стала высшей сакральной инстанцией.

Сведенное к научно-техническим новинкам чудо мельчало, но оставалось чудом. Прицел писательской прозорливости просто

сместился на ближние цели. В послевоенный период в море фантастики установился практически мертвый штиль, но это было затишье перед бурей. Ведь появилось новое имя - Иван Ефремов.

* * *

По-видимому, «Туманность Андромеды» не могла возникнуть в иной период, кроме как в хрущевскую оттепель. Время новых, небывалых надежд на построение Царства, время грядущего прорыва в космос. И это было первое за долгий период «фантастического застоя» произведение, в котором мощно зазвучали экзистенциальные мотивы. Возможно даже, помимо воли автора.

Исследователь жанра Всеволод Ревич в свое время провел интересные параллели между «Туманностью...» и уэллсовским романом «Люди как боги». Для нас представляют ценность два его наблюдения: у Ефремова, в отличие от Уэллса, роль религии играет наука. Служение науке - познание. А Роль Высшего Судии, непререкаемого авторитета - Великое Кольцо цивилизаций.

Но не образами людей будущего, не масштабностью картин их жизни, не покорением космоса берет читателя «Туманность...». Хотел того автор или нет, но звенит в романе щемящей нотой тема бренности человеческого существования, ничтожества человека перед лицом Вселенной, достигая предельного накала в финале, в сцене прощания с экипажем «Лебедя». Звездолетчики уходят НАВСЕГДА. И перед этим НАВСЕГДА меркнут все достижения в области звездоплавания. Тем не менее роман оказал необычайное воздействие на умы, ибо, несмотря на литературные недостатки, обладал силой религиозного убеждения.

«Туманность Андромеды» дала мощный толчок развитию всей советской НФ послевоенной поры. Молодые братья Стругацкие яростно взялись разрабатывать все ту же тему Царства Божьего на Земле. «Полдень, XXII век» - это полемика с Ефремовым, но полемика о частностях. Общее сомнению не подвергалось. Советская фантастика в лучших своих образцах оставалась социальной, научной и, разумеется... религиозной.

И что характерно. Те же Стругацкие, обладавшие невероятной писательской интуицией, первыми почувствовали, а затем и осознали, что коммунистический проект Царства нереален, он обречен. Именно тогда они отказались от научной фантастики, ибо только методами науки (Высокая теория воспитания!) предполагалось достичь Царства. Отныне НФ для них стала лишь формой, а в поздних произведениях они пришли даже к мистике.

* * *

В отличие от Третьей волны, волна Четвертая разуверилась в коммунизме гораздо быстрее. Поначалу некоторые ее представители еще верили в Царство, но уже с оттенком обреченности. Мотивы такой обреченной веры звучат в романе Вячеслава Рыбакова «Очаг на башне». Рыбаков расстается с мечтой о грядущем Царстве Справедливости. Следующий его роман, «Гравилет «Цесаревич», открывает целое направление в российской НФ - имперское. И хотя главный герой «Гравилета» полковник госбезопасности князь Трубецкой по партийной принадлежности коммунист, он уже не мечтает о коммунизме, его вполне устраивает монархическое правление.

Отказ от изображения грядущего торжества коммунизма неизбежно повлек за собой отказ от НФ в пользу «смежных дисциплин» - фэнтези и мистики. «Внезапный патриарх отечественной фэнтези» Святослав Логинов считает себя атеистом, но это не помешало ему написать один из лучших в нашей литературе религиозно-мистических романов «Свет в окошке».

Нам представляется, что такое «заигрывание с потусторонним» стало закономерным этапом творческой эволюции представителей Четвертой волны. Отказавшись от единой генеральной линии в описании будущего, писатели последней генерации советских фантастов выбрали «кривые, глухие окольные тропы». Перефразируя известное выражение Достоевского - если коммунизма нет, то все дозволено. Но обостренный интерес к потустороннему - скорее следование западнохристианской традиции, нежели православной. Ведь в православии принято относиться к теме ада и нечистой силы крайне осторожно, дабы не впасть в соблазн.

Удовлетворяли ли мистические мотивы в творчестве представителей Четвертой волны читательскую жажду чуда? Безусловно, хотя это чудо, наверное, со знаком минус. Но они не могли удовлетворить другую читательскую жажду - жажду мира Справедливости. Ведь если космос предыдущих поколений советских фантастов был обращен к власти как к высшей инстанции, то космос Четвертой волны строился на отрицании этой инстанции. Но бесконечно подрывать основы миропорядка нельзя. Поэтому случилось неизбежное - пришло поколение фантастов, которое обратилось к имперскому прошлому России, перенеся его либо в будущее, либо в альтернативную вселенную^{*13}.

¹³ * Не случайно Рыбаков назвал один из своих рассказов «Прощание славянки с мечтой». Кстати, выполнен этот рассказ в жанре пародии, причем на «Туманность Андромеды». (Прим. авт.)

«Будущее принадлежит возрожденной Российской империи» - так можно сформулировать основную идеологему фантастов-имперцев. В каком-то смысле, империя - это новая версия Царства Божьего, тем более что во главе ее стоит Помазанник, но это Царство если и обещает всеобщую справедливость, то только в том понимании, которое устраивает коренную нацию. Все прочие должны либо принять предложенные правила, либо уйти с исторической сцены. Люди имперского «Полдня» ни в коем случае не атеисты, они поголовно многоконфессионально «воцерковленные». «Завоевывая» Галактику, имперцы твердо верят, что Бог есть. Казалось бы, самое время возрадоваться. Наконец-то мы имеем дело не с пережитками православной традиции, а с ней самой в чистом виде! Да вот что-то не хочется. Ну как, скажите, сочетаются Христовы заповеди с гермошлемозакидательской риторикой и реваншистскими доктринами? Даже в романах атеистов Стругацких евангельского духа больше, чем в произведениях иных современных фантастов-имперцев. Во всяком случае, больше человеколюбия.

Увы, следует признать, что даже в самых привлекательных вариантах имперского будущего на порядок меньше чудесного, чем было явлено читателю в советской фантастике. Ведь в Российской империи даже галактического масштаба идут непрерывные войны, совершаются преступления, сохраняется имущественное и социальное неравенство. Авторы-имперцы остаются в плоскости современных представлений о будущем, они, как и их либерально-демократические антиподы, неспособны выстроить евангельскую вертикаль Нового Неба и Новой Земли. Космос русской интеллигенции - на этот раз в лице фантастов-имперцев - снова замкнулся на государственной власти, хоть и на воображаемой.

* * *

Впрочем, в «имперском лагере» оказалась прослойка авторов, увидевших недостаток чудесного в монархическо-утопических произведениях своих коллег и решивших компенсировать его, введя прямое правление евангельского чуда в своих текстах.

В самом деле, если фантастика - квазирелигия, что выйдет, ежели «фантастическим» инструментарием воспользуется для решения своих задач автор действительно верующий, обладающий цельным религиозным мировоззрением?

Получаются странные вещи. И здесь нельзя не вспомнить английского писателя Клайва Льюиса и его трилогию «За пределами безмолвной планеты», «Переландра», «Мерзейшая мощь». Будучи истовым христианином, Льюис страстно желал облечь свой сакральный опыт в

художественную форму и избрал для этого, как ему казалось, беспрюирышный вариант - стремительно набиравший в то время популярность жанр научной фантастики.

И что же? А ничего. В отличие от тех же «Хроник Нарнии», НФ-трилогия не снискала ни славы, ни даже признания любителей НФ. Казалось бы - космические путешествия, иные планеты, таинственный институт на Земле. Интересно же! Но романы словно провалились в пустоту. Состояние, в которое впадает любитель фантастики при чтении подобных текстов, - тягостное недоумение: «Что это было?».

Похожая неудача постигла и современное поколение русских писателей, апологетов так называемой сакральной фантастики (термин критика-фантаста Д.Володихина) - Е.Хаецкую, Д.Володихина, Н.Иртенину и некоторых других авторов, использующих НФ в качестве приема для проповеди христианских ценностей. Ни один из подобных романов не стал заметным событием.

Легко понять почему. Основное, базовое фантдопущение (ФД) подобного текста формулируется следующим образом: Бог есть, и все, что написано в Библии, - истина. Стоп. Ерунда какая-то выходит. Ведь для верующего человека подобное ФД не то чтобы даже кощунственно - оно избыточно! А любителю НФ нужны совсем иные чудеса: пришельцы и сверхцивилизации, супертехнологии и путешествия во времени. Если он не нуждается в теологических последованиях, то возьмет в руки совсем иные книги.

Вот роман Володихина «Команда бесстрашных бойцов». Фантдопущение таково: в результате неких манипуляций часть Преисподней материализовалась в нашем мире. Самые настоящие черти ведут войну с человечеством. Единственное место, где можно спастись - православный монастырь, а самое верное средство одолеть демона - крест-мощевик с частицей православного святого... Господи, зачем все это? Православный заряд автора уходит в песок, ибо любитель фантастики предпочел бы пришельцев или волшебных монстров, да так он все это и воспринимает, он вообще не замечает религиозных параллелей, для него ЭТО ПРОСТО ФЭНТЕЗИ!.. Да и хорошо ли низводить христианские святыни до уровня артефактов боевой магии, словно в дурной компьютерной игрушке?

Нет, подлинной религии явно нечего делать в заменителе религии. И кстати. Мы сказали, что хорошая НФ всегда занимается богостроительством и богоискательством. И какое же богоискательство возможно в религиозной (сакральной) фантастике, где существование Бога уже задано, уже постулировано?

Апологеты сакральной фантастики в конце концов поняли это. И даже спешно сочинили новый термин: христианский реализм. Как говорится в известном анекдоте, надо или крест снять, или штаны надеть...

* * *

Ну, а выводы просты. Фантастика - особый вид литературы, один из способов осмысления действительности, пришедший на смену религиозному мировоззрению или существующий ныне параллельно с ним. И несмотря на фактически официальное признание религиозного чуда в нашей жизни, в чуде, даруемом фантастикой, и, прежде всего, научной фантастикой, нужда отнюдь не пропала. Ведь даже заядлые атеисты и агностики жаждут чуда. И жажда эта должна быть утолена.

Курсор

Фантасмагорию под названием «Арабески» представил зрителям знаменитый московский «Театр на Таганке». Постановщиком необычного действия по мотивам произведений и биографии Гоголя стал Юрий Любимов. В центре сюжета - пражский кабачок, где собрались поговорить о вечном три великих писателя: Николай Васильевич Гоголь, Франц Кафка и Эрнст Теодор Вильгельм Амадей Гофман. Воистину, им есть что обсудить! В спектакле играют Дмитрий Высоцкий, Алексей Грабе, Александр Трофимов.

Продюсеры Гейб и Алан Польски планируют оживить «долгоиграющий» проект по экранизации нашумевшего романа Джонатана Летема «Пистолет с музыкой». Создать адаптацию этой помеси киберпанка с нуар-детективом для киноэкрана поручено сценаристу Хавьеру Родригесу. Действие романа происходит в Сан-Франциско будущего. Частный инквизитор Конрад Меткалф должен расследовать таинственное убийство в декорациях весьма фантасмагорических...

Джеймс Камерон решил податься в писатели. Он не хочет снимать сериал «Аватар»: сценарий второй части уже есть, но максимум, на что готов пойти режиссер, это трилогия. Однако расширить симпатичную вселенную «Аватара» он не прочь. Вот и написал роман-приквел о прошлом персонажей фильма с более полным рассказом о мире, в котором происходят события. Роман должен задать основу всей Аватар-вселенной. Прочитать о земной жизни и военной карьере Джейка Салли, истории школы Грейс, прошлом полковника Куорича и многом другом можно будет в конце года.

Нил Гейман сообщает, что проблемы с экранизацией его

бестселлера «История с кладбищем» (The Graveyard Book), вызванные фактическим банкротством киностудии Miramax, видимо, решены. Новая голливудская студия, согласившаяся принять проект под свое крыло, пока не названа. Напомним, что в центре повествования романа, перекликающегося с кипплинговской «Книгой джунглей», находится мальчик Никт, которого воспитали обитатели кладбища - призраки, вампиры, оборотни. Ранее режиссером намеревался стать знаменитый Нил Джордан, однако сейчас ситуация с постановкой пока не ясна.

Издательство Quirk Books, известное своими переработками романтической классики в чуждые жанры, готовит читателям новый сюрприз. Вслед за романом-бестселлером Сета Грэма-Смита «Гордость и предубеждение и Зомби» и еще одним римейком - книгой Джейн Остин «Чувства и чувствительность и Морские чудища» (все в переложении Бена Уинтерса) издательство решилось «подкопаться» и под русскую классику. Тот же Бен Уинтерс написал роман «Андроид Каренина». Действие происходит в стимпанковских декорациях: паровые машины-андроиды поднимают восстание, и человечество начинает войну против механических созданий. На фоне этих событий происходит известная история страстных отношений Карениной и Вронского.

Большой десант российских писателей, журналистов, артистов, издателей, числом около двухсот, высадился на Кубе. Дело в том, что Россия была объявлена почетным гостем очередной Кубинской международной книжной ярмарки. При том, что в ярмарке приняли участие десятки стран, основные мероприятия - выступления, семинары, концерты, кинопоказы - были связаны с Россией. О значимости события говорит тот факт, что открывали ярмарку кубинский лидер Рауль Кастро и специально прилетевший министр иностранных дел России Сергей Лавров, а среди членов нашей делегации были такие мэтры, как Евгений Евтушенко, Генрих Боровик, Эдуард Успенский. Проходила ярмарка в главном историческом месте Гаваны - крепости Сан-Карлос-де-ла-Кабанья. Часть мероприятий российской делегации была посвящена фантастике. На Кубе любят этот жанр, существует еженедельная передача на одном из немногочисленных телеканалов - в ней показывают фильмы (международная изоляция имеет и свои плюсы - нет проблем с авторскими правами: например, там уже по ТВ показали «Аватар») и обсуждают их. Специально к ярмарке были показаны оба «Дозора» и «Обитаемый остров». «Дозоры», наряду с ретроспективными показами советских фильмов вроде «Человека-амфибии», демонстрировались и на самой ярмарке - ведь одним из гостей был Сергей Лукьяненко, чья

персона вызвала у кубинцев живой интерес. Он принял участие в нескольких мероприятиях, в том числе в круглом столе «Новые горизонты современной фантастики и приключенческой литературы» (ведущий - Дмитрий Байкалов). Кубинские фантасты и фэны весьма активны, мечтают печататься в России, многое знают о нашей фантастике, недавно за свои деньги выпустили сборник лучших произведений советских и российских НФ-произведений «Человек, который сделал Балтийское море» - об этом рассказывалось на специальной встрече кубинского фэндомы с С. Лукьяненко и Д. Байкаловым. Сама ярмарка вызвала на Кубе невероятный ажиотаж, в кассы выстраивались километровые очереди - всего за две недели ее посетили более миллиона кубинцев.

In memoriam 31 января в возрасте 57 лет скончалась американская писательница Кейдж Бейкер. Читателям «Если» она хорошо известна по произведениям «Королева Марса», «Ловушка», «Мальстрем». Кейдж Бейкер родилась в 1952 году в Голливуде, штат Калифорния. В молодости работала художником-оформителем, занималась рекламой, сочиняла сценарии, снималась в эпизодических ролях, была режиссером и ассистентом режиссера, преподавала английский. Дебютировала в фантастике лишь в 1997-м: в журнале *Asimov's Science Fiction* появилась повесть «Благородная плесень». В том же году вышел дебютный роман писательницы «В садах Идемских» (у писательницы Эдем имел свой смысл), открывший цикл «Компания» о группе бессмертных путешественников во времени. Книга «Наковальня мира» из еще одного популярного цикла, на этот раз фэнтезийного, была опубликована в России.

7 февраля на девяностом году жизни скончался Филип Класс, известный всему фантастическому миру под псевдонимом Уильям Тенн. Он родился в Лондоне в 1920-м, через полтора года его родители эмигрировали в Нью-Йорк. Во время Второй мировой войны Тенн служил в армии США инженером войск ПВО. Писать начал после демобилизации. Первый фантастический рассказ «Александр-наживка» вышел в 1946-м. Всего автор написал 11 книг, не считая рассказов, статей и эссе в антологиях и периодике. В творческом багаже писателя - в основном рассказы и повести. Произведения Тенна пользовались популярностью и в России - в 1997 году вышел двухтомник «Миры Уильяма Тенна», а толстый том с полным собранием рассказов писателя вышел в 2006-м в издательстве «Эксмо» под названием «Балдежный критерий».

Агентство F-пресс

БАСКОВ Вячеслав Яковлевич

Вячеслав Басков родился в 1945 году в Москве, член Союза журналистов, Союза писателей, автор романов, пьес, учебных пособий для студентов факультетов журналистики. В 2006 году вышла его книга, посвященная новому журналистскому жанру, «Аналитический репортаж», в 2008-м - «Секреты журналистики», написанная им в соавторстве с Анатолием Захаровичем Рубиновым. В публицистике специализируется на социальной проблематике. Много лет печатал острые материалы на страницах центральных изданий.

В журнале «Если» также публиковались его статьи: «Обещание счастья», «Ребенок под ногами», «Домашняя космогония». В 1989 году Московское отделение Союза журналистов СССР присудило Вячеславу Баскову премию за лучший материал года. В 2006-м Союз журналистов России наградил его почетным знаком «За заслуги перед профессиональным сообществом».

В жанре фантастики выступает впервые.

БЕРЕЗИН Фёдор Дмитриевич

Писатель-фантаст Фёдор Березин родился 7 февраля 1960 года в Донецке. В 1981-м окончил Энгельсское высшее зенитное ракетное командное училище войск ПВО СССР, служил офицером-ракетчиком в Казахстане и на Дальнем Востоке. В 1991 году уволился в запас и вернулся в родной город. Был предпринимателем, несколько лет работал проходчиком вертикальных стволов в шахтостроительной отрасли. С 1998-го - профессиональный писатель.

По собственному признанию, «писать фантастику мечтал с юности, но целенаправленно занялся только в тридцать восемь лет». В печати дебютировал рассказами «Иерархия» и «Модернизация», опубликованными в 2000-м в журнале «Порог», а в следующем году увидела свет и первая книга писателя - роман «Пепел», получивший премию «Золотой кадуцей» в номинации «Лучший дебют» (в наградной коллекции фантаста еще четыре «Кадуцея» - один серебряный и четыре бронзовых). Сегодня Ф.Березин - один из лидеров военно-

футурологической НФ.

Широкую известность писателю принесли дилогия «Красные звезды (Катаклизм)» (2001-2002), а также романские серии «Черный корабль» (2001-2008), «Война 2030» (2005-2008) и «Война 2010. Украинский фронт» (2009). В 2009 году роман «Война 2030: Флаги наших детей» получил премию «Лунная радуга».

ГАРКУШЕВ Евгений Николаевич

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 1 за этот год)

Корр.: Ваше творчество жанрово разнообразно. А есть какое-то одно направление, в котором вам особенно комфортно и интересно работать?

Е.Гаркушев: Я не только в фантастике экспериментировал, но и детектив пробовал писать. Понял: не мое. Если же говорить о наиболее близких и «комфортных» направлениях, то это, несомненно, классическая научная фантастика. Возможно, с примесью фантастики социальной. И корни моего увлечения ею уходят очень глубоко, да к тому же еще спутаны и связаны. В раннем детстве я прочел «Аэлиту», много книг Беляева, Жюль Верна, что-то из классиков американской НФ. Эти книги развили во мне интерес к тому, как устроен мир, что ждет землян в космосе, какое будущее им уготовано. Я верил в могущество человеческого разума и в то, что общество изменяется к лучшему. Во многом поэтому заинтересовался физикой и получил соответствующее образование. Теперь же полученный багаж знаний хочется время от времени применить, пусть и в первом приближении. На самом деле, очень удобно выдумывать только кое-что, а остальное - просто знать. При написании книг я порой беру карандаш и делаю расчеты, вывожу формулы... Неискушенному читателю, наверное, все равно. Но мне будет стыдно, если книгу прочтет человек с достаточным уровнем подготовки и скажет: да ведь тут глупость написана, не может такого быть! Да, всегда можно оправдаться: а это квартовые (или любые другие) эффекты действуют. Но ведь интереснее, когда лишних допущений не делается.

ГОРНОВ Николай Викторович

Омский фантаст и журналист родился в 1966 году. После окончания Сибирского автомобильно-дорожного института работал инженером-дорожником, мастером теплового участка. Несколько лет занимался книготорговым бизнесом, с 1999-го - профессиональный журналист. Работал заместителем редактора делового омского еженедельника

«Коммерческие вести». В настоящее время - обозреватель-аналитик этого же издания.

В 1989 году создал культовый юмористический фэнзин «Страж-птица», примерно к этому же времени относятся и первые литературные опыты. В 2001-м рассказ Н.Горнова «Пароход идет в Кранты» стал победителем литературного конкурса «Альтернативная реальность» журнала «Если» и одновременно - печатным дебютом автора в фантастике. С тех пор опубликовал несколько повестей и рассказов в жанровой периодике, в том числе в журнале «Если». Однако книжный дебют писателя состоялся только в прошлом году, когда увидели свет роман «Общество мертвых пилотов» и сборник «3000 метров ниже уровня моря».

ИЛЬИН Владимир Леонидович

Московский писатель-фантаст и переводчик Владимир Ильин родился в 1957 году в городе Златоуст Челябинской области. После окончания московского Военного института (бывший ВИИЯ) работал военным переводчиком с португальского и французского языков, преподавал в родном институте, занимался научно-исследовательской работой. В 1998-м уволился в запас в звании подполковника. С 2000 года работает в Конституционном суде Российской Федерации.

В фантастике дебютировал в 1982-м, а первый авторский сборник «Самые странные существа» вышел в свет в 1995 году. Затем в серии «Абсолютное оружие» издательства «Эксмо» опубликовал романы «Реальный противник» (1996), «Враги по разуму» (1996), «Сеть для игрушек» (1997), «Пожелайте мне неудачи» (1998), «Зимой змеи спят» (1999), «Куб со стертymi гранями» (2000), «Нельзя идти за горизонт» (2000), «Люди феникс» (2002), «Последняя дверь последнего вагона» (2005), «Профилактика» (2006). Его перу принадлежат также сборники повестей и рассказов «500 лет до катастрофы» (2000), «Сны замедленного действия» (2001), «Единственный выход» (2003). Отдельные рассказы В.Ильина печатались в журнал «Если», других изданиях, сборниках и антологиях.

Владимир Ильин хорошо известен в мире фантастики переводами новейших произведений испанских, португальских, латиноамериканских, французских и английских авторов.

КАСТРО Адам-Трой (CASTRO, Adam-Troy)

Американский писатель Адам-Трой Кастро родился в 1960 году. Его

первый рассказ «Подтверждение разрешения на посадку» вышел в 1989-м, и с тех пор Кастро опубликовал около восьми десятков произведений короткой формы в периодике и антологиях (ряд произведений был номинирован на премии «Хьюго», «Небьюла», имени Брэма Стокера и другие), широкую популярность принесли автору два романа - «Чужая тьма» и «Разлагающаяся тьма» (оба - 2000), а также серия книг «Вософф и Нимиц» (1994-1998). Адам-Трой Кастро в настоящее время проживает во Флориде.

КРИК Дэйв (CREEK, Dave)

Молодой американский писатель Дэйв Крик дебютировал в жанре в 2000 году рассказом «Взгляд на прекрасное». С тех пор он опубликовал десяток рассказов (в основном, в журнале «Analog», один из номеров которого с рассказом Крика - предмет особой гордости автора! - стал частью библиотеки на Международной космической станции,). В настоящее время Крик, работающий продюсером на кабельном телевидении, проживает с женой и сыном в Луисвилле (штат Кентукки).

ЛИГОН Том (LIGON, Tom)

Американский инженер-физик и писатель-фантаст Томас Лигон (год рождения установить не удалось) после окончания Политехнического института штата Вирджиния в 1975 году и защиты диссертации (там же - в 1978-м) работал в нескольких научных лабораториях и корпорациях. В частности, в Matter Conversion Corporation Лигон принимал непосредственное участие в создании оригинальной установки для «инерционного электродинамического синтеза» (Inertial Electromagnetic Fusion), опытная модель которой прошла успешные испытания в 2005 году.

Первый рассказ Лигон опубликовал в 1984 году - «Невидимые противники». С тех пор он напечатал еще более десятка рассказов (все - в журнале «Analog»), один из которых, «Любители» (1996), был номинирован на премию «Небьюла».

В настоящее время Лигон работает в консалтинговой фирме АТЕ (Assorted Technical Expertise), которая, по его словам, «консультирует буквально по любой проблеме - от плотничьего дела до ядерных ракетных двигателей». В свободное время он увлекается велосипедом, астрономией, фотографией, картографией, дрессирует котов и учится в летной школе.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, **ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ** почтовых услуг.

Цена действительна только на номера 2010 года.

Номера будут высылаются подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение	Форма № ПД-4
	ООО «Издательский дом «Любимая книга» (наименование получателя платежа)
	ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)
	в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» (наименование банка получателя платежа)
	БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 (номер кор.сч. банка получателя платежа)
	КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп.
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.
Кассир	Итого _____ руб. _____ коп.
	ООО «Издательский дом «Любимая книга» (наименование получателя платежа)
	ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)
	в ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» (наименование банка получателя платежа)
	БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 (номер кор.сч. банка получателя платежа)
	КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп.
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.
Квитанция Кассир	Итого _____ руб. _____ коп.

Извещени
е

Форма № ПД-4

Кассир

Издательский дом «Любимая книга»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

№ р/с

40702810320000000410

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ **540** руб. **00** коп. 1

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. 1

Итого _____ руб. _____ коп.

Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

№ р/с

40702810320000000410

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767

(номер кор./сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ **540** руб. **00** коп. 1

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. 1

Итого _____ руб. _____ коп.

Квитанция
Кассир

ВНИМАНИЕ!

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об

оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей
странице.

Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9. 000
«Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.
Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177)
e-mail: phone@uuu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«__» _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«__» _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«__» _____ 20__ г _____

(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____; _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ **20**__ г _____

(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____, _____; _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Нэнси КРЕСС
«ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ»**

РАССКАЗЫ

**Тони ДЭНИЕЛА, Алексея МОЛОКИНА,
Джейсона СЭНФОРДА,
Дэвида МОУЛЗА**

СТАТЬЯ

**Глеба Елисеева
о пандемии в фантастике**

ОЧЕРК

Вл. Гакова об Уильяме Тенне

**ЧИТАЙТЕ МАЙСКИЙ
ВЫПУСК «ЕСЛИ»**

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России»
и «Роспечать» (газеты, журналы).

Индекс – 73118.

Стоимость подписки на 1 месяц – 87 рублей, включая
почтовые услуги.

Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Нэнси КРЕСС
«ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ»**

РАССКАЗЫ

**Тони ДЭНИЕЛА, Алексея МОЛОКИНА,
Джейсона СЭНФОРДА,
Дэвида МОУЛЗА**

СТАТЬЯ

**Глеба Елисеева
о пандемии в фантастике**

ОЧЕРК

Вл. Гакова об Уильяме Тенне

ЧИТАЙТЕ МАЙСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

